
МОРИС
ЛЕБЛАН
Арсен Люпен
и остров
Тридцати Гробов
АЗБУКА-КЛАССИКА

Арсен Люпен и Остров Тридцати Гробов

Морис Леблан

Аннотация
Морис Леблан. Арсен Люпен и Остров Тридцати Гробов
Глава первая. Заброшенная хижина
Глава вторая. На берегу океана
Глава третья. Сын Ворского
Глава четвертая. Несчастные жители Сарека
Глава пятая. Четыре женщины на четырех крестах
Глава шестая. Дело-в-шляпе
Глава седьмая. Франсуа и Стефан
Глава восьмая. Ужас
Глава девятая. «Пыточная клеть»
Глава десятая. Побег
Глава одиннадцатая. Бич божий
Глава двенадцатая. Восхождение на голгофу
Глава тринадцатая. «Или́, Или́! лама́ савахфани?»
Глава четырнадцатая. Старый друид
Глава пятнадцатая. Подземный зал жертвоприношений

Глава шестнадцатая. Надгробие богемских королей
Глава семнадцатая. «Жестокосердный принц, перст рока…»
Глава восемнадцатая. Божий камень

Аннотация

Арсен Люпен – великий искатель приключений, король воров, человек с тысячью обличий. Благодаря хитроумным преступлениям он скопил колоссальное богатство, позволившее ему оставить карьеру преступника и самому вершить правосудие, спасая жизни там, где бессилен закон. «Арсен Люпен и остров Тридцати Гробов» – пожалуй, один из самых известных романов Мориса Леблана из цикла о «джентльмене-грабителе» Арсене Люпене. Главная героиня этой леденящей кровь истории узнает о гибели своего мужа и о загадочном пророчестве, согласно которому ее супруг должен был умереть от руки друга, а сама она – погибнуть на кресте. В поисках своего исчезнувшего сына Вероника попадает на загадочный остров Тридцати Гробов, где ей угрожает смертельная опасность. Ужасное пророчество вот-вот должно исполниться…

Морис Леблан
Арсен Люпен и Остров Тридцати Гробов

Maurice Leblanc
L’ÎLE AUX TRENTE CERCUEILS

© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2024
© Издание на русском языке, оформление

* * *

Maurice
LEBLANC
1864–1941

Морис
ЛЕБЛАН

Арсен Люпен и остров Тридцати Гробов

АЗБУКА

Санкт-Петербург

Минувшая война вызвала столько потрясений, что мало кто теперь помнит о разразившемся более десяти лет назад скандале с д'Эржемоном.

Напомним вкратце его суть.

В июне 1902 года господин Антуан д'Эржемон, известный исследователь мегалитических сооружений Бретани, прогуливаясь с дочерью Вероникой в Булонском лесу, подвергся нападению четверых неизвестных, которые сбили его с ног ударом палки по голове.

После короткой отчаянной борьбы дочь господина д'Эржемона, известная в кругу друзей как Прекрасная Вероника, была схвачена и брошена в автомобиль, который, по рассказу свидетелей этой очень недолгой сцены, уехал в сторону Сен-Клу.

На первый взгляд — обычное похищение. Однако на следующий день стали известны истинные обстоятельства дела. Граф Алексис Ворский, молодой польский дворянин, известный своей скверной репутацией и большим самомнением и утверждавший, что в его жилах течет королевская кровь, был влюблен в Веронику д'Эржемон, причем та отвечала ему взаимностью. Однако, поскольку отец девушки слышать о нем не хотел и даже неоднократно наносил ему оскорбления,

граф решил похитить Веронику, о чем она, впрочем, и не подозревала.

Антуан д'Эржемон, который был — и кое-какие ставшие достоянием гласности письма свидетельствуют об этом — нелюдим и вспыльчив и из-за своей взбалмошности, отчаянного эгоизма и гнусной скаредности сделал несчастной собственную дочь, публично поклялся жестоко отомстить молодым людям.

Однако же он дал согласие на их брак, и через два месяца молодые люди обвенчались в Ницце. Но на следующий год разразился новый скандал. Непримиримый в сжигавшей его ненависти, господин д'Эржемон, в свою очередь, похитил ребенка, родившегося у Вероники от Ворского, и в Вильфранше вышел вместе с ним в море на только что купленной небольшой яхте.

Разразился шторм. Вблизи от итальянского берега яхта пошла ко дну. Находившиеся на ней четверо матросов были подобраны оказавшимся поблизости судном. По их словам, господин д'Эржемон и ребенок погибли в пучине.

Узнав об их смерти, Вероника д'Эржемон удалилась в монастырь кармелиток.

Таковы факты. Четырнадцать лет спустя они стали причиною целого ряда событий — жутких,

невероятных, но вполне реальных, — иные подробности которых казались на первый взгляд просто фантастическими. Однако война внесла в жизнь людей такую смуту, что даже то, чего она непосредственно не коснулась, — как, например, история, изложенная на этих страницах, — приобрело под ее влиянием черты чего-то искаженного, алогичного, а порой и сверхъестественного. И только яркий свет истины, на самом деле не такой уж и непостижимой, поможет этим событиям вернуться в мир реального.

Глава первая
Заброшенная хижина

Однажды майским утром в живописную деревушку Фауэт, расположенную в самом сердце Бретани, въехал экипаж, в котором сидела дама, чье просторное серое платье и густая вуаль не могли скрыть изумительной красоты и изящества их обладательницы.

Позавтракав на скорую руку на постоялом дворе, дама попросила хозяина присмотреть за ее чемоданом, задала несколько вопросов относительно окрестностей и, пройдя деревню насквозь, оказалась в полях.

Почти сразу же ее взору открылись две дороги: одна на Кемперле, другая — на Кемпер. Выбрав последнюю, она спустилась в ложбину, поднялась наверх и справа от себя увидела проселочную дорогу, подле которой стоял указатель с надписью: «Локриф, 3 км».

— Кажется, сюда, — пробормотала дама.

Однако, окинув взглядом окрестности, она удивилась, не найдя того, что искала. Быть может, она неправильно поняла данные ей инструк-

ции?

Вокруг ни души — лишь бретонские луга, окаймленные на горизонте деревьями и холмами. Неподалеку от деревни среди молодой весенней зелени виднелся серый фасад небольшого замка, все окна которого были закрыты ставнями. Настал полдень; в воздухе разнеслось гудение колоколов, созывавших людей к молитве. И снова тишина и покой.

Усевшись на склоне поросшего молодой травкой холма, дама извлекла из кармана конверт и достала оттуда несколько листков.

На первом из них сверху стоял следующий штамп:

Агентство Дютрейи.
Консультации.
Конфиденциальные расследования.
Тайна гарантируется.

Ниже стоял адрес:

Безансон. Дамские моды. Госпоже Веронике.

Она принялась читать:

Сударыня,

Вы не поверите, с какой радостью исполнил я двойное поручение, которое Вы соблаговолили дать мне в этом месяце, то есть в мае 1917 года. Мне никогда не забыть обстоятельства, при которых четырнадцать лет назад я смог оказать Вам действенную помощь, когда ряд столь горестных событий омрачил Ваше существование. Ведь я сумел тогда собрать все доказательства гибели Вашего почтенного батюшки господина Антуана д'Эржемона и любимого сына Франсуа – это была первая победа в моей карьере, повлекшая за собою другие, не менее блестящие успехи.

Не забывайте также, что именно я, увидев, насколько будет для Вас полезно избавиться от ненависти и, скажем так, любви Вашего мужа, предпринял по Вашей просьбе необходимые шаги для того, чтобы Вы смогли попасть в монастырь кармелиток. Когда же, находясь в монастыре, Вы поняли, что посвятить свою жизнь религии противно Вашей натуре, именно я подыскал для Вас скромное

ателье мод в Безансоне – городе, удаленном от мест, где протекли годы Вашего детства и недели Вашего замужества. Вы испытывали потребность в труде, чтобы иметь возможность жить и не думать ни о чем. В этом Вы должны были преуспеть – и преуспели.

Теперь давайте перейдем к вопросам… двум вопросам, которые нас занимают.

Вопрос первый. Что произошло за эти бурные годы с Вашим мужем господином Ворским – поляком по рождению и документам и сыном короля, по его собственному утверждению? Я буду краток. Брошенный в самом начале войны как подозрительная личность в концентрационный лагерь близ Карпантра, господин Ворский сбежал оттуда в Швейцарию, а по возвращении во Францию был арестован, обвинен в шпионаже и изобличен в том, что является немцем. Его неминуемо ждала смертная казнь, но он снова бежал, скрывался в лесу Фонтенбло и в конце концов был убит ударом ножа, причем кто это сделал – неизвестно.

Я рассказываю Вам все это без обиня-

ков, сударыня, потому что знаю, какое презрение питаете Вы к этому так подло предавшему Вас субъекту, и понимаю, что хотя многое Вам известно из газет, но проверить эти сведения у Вас не было возможности.

Итак, доказательства существуют. Я их видел. Сомнений больше нет: Алексис Ворский похоронен в Фонтенбло.

Мимоходом позволю себе обратить Ваше внимание, сударыня, на кое-какие странные обстоятельства, связанные с его смертью. Вспомните загадочное пророчество, о котором Вы мне рассказывали и которое касалось господина Ворского. Страдавший галлюцинациями и кошмарами господин Ворский, чей несомненный ум и редкая энергия весьма проигрывали от его приверженности ко всякого рода предрассудкам, находился под сильным впечатлением этого предсказания, которое камнем висело над его жизнью и было сделано несколькими особами, сведущими в оккультных науках: «Ворский, сын короля, ты погибнешь от руки друга, а жена твоя умрет

на кресте». Я написал эти последние слова, сударыня, и рассмеялся. Умрет на кресте! Такая казнь несколько вышла из моды, поэтому на Ваш счет я спокоен. Но что Вы скажете об ударе ножом, полученном господином Ворским в полном соответствии с таинственной волею судьбы?

Впрочем, довольно умствований. Теперь речь пойдет…

Вероника уронила руку с письмом на колени. Вычурный слог и фамильярные шуточки господина Дютрейи ранили чувствительную натуру женщины, а трагический образ Ворского неотвязно ее преследовал. При страшных воспоминаниях об этом человеке дрожь ужаса пробежала по ее телу. Но она овладела собой и продолжила читать:

Теперь речь пойдет, сударыня, о втором данном Вами поручении, наиболее важном для Вас, поскольку все остальное относится уже к прошлому.

Уточним факты. Три недели назад, в четверг вечером, когда Вы сочли возможным нарушить привычное одно-

образие своего существования и повели своих работниц в кинематограф, Вас поразило нечто не поддающееся объяснению. В главном фильме сеанса, носившем название «Бретонская легенда» и посвященном путешествиям, была сцена, которая происходила у дороги, подле заброшенной хижины, не имевшей, впрочем, никакого отношения к действию. В кадре она оказалась, по-видимому, совершенно случайно. Однако Ваше внимание привлекло нечто непонятное. На просмоленных досках ветхой двери хижины Вы заметили начертанные от руки три буквы: «В. д'Э.», представлявшие собою не что иное, как Вашу подпись, которой Вы пользовались, только будучи молоденькой девушкой, в личных письмах и к которой Вы не прибегли ни разу за последние четырнадцать лет. Вероника д'Эржемон! Ошибка исключена. Две прописные буквы, а между ними – строчное «д» с апострофом. Более того, росчерк в подписи был сделан в виде перекладины буквы «Э», загнутой и проведенной под всеми тремя буквами – точно так же, как делали ко-

гда-то Вы.

Вы, сударыня, были столь ошеломлены этим удивительным совпадением, что решили прибегнуть к моей помощи. Она была обещана Вам заранее. И Вы заранее были уверены, что она окажется действенной.

Как Вы и предполагали, сударыня, я справился с заданием.

По обыкновению, снова буду краток.

Сударыня, садитесь на вечерний парижский скорый поезд и на следующее утро выходите в Кемперле. Оттуда следуйте экипажем до Фауэта. Если у Вас будет время, то до или после завтрака осмотрите весьма любопытную часовню Святой Варвары, расположенную в очень причудливом месте, которое и послужило толчком для создания фильма «Бретонская легенда». Затем отправляйтесь пешком по дороге на Кемпер. В конце первого взгорья, чуть дальше проселочной дороги, ведущей в Локриф, и стоит в полукруге деревьев заброшенная хижина с интересующей Вас надписью. Больше ничего особенного в ней нет. Внутри пу-

сто, отсутствует даже пол. Вместо скамейки – гнилая доска. Крыши нет – одни трухлявые стропила, пропускающие дождь. Повторяю еще раз: в поле зрения кинематографической камеры хижина эта попала совершенно случайно, тут сомневаться не приходится. В заключение добавлю, что фильм «Бретонская легенда» снимался в прошлом сентябре, стало быть, надпись сделана по крайней мере восемь месяцев назад.

Вот и все, сударыня. Моя двойная миссия выполнена. Я слишком скромен, чтобы поведать, ценою каких усилий и с помощью каких хитроумных средств мне удалось разузнать все за столь короткий срок, иначе Вы нашли бы несколько смехотворной сумму в пятьсот франков, которой я ограничился в качестве платы за свои труды.

Благоволите принять…

Вероника сложила письмо и на несколько минут предалась навеянным им чувствам, мучительным, как и все, что воскрешало ужасные дни ее замужества. Одно из них было особенно силь-

ным и ярким — почти таким же, как в те часы, когда она, чтобы от него избавиться, скрылась под сенью монастыря. Это было даже не чувство, а скорее уверенность в том, что истоки всех ее бед, гибель отца и сына — в трагической ошибке, которую она совершила, полюбив Ворского. Конечно, она сопротивлялась любви этого человека и решилась на брак от безысходности и отчаяния, чтобы защитить господина д'Эржемона от мести Ворского. И все равно она его полюбила. Все равно она поначалу замирала и бледнела под его взором, и за это, как ей теперь казалось, непростительное малодушие ее терзали угрызения совести, которых не могло ослабить даже время.

— Пора идти, — прошептала она. — Довольно бредней! Я приехала сюда не затем, чтобы плакать.

Жажда истины, прогнавшая ее из тихого Безансона, придала ей сил, и она встала, полная решимости действовать.

«Чуть дальше проселочной дороги, ведущей в Локриф… в полукруге деревьев…» — говорилось в письме господина Дютрейи. Выходит, она прошла мимо. Она поспешно вернулась назад и сразу же заметила видневшуюся справа купу

деревьев, которые закрывали от нее хижину. Подойдя поближе, она ее увидела.

Хижина представляла собою нечто вроде пристанища для пастуха или дорожного рабочего, которое под воздействием непогоды постепенно пришло в ветхость. Приблизившись, Вероника убедилась, что надпись по вине дождей и солнца стала гораздо менее четкой, чем в фильме. Впрочем, три буквы были еще различимы, росчерк — тоже, а под ними она разглядела то, чего не заметил господин Дютрейи: изображение стрелы и цифру 9.

Волнение Вероники усилилось. Хотя писавший даже не пытался подделать форму букв, это тем не менее была подпись, какой она пользовалась в юности. Кто же мог поставить ее здесь, на двери заброшенной хижины, в Бретани, куда она попала впервые в жизни?

У Вероники не было никого на всем белом свете. Обстоятельства сложились таким образом, что юность ее, если можно так выразиться, разбили смерти всех тех, кого она любила и знала. Каким же образом воспоминание о ее подписи сохранилось за пределами круга близких ей людей — круга, которого больше не было? И почему она появилась здесь, именно в этом месте? Что

все это могло означать?

Вероника обошла хижину. Ни на лачуге, ни на окружавших ее деревьях никаких других знаков не обнаружилось. Тут она вспомнила, что господин Дютрейи заглядывал внутрь, но ничего интересного там не заметил. Однако ей захотелось убедиться самой, что он не ошибся.

Дверь была заперта на обычную щеколду. Вероника ее откинула, но странное дело: непонятно почему ей потребовалось сделать некоторое усилие, причем душевное, а не физическое, пришлось напрячь волю, чтобы потянуть дверь к себе. Ей казалось, что, сделав это легкое движение, она проникнет в мир вещей и событий, которых безотчетно страшилась.

— Да что со мной? — пробормотала Вероника. — Что мне мешает?

И с этими словами резко потянула дверь.

В ту же секунду у нее вырвался крик ужаса. В хижине находился труп мужчины. Едва его увидев, Вероника тут же обратила внимание на странное обстоятельство: у мертвеца не было кисти одной из рук.

Это был старик; борода с проседью лежала веером у него на груди, длинные седые волосы закрывали шею. Почерневшие губы и причудли-

вый оттенок распухшего лица навели Веронику на мысль, что он, должно быть, отравлен, поскольку никаких ран на теле она не заметила, если не считать искалеченной — судя по всему, несколько дней назад — руки. Одет он был так, как одеваются бретонские крестьяне, платье его выглядело опрятным, но сильно поношенным. Мертвец сидел на земле, опираясь головой о скамью и подвернув под себя ноги.

Все это Вероника отметила безотчетно и вспомнит позднее; сейчас же она стояла, уставившись в одну точку, вся дрожа и лепеча:

— Мертвец… Мертвец…

Внезапно ей пришло в голову: а вдруг она ошибается и человек еще жив? Она прикоснулась ко лбу старика и вздрогнула, ощутив под пальцами ледяную кожу.

Впрочем, этот жест помог Веронике выйти из оцепенения. Она решила действовать и, поскольку поблизости не было ни души, подумала, что ей придется вернуться в Фауэт и там сообщить властям о своей находке. Но прежде она принялась осматривать труп в надежде найти хоть что-нибудь, что помогло бы установить личность убитого.

Карманы оказались пустыми. Ни на одежде,

ни на белье никаких меток не было. Однако, когда Вероника, продолжая поиски, немного сдвинула труп с места, голова старика упала на грудь и туловище склонилось к ногам, открыв тем самым ее взгляду пространство под скамьей.

Там она увидела какой-то комочек. Это был смятый, надорванный и скрученный листок рисовальной бумаги.

Вероника подняла его и принялась разворачивать. Но не успела она толком разглядеть листок, как руки ее задрожали и она воскликнула:

— О боже! Боже мой!

Со всею присущей ей силой воли она попыталась успокоиться, чтобы глаза снова обрели способность видеть, а мозг — мыслить.

Но выдержать ей удалось лишь несколько секунд. И за эти секунды, сквозь застилавший ей глаза все более плотный туман, она успела различить нарисованный красными чернилами рисунок, на котором были изображены четыре женщины, распятые на стволах деревьев.

Центральная же фигура рисунка, распятая женщина на переднем плане, — это была она, да, она сама, Вероника д'Эржемон! Под одеждой угадывалось напрягшееся тело, а лицо было искажено невыносимой мукой, но тем не менее сохраняло

сходство с оригиналом.

Вдобавок ко всему на торчавшем над ее головой обрубке дерева-распятия был по старинному обычаю нарисован картуш, на котором виднелась жирная надпись.

Три буквы с росчерком, три привычные ей с юности буквы: «В. д'Э.» — Вероника д'Эржемон!

Бедняжку с головы до ног пронизала судорога. Вероника вдруг выпрямилась, повернулась на каблуках и, выбравшись из хижины, без сознания упала на траву.

Вероника была женщиной рослой, крепкой, цветущей и очень уравновешенной; казалось, никакие испытания не могли повлиять на ее душевное и физическое здоровье. И только исключительные, непредвиденные обстоятельства, вроде описанных, в сочетании с усталостью от двух ночей, проведенных в поезде, способны были привести в столь плачевное состояние ее нервы и волю.

Впрочем, через несколько минут она вновь обрела четкость и ясность мысли.

Она встала, вернулась в хижину, подняла листок плотной бумаги и с невыразимой тревогой снова взглянула на него, — правда, на этот раз глаза ее были способны видеть, а мозг — раз-

мышлять.

Прежде всего Вероника разглядела подробности, которые поначалу показались ей маловажными или значения которых она не поняла. С левой стороны листа виднелась колонка из пятнадцати убористых строк, но не написанных обычным почерком, а составленных из довольно бесформенных букв с одинаковыми вертикальными черточками.

Кое-где тем не менее можно было прочесть отдельные слова.

Вероника сумела разобрать: «Четыре женщины на четырех крестах», потом: «…тридцати гробах» и в конце последнюю строчку: «Тот Божий Камень — он дарует жизнь иль смерть».

Вся колонка с текстом была взята в рамку из двух линий, черной и красной, сверху помещалось — тоже красное — изображение двух серпов, соединенных веткой омелы, а снизу — контур гроба.

Правую часть листа, гораздо более важную, занимал рисунок, выполненный сангиной, что придавало всему листу, вместе с колонкой текста, вид страницы или, скорее, копии страницы из книги — какой-то большой книги со старинными иллюстрациями, сделанными в несколько

примитивной манере, с полным пренебрежением всеми правилами.

Именно так и выглядел рисунок, изображавший четырех распятых женщин.

Три из четырех распятий уменьшались, уходя к горизонту; на голове у женщин, одетых в костюмы бретонок, были бретонские же чепцы, отличавшиеся, однако, особенностью, присущей только этой местности: каждый чепец был украшен черным бантом, повязанным на эльзасский манер. А в середине страницы находилось то ужасное, от чего Вероника никак не могла оторвать глаз. Это было главное распятие — ствол дерева с двумя коротко обрезанными нижними ветвями, вдоль которых вправо и влево были растянуты руки женщины.

Члены ее были не прибиты к дереву гвоздями, а привязаны веревкой, обмотанной вокруг тела — вплоть до бедер сомкнутых ног. На этой жертве был не бретонский костюм, а нечто вроде савана, ниспадавшего до земли и удлинявшего и без того худое, изможденное тело.

В выражении искаженного болью лица сочетались покорность, страдание и печальное изящество. Это было лицо двадцатилетней Вероники — оно хорошо ей запомнилось, когда в часы

грусти она разглядывала в зеркале свои полные безысходности и слез глаза.

Ее густые волнистые волосы, так же как и в те годы, спускались до самого пояса.

А сверху виднелась надпись: «В. д'Э.».

Вероника долго размышляла, вглядываясь в свое прошлое и пытаясь отыскать загадочную связь между тем, что произошло, и воспоминаниями юности. Но в голове у нее ни разу не блеснул хотя бы слабый луч догадки. Прочитанные ею слова и увиденный рисунок были лишены для нее всякого смысла и никак не поддавались объяснению.

Снова и снова вглядывалась она в лист бумаги. Наконец, не переставая думать о нем, Вероника медленно разорвала его на мелкие клочки и развеяла их по ветру. Когда последний клочок скрылся из виду, решение уже было принято. Она отодвинула труп, закрыла дверь и поспешила в сторону деревни; пусть этим происшествием займутся власти — в данный момент это ее устраивало.

Однако, когда часом позже Вероника вернулась в сопровождении фауэтского мэра, жандарма и целой кучки зевак, привлеченных ее рассказом, лачуга оказалась пустой.

Мертвец исчез.

Все это было чрезвычайно странно. Понимая, что в своем смятении она не сумеет толком ответить на вопросы и рассеять подозрения и недоверчивость относительно правдивости ее рассказа, причины приезда в деревню и даже ясности ее рассудка, которые могли возникнуть и возникли, Вероника отказалась от дальнейших попыток что-либо доказать и вообще от борьбы. Хозяин постоялого двора был дома. Она спросила у него, до какой ближайшей деревни она сможет дойти по дороге, чтобы сесть там на поезд, следующий в Париж.

Запомнив два названия — Скаэр и Роспорден, она наняла экипаж, который должен был вместе с чемоданом нагнать ее по пути, и ушла, охраняемая от всяческих проявлений недоброжелательства своими элегантностью и спокойной красотой.

Вероника отправилась в путь, если можно так выразиться, наудачу. Дорога перед нею лежала длинная, растянувшаяся на многие лье. Но она так спешила разобраться со всеми этими необъяснимыми событиями и вернуть себе покой и забвение, что упрямо и стремительно шла вперед, даже не сообразив, что напрасно так

утомляет себя, поскольку вслед за нею движется экипаж.

Она карабкалась на холмы, спускалась в ложбины и совершенно ни о чем не думала, отказавшись на время от поиска ответов на вставшие перед нею вопросы. На поверхность жизни всплывало ее прошлое, которое ее страшило, — начиная от момента похищения Ворским и кончая гибелью отца и ребенка…

Веронике хотелось поскорее вернуться к тому скромному существованию, которое она вела в Безансоне. В нем не было места ни печалям, ни мечтам, ни воспоминаниям, но вместе с тем Вероника не сомневалась, что и среди множества повседневных мелочей, составлявших ее тихую жизнь в выбранном ею ателье мод, она будет вспоминать и заброшенную хижину, и изуродованный труп старика, и страшный рисунок с таинственной надписью.

Немного не доходя до довольно большой деревни Скаэр и уже слыша позади бубенчик лошади, у перекрестка, от которого начиналась дорога на Роспорден, она увидела стену полуразвалившегося дома.

На ней мелом были нарисованы стрела и цифра 10, а над ними — роковая надпись: «В. д’Э.».

Глава вторая
На берегу океана

Состояние духа Вероники мгновенно переменилось. Насколько только что ей хотелось убежать от гибельной угрозы, восставшей из глубины ее прошлого, настолько же теперь она была полна решимости пройти до конца открывшийся перед нею опасный путь.

Этот крутой поворот был вызван тем, что впереди в кромешной тьме внезапно замаячил тусклый огонек. Она вдруг поняла довольно простую вещь: стрела указывала направление, а номер 10 был десятым в ряде номеров, расставленных вдоль пути между двумя опорными точками.

Но что, если эти условные знаки предназначены для кого-то другого? Не важно. Главное, что они представляли собою нить, способную привести Веронику к разгадке занимавшей ее тайны: каким чудом ее юношеская роспись попала в самую середину узла трагических событий?

Посланный из Фауэта экипаж наконец ее нагнал. Она села в него и велела вознице ехать шагом по направлению к Роспордену.

Она добралась туда к обеду; ее предположения оказались верными. Дважды около перекрестков дорог она снова увидела свою подпись и цифры 11 и 12.

Переночевав в Роспордене, Вероника на следующий день возобновила поиски.

Номер 12, обнаруженный ею на стене кладбища, направил ее по дороге, ведущей в Конкарно. Она почти добралась до города, но никакого знака больше не встретила.

Решив, что сбилась с пути, Вероника вернулась назад и потратила целый день на бесплодные поиски.

Только на следующее утро полуистертый номер 13 указал ей путь на Фуэнан. После этого она, следуя условным знакам, не раз меняла направление, сворачивала на проселочные дороги, а один раз опять сбилась с пути.

Наконец, спустя четыре дня после отъезда из Фауэта, она оказалась на берегу океана, посреди громадной отмели, раскинувшейся подле деревни Бег-Мейль.

В этой деревушке она прожила два дня, но так и не получила ответа на свои осторожные расспросы. В конце концов, блуждая утром среди выступавших из воды скал, грядою выходивших

на отмель, и по невысокому обрыву, поросшему по краям деревьями и кустами, Вероника обнаружила между двумя голыми дубами покрытый землей шалаш из веток, которым, по всей вероятности, пользовались таможенники. У входа в шалаш возвышался небольшой менгир[1]. На нем она увидела все ту же надпись и номер 17.

Но никакой стрелы. Внизу стояла точка. И все.

В шалаше — три разбитые бутылки и пустые жестянки из-под консервов.

«Здесь, видимо, и находилась цель, — подумала Вероника. — Кто-то ел. Съестное, должно быть, припасли заранее».

В этот миг она заметила, что неподалеку, у берега небольшой округлой, словно раковина, бухточки, помещавшейся между скалами, покачивается моторная лодка.

Почти одновременно она услышала два голоса — мужской и женский, приближавшиеся со стороны деревни.

С того места, где находилась Вероника, ей не сразу удалось разглядеть пожилого мужчину, тащившего с полдюжины мешков с провизией — пирогами, сушеными овощами и прочим.

---

[1] Сноски: 1

Менгир — древний вертикально врытый в землю длинный камень. — *Здесь и далее примеч. перев.*

Поставив их на землю, он спросил:

— Стало быть, хорошо съездили, госпожа Онорина?

— Прекрасно.

— А куда ж вы ездили?

— В Париж, куда ж еще! Меня не было целую неделю… Кое-что вот купила для хозяина.

— Небось довольны, что вернулись?

— Еще бы!

— Смотрите, госпожа Онорина, ваша лодка на том же месте. Я навещал ее каждый день. А сегодня утром снял брезент. Ну как, ходит она ничего?

— Отлично.

— Да, моряк из вас что надо. Ну кто бы мог подумать, госпожа Онорина, что вы научитесь управляться с моторкой?

— Это все война. Молодежь с острова разъехалась, остальные ловят рыбу. И потом, до войны-то раз в две недели к нам заходил пароход, а теперь и этого нет. Вот и приходится самой ездить за покупками.

— А как с керосином?

— У нас есть еще запас. Тут все в порядке.

— Ну ладно, счастливо. Я пошел, госпожа Онорина. Или помочь вам погрузить?

— Не стоит, вы же спешите.

— Ну счастливо, значит, пошел я, — повторил мужчина. — До следующего раза, госпожа Онорина. Я приготовлю пакеты заранее. — Отойдя на несколько шагов, он крикнул: — Поосторожней там у рифов, что окружают ваш чертов островок! Не зря у него такая слава. Просто так островом Тридцати Гробов его бы не назвали! Удачи, госпожа Онорина!

Он свернул за скалу и скрылся из виду.

Вероника вздрогнула. Тридцать гробов! Те же слова, что она прочла рядом с ужасным рисунком!

Вероника подалась вперед. Женщина подошла к лодке, погрузила в нее принесенную ею самой провизию и обернулась.

Теперь Вероника смогла толком ее разглядеть. На женщине были бретонский костюм и чепец, подвязанный черными бархатными лентами.

— Чепец как на рисунке, — пролепетала Вероника. — Как у трех распятых женщин!

Бретонке было лет сорок. Ее волевое, обожженное солнцем и морозом лицо было скуластым и грубым, однако его оживляли большие черные глаза, умные и добрые. На шее у женщины висела массивная золотая цепь. Грудь плотно облегал

бархатный корсаж.

Женщина один за другим подносила пакеты, складывала их в лодку, для чего ей приходилось становиться коленями на камень, к которому та была причалена, и тихонько что-то напевала. Закончив погрузку, она взглянула на горизонт, затянутый черными тучами; это ее нисколько не обескуражило. Она принялась отвязывать швартов, продолжая напевать, но уже громче, так что Вероника разобрала слова. С улыбкой, которая обнажала красивые белые зубы, женщина пела протяжную детскую колыбельную:

Мама девочку качала,
Ей тихонько напевала:
«Ты не плачь, моя родная, –
Огорчится Всеблагая.

Ей нужней всего на свете,
Чтобы радовались дети.
Помолись же, ангел мой,
Приснодеве Всеблагой».

Женщина внезапно умолкла: перед ней стояла Вероника с искаженным бледным лицом.

Бретонка удивилась:

— Что такое?

Дрожащим голосом Вероника заговорила:

— Кто вас научил этой песне? Откуда вы ее знаете? Ее пела мне матушка. Это песня ее родины, Савойи. Я никогда ее больше не слышала после… после ее смерти. Я… Мне хотелось…

Вероника замолчала. Бретонка молча разглядывала ее с таким удивленным выражением, словно готова была вот-вот тоже о чем-то спросить.

Вероника повторила:

— Кто вас ей научил?

— Да кто-то здешний… — ответила наконец та, которую называли госпожой Онориной.

— Здешний?

— Да, кто-то с нашего острова.

Начиная что-то понимать, Вероника спросила:

— С острова Тридцати Гробов?

— Да, его тут так называют. На самом деле это остров Сарек.

Некоторое время женщины продолжали смотреть друг на друга. В их взглядах было недоверие, смешанное с сильным желанием поговорить и объясниться. Обе одновременно почувствовали, что они не враги.

Вероника начала первая:

— Прошу меня извинить, но, понимаете, со мной происходит нечто очень странное…

Бретонка ободрительно кивнула, и Вероника продолжила:

— Странное и вызывающее тревогу. Знаете, как я очутилась на этой отмели? Пожалуй, мне нужно вам все рассказать. Быть может, только вы и сумеете мне объяснить… Ну так вот, случайность, незначительная случайность… а ведь, в сущности, с нее-то все и началось… привела меня впервые в жизни в Бретань, где на двери старой заброшенной хижины, стоящей при дороге, я увидела свою подпись — так я расписывалась лет четырнадцать-пятнадцать назад, когда была молоденькой девушкой. Продолжая свой путь, я много раз натыкалась на подобную надпись, которая была снабжена порядковым номером, и таким вот образом попала сюда, на отмель, оказавшуюся конечной точкой маршрута, начертанного для меня не знаю кем.

— Так где-то здесь есть ваша подпись? — с живостью осведомилась Онорина. — И где же?

— На этом камне над нами, у входа в шалаш.

— Отсюда мне не видно. А что там за буквы?

— Вэ, дэ, э.

Бретонка едва удержала удивленный жест. На ее худом лице выразилось глубокое волнение, и она тихо проговорила:

— Вероника… Вероника д’Эржемон.

— Ах, так вы знаете мое имя? — воскликнула молодая женщина.

Онорина схватила ее за обе руки и крепко их пожала. Ее грубое лицо осветилось улыбкой, глаза наполнились слезами, она не переставая твердила:

— Мадемуазель Вероника… Госпожа Вероника — так это вы? Господи, неужто это возможно? Благая Дева Мария!

Сконфуженная Вероника бормотала:

— Вам известно мое имя… Вы знаете, кто я… Но тогда вы, вероятно, можете мне все объяснить?

После долгого молчания Онорина ответила:

— Ничего я не могу объяснить. Я понимаю не больше вашего. Но мы можем попытаться найти ответ вместе. Скажите-ка, как называлась та деревня в Бретани?

— Фауэт.

— Фауэт? Знаю. А где находится заброшенная хижина?

— В двух километрах оттуда.

— Вы в нее заглядывали?

— Да, и это-то самое страшное. В этой лачуге был…

— Говорите же! Кто там был?

— Сначала там был труп старика в деревенской одежде, с длинными седыми волосами и бородой… Ах, никогда я не забуду этого мертвеца! Его, кажется, убили… отравили… не знаю…

Онорина слушала жадно, однако весть о преступлении явно ни о чем ей не говорила. Она просто спросила:

— Кто это был? Расследование проводили?

— Когда я вернулась в хижину с властями из Фауэта, труп исчез.

— Исчез? И кто ж его забрал?

— Понятия не имею.

— Выходит, вы так ничего и не узнали?

— Ничего. Но когда я была в хижине в первый раз, я нашла там рисунок… Я его порвала, однако кошмарные воспоминания о нем не покидают меня. Мне их никак не прогнать. Послушайте, на этом листке бумаги было что-то вроде копии со старинного рисунка, на котором изображено нечто ужасное — четыре распятые женщины. И одна из них — я, там написано мое имя! А у других на голове чепцы, похожие на ваш.

Онорина всплеснула руками и громко воскликнула:

— Что?! Четыре распятые женщины?!

— Да, и там упоминалось о тридцати гробах, то есть о вашем острове.

Бретонка прикрыла ей рот ладонью:

— Молчите! Молчите! Об этом говорить нельзя. Нет, нет, ни в коем случае! Бывают дела от дьявола, говорить о них — святотатство! Давайте помолчим об этом. Потом, может через год, будет видно. Потом… потом…

Онорину всю трясло от ужаса, который охватил ее, подобно буре, клонящей долу деревья и крушащей все вокруг. Внезапно бретонка упала на колени, склонилась, обхватив голову руками, и принялась молиться. Молилась она долго и так сосредоточенно, что Вероника не осмелилась задавать ей какие-либо вопросы.

Наконец она поднялась и через несколько мгновений проговорила:

— Да, все это поистине ужасно, однако я считаю, что долг остается долгом и сомнениям не должно быть места. — Бретонка обернулась к молодой женщине и медленно продолжила: — Вы должны отправиться со мною туда.

— Туда? На ваш остров? — не скрывая страха, переспросила Вероника.

Онорина снова взяла ее за руки и проговорила тем несколько торжественным тоном, за кото-

рым, как казалось Веронике, скрывались тайные, невысказанные мысли:

— Значит, вас зовут Вероника д'Эржемон?

— Да.

— А как звали вашего отца?

— Антуан д'Эржемон.

— Вы были замужем за якобы поляком Ворским?

— Да, за Ворским.

— Вы вышли за него замуж после скандала с похищением и разрыва с вашим отцом?

— Да.

— У вас был ребенок от Ворского?

— Да, сын Франсуа.

— Которого вы, в сущности, не знали, поскольку его у вас похитил ваш отец?

— Да.

— И оба они, ваши отец и сын, пропали в кораблекрушении?

— Да, они погибли.

— Откуда вам это известно?

Веронике даже в голову не пришло удивиться этому вопросу, и она ответила:

— Выводы расследования, проводившегося по моей просьбе, и другого, которое проводила полиция, опирались на неопровержимые пока-

зания четверых матросов.

— Кто может поручиться за то, что они не лгали?

— А зачем им было лгать? — изумилась Вероника.

— Их могли подкупить и заранее научить нужным ответам.

— Кто?

— Ваш отец.

— Что за мысль?! Да и потом, мой отец мертв.

— Повторяю: откуда вам это известно?

На этот раз Вероника удивилась.

— К чему вы клоните? — прошептала она.

— Погодите. Вы знаете имена этих четверых матросов?

— Знала, но сейчас не помню.

— А вы не помните, у них были бретонские фамилии?

— Вроде да. Но я не понимаю…

— Вы-то до сих пор не бывали в Бретани, но ваш отец бывал, и часто; он собирал здесь материалы для своих книг. Он приезжал сюда еще при жизни вашей матушки. И конечно, со многими тут перезнакомился. Предположим, что этих четверых матросов он давно знал и, пользуясь их преданностью или просто подкупив, нанял их специально

для этого дела. Предположим, что сначала они доставили ваших отца и сына в какой-нибудь маленький итальянский порт, а потом, будучи хорошими пловцами, затопили яхту невдалеке от берега. Предположим…

— Но ведь эти люди живы! — все более и более волнуясь, воскликнула Вероника. — Их ведь можно расспросить!

— Двое умерли несколько лет назад. Третий, по имени Магеннок, уже старик, живет на Сареке. Что до четвертого, то вы его, наверно, недавно видели. На деньги, заработанные на этом деле, он купил бакалею в Бег-Мейле.

— Значит, с ним можно поговорить тотчас же! — вся дрожа, воскликнула Вероника. — Пойдемте скорее к нему.

— Зачем? Я знаю обо всем этом больше его.

— Знаете? Вы знаете?!

— Мне известно все, чего не знаете вы. Я могу ответить на любой ваш вопрос. Спрашивайте.

Однако Вероника не осмелилась задать ей главный вопрос, который еще только зрел в глубинах ее сознания. Она боялась правды, в которой не было ничего невозможного и которую она уже начала предчувствовать; срывающимся голосом она пролепетала:

— Я не понимаю… Не понимаю… Почему мой отец так поступил? Почему он захотел, чтобы мое бедное дитя и его самого считали погибшими?

— Ваш отец поклялся отомстить…

— Ворскому, но не мне же — своей дочери? Да еще такой страшной местью!

— Вы любили своего мужа. Попав в его власть, вы, вместо того чтобы убежать, согласились выйти за него замуж. Да и оскорбление было нанесено публично. А своего отца вы знаете — его необузданный нрав, злопамятность, его несколько… неуравновешенную натуру, как он сам выражался.

— Но потом-то?

— Потом? С годами возникли угрызения совести, появилась нежность к ребенку. Отец принялся вас разыскивать. Да уж, мне пришлось поездить! Начала я с монастыря кармелиток в Шартре. Но вы к тому времени уже давно его покинули… А куда, кстати, вы подались? Где вы жили?

— Но можно же было дать объявление в газеты?

— Один раз давали, но очень осторожно, опасаясь скандала. И на него ответили. Попросили о встрече. И знаете, кто пришел на эту встречу?

Ворский, который тоже вас искал, который вас любил и ненавидел. Ваш отец испугался и действовать в открытую больше не решился.

Вероника молчала. Обессилев, она села на камень и уронила голову на грудь.

Наконец она прошептала:

— Вы говорите о моем отце, словно он и теперь жив…

— Он жив.

— И словно вы часто с ним видитесь…

— Каждый день.

— А с другой стороны, — еще тише продолжила Вероника, — вы ни словом не упомянули о моем сыне. Мне в голову лезут страшные мысли. Быть может, его не удалось спасти? Или он умер потом? Вы поэтому ничего о нем не говорите?

Она с усилием подняла голову. Онорина улыбнулась.

— Ах, прошу вас, — взмолилась Вероника, — скажите мне правду! Это ужасно — надеяться, когда надежды уже нет. Умоляю…

Онорина обняла ее за плечи:

— Бедняжка вы моя, да разве я стала бы рассказывать вам все это, если б его не было в живых, моего милого Франсуа?

— Так он жив? Жив?! — теряя голову от радости,

вскричала Вероника.

— Жив, черт возьми, и прекрасно себя чувствует! Этот крепыш очень прочно стоит на ногах. И я имею право им гордиться, потому что это я его вырастила, вашего Франсуа.

Почувствовав, что под действием сильных переживаний, в которых страданий и радости было поровну, Вероника начинает ей доверять, бретонка посоветовала:

— Поплачьте, моя милая, это пойдет вам на пользу. Лучше уж такие слезы, чем те, что вы проливали раньше, верно ведь? Поплачьте, и пусть все ваши прошлые несчастья останутся позади. А я возвращусь в деревню. У вас ведь на постоялом дворе чемодан? Там меня все знают. Я его принесу, и мы отправимся.

Когда полчаса спустя бретонка вернулась, Вероника вскочила и, делая ей рукой знак поспешить, закричала:

— Скорее! Боже, как долго вас не было! Нельзя терять ни минуты!

Онорина не ускорила шага и ничего не ответила. Улыбка более не освещала резкие черты ее лица.

— Ну что, едем? — подбегая к ней, спросила Вероника. — Все в порядке? Никаких препятствий?

В чем дело? Мне кажется, вы стали какая-то другая.

— Да нет же, нет.

— Тогда поспешим.

С ее помощью Онорина погрузила в лодку чемоданы и мешки с провизией. Затем, внезапно повернувшись к Веронике, она спросила:

— Значит, вы уверены, что распятая женщина на рисунке — это вы?

— Совершенно. К тому же у нее над головой мои инициалы.

— Странно, — пробормотала бретонка. — Мне это не нравится.

— Почему? Кто-то, кто меня знал, решил позабавиться. Это просто совпадение, игра случая, воскресившая прошлое.

— О, меня беспокоит не прошлое, а будущее.

— Будущее?

— Вспомните-ка предсказание.

— Я вас не понимаю.

— Ну как же? Предсказание, сделанное Ворскому насчет вас.

— Так вы и о нем знаете?

— Знаю. И с тем бóльшим ужасом вспоминаю о рисунке и еще кое о чем, чего вы не знаете и что гораздо страшнее.

Вероника расхохоталась:

— Так вот почему вам так не хочется везти меня на остров! Ведь дело в этом, верно?

— Не смейтесь. При виде адского пламени смеяться нельзя.

Онорина проговорила эти слова, закрыв глаза и осенив себя крестным знамением, а затем продолжила:

— Ну конечно! Вы смеетесь надо мной. Считаете, что я — суеверная бретонка, верящая в привидения и блуждающие огни. С этим я, в общем-то, не спорю. Но там… там есть такое, что может и ослепить вас! Поговорите об этом с Магенноком, если завоюете его доверие.

— С Магенноком?

— Да, это один из тех четверых матросов. Он старый приятель вашего сына, тоже его растил. Магеннок знает об этом больше, чем все ученые и даже чем ваш отец. А между тем…

— Что — между тем?

— Между тем и ему захотелось испытать судьбу и проникнуть за пределы того, что человеку дано право знать.

— Что же он сделал?

— Захотел коснуться рукой — понимаете? — своею собственной рукой самой глуби мрака. Он

сам мне признался.

— И что же? — невольно оробев, спросила Вероника.

— А то, что пламя опалило ему руку. Он мне показывал, и я своими глазами видела страшный рубец, похожий на те, что остаются после операции рака. И он так мучился…

— Мучился?

— Да, так мучился, что в конце концов взял в левую руку топор и отрубил себе правую кисть.

Вероника обомлела: она внезапно вспомнила труп в Фауэте и, запинаясь, проговорила:

— Правую кисть? Вы говорите, Магеннок отрубил себе правую кисть?

— Ну да, топором. Это было дней десять назад, за день до моего отъезда. Я и лечила ему культю. А почему вы спрашиваете?

— Потому что у мертвеца-старика, которого я обнаружила в заброшенной хижине и который потом исчез, была свежая культя на правой руке, — встревоженно ответила Вероника.

Онорина вздрогнула. Ее обычное спокойствие сменилось испугом и тревогой. Она выкрикнула:

— Вы уверены? Хотя да, да, это он… Магеннок… Старик с длинными седыми волосами, да? И с бородой, которая расширяется книзу? Какой ужас!

Вдруг она смолкла и оглянулась, испугавшись, что говорила так громко. Осенив себя снова крестным знамением, она медленно продолжила, словно обращаясь к себе самой:

— Он первый из тех, кому суждено было умереть. Он сам сказал мне об этом, а старый Магеннок умел читать книгу будущего так же хорошо, как и книгу прошлого. Он ясно видел то, чего другие не различали. «Первой жертвой стану я, госпожа Онорина. А когда исчезнет слуга, через несколько дней придет черед хозяина».

— А его хозяин — это?.. — тихо спросила Вероника.

Онорина выпрямилась и, гневно сжав кулаки, объявила:

— Я его защищу, спасу, ваш отец не будет второй жертвой! Нет, нет, я успею. Позвольте мне уехать.

— Мы отправимся вместе, — твердо отчеканила Вероника.

— Прошу вас, — взмолилась Онорина, — не упрямьтесь! Предоставьте это мне, и нынче же вечером я привезу вам отца и сына.

— Но почему?

— Там слишком опасно для вашего отца, а для вас — тем более. Не забывайте о четырех крестах!

Распятия будут поставлены именно на острове. Нет-нет, вам нельзя туда ехать. Этот остров проклят.

— Но мой сын?

— Вы увидите его сегодня, через несколько часов.

Вероника отрывисто рассмеялась:

— Через несколько часов! Что за вздор! Вот еще! У меня не было сына четырнадцать лет. Внезапно я узнаю, что он жив, а вы заявляете, что, прежде чем я его обниму, мне следует еще подождать. Ни часа больше! Я предпочитаю тысячу раз рискнуть жизнью, чем отдалять этот миг.

Онорина взглянула на Веронику и, поняв, что та полна непреоборимой решимости, уступила. Она перекрестилась в третий раз и просто сказала:

— Да свершится воля Господня.

Женщины расположились среди пакетов и мешков, загромождавших и без того тесную лодку. Онорина запустила мотор, взялась за румпель и ловко повела суденышко между скалами и рифами, торчавшими из воды.

Глава третья
Сын Ворского

Вероника сидела у правого борта на ящике, лицом к Онорине, и улыбалась. Улыбка ее была еще беспокойная, нерешительная, слабая, точно первый луч солнца, пытающийся пробиться сквозь последние грозовые тучи, но все же счастливая.

Да, именно счастьем светилось ее прекрасное лицо, отмеченное печатью благородства и того своеобразного целомудрия, которое делает иных женщин, перенесших невероятные страдания или сохранившихся благодаря любви, серьезными и лишенными какого бы то ни было женского кокетства.

Ее черные с легкой проседью на висках волосы были собраны в большой узел низко на затылке. У нее была матовая кожа южанки и большие, очень светлые голубые глаза, однотонные, как бледное зимнее небо. Она была хорошо сложена, статна, с высокой грудью.

Ее музыкальный, глубокий голос стал летящим и радостным, когда она заговорила об отыскавшемся сыне. А ни о чем другом она говорить

не желала. Напрасно бретонка, пытаясь вернуться к мучившим ее загадкам, размышляла вслух:

— Понимаете, есть две вещи, которым я не могу найти объяснения. Кто оставил этот след, по которому вы добрались из Фауэта точно к тому месту, где я всегда причаливаю? Это заставляет думать, что кто-то из Фауэта побывал на острове Сарек. И с другой стороны, Магеннок покинул остров? Добровольно? Или оттуда забрали его труп? Если так, то каким образом это было сделано?

— Да стоит ли об этом думать? — возражала Вероника.

— Конечно стоит! Сами рассудите: на острове есть лишь моя лодка, на которой я каждые две недели отправляюсь за покупками в Бег-Мейль или Пон-л'Аббе, да две рыбачьих, на которых хозяева ходят выше по берегу до Одьерна, где обычно продают улов. Так как же мог Магеннок попасть на материк? Кроме того, быть может, он покончил с собой? Тогда почему его труп исчез?

Но Вероника упорствовала:

— Умоляю вас, сейчас это не важно. Все выяснится. Давайте побеседуем о Франсуа. Значит, говорите, он появился на Сареке?..

Наконец Онорина уступила просьбам молодой женщины:

— Он появился на Сареке через несколько дней после того, как его у вас похитили. Его принес бедняга Магеннок. Господин д'Эржемон научил Магеннока сказать, что какая-то неизвестная дама отдала ему дитя… затем старик вручил его своей дочери, чтобы та его кормила. Она потом умерла. Меня в то время еще не было на острове: я десять лет служила у одних парижан. Когда я вернулась, это был уже бойкий мальчонка, бегавший по пескам и скалам. Тогда я и поступила в услужение к вашему отцу, обосновавшемуся на Сареке. Когда дочь Магеннока умерла, мы взяли ребенка к себе.

— Но как его звали?

— Франсуа — просто Франсуа. Господин д'Эржемон велел называть себя «господин Антуан». Мальчишка называет его дедушкой.

— А какого он нрава? — с известным беспокойством осведомилась Вероника.

— Ну, в этом смысле мальчонка — истинное благословение Божье, — отозвалась Онорина. — Ни в отца, ни в деда, как признает сам господин д'Эржемон. Милый, ласковый, послушный ребенок. Никогда не злится, всегда добродушен. Этим-то он и покорил своего деда, и тот стал снова вспоминать о вас — настолько внук напо-

минал ему дочь, от которой он отрекся. «Просто вылитая мать, — говорил он. — Вероника была такая же: нежная, ласковая, любящая». Ну вот он и стал вас разыскивать с моею помощью, так как мало-помалу поведал мне обо всем.

Вероника просияла. Сын похож на нее! Сын — хороший, веселый мальчик!

— Но он знает ли что-нибудь обо мне? — забеспокоилась она. — Знает хотя бы, что его мать жива?

— Знает ли он? Сначала господин д'Эржемон хотел хранить тайну, но я мальчику все рассказала.

— Все?

— Не совсем. Он считает, что его отца нет в живых и что, после того как он и господин д'Эржемон пропали без вести во время кораблекрушения, вы удалились в какой-то монастырь и вас никак не могут найти. А как он всякий раз ждет новостей, когда я возвращаюсь из поездки! Как надеется! Полноте, он очень любит свою мать! Все время напевает песенку, которую вы услышали от меня и которой научил его дед.

— Франсуа! Маленький мой Франсуа!

— О да, он вас любит, — продолжила бретонка. — У него есть матушка Онорина, но вы

для него — просто мама. Он хочет поскорее вырасти, закончить учение, чтобы отправиться вас искать.

— Учение? Так он занимается?

— Занимался с дедом, а теперь, вот уже два года, — с симпатичным парнем, которого я привезла из Парижа; зовут его Стефан Мару, он был ранен на войне, весь в шрамах, после операции его уволили вчистую. Франсуа предан ему всем сердцем.

Лодка быстро бежала по тихой воде, от носа ее расходились два серебристых пенных луча. Тучи на горизонте рассеялись. Конец дня обещал быть тихим и ясным.

— Ну рассказывайте же, рассказывайте, — просила Вероника, которой хотелось слушать бретонку еще и еще. — Как он теперь одевается?

— В короткие, до икр, штаны, толстую мягкую рубаху с золотыми пуговицами и берет — такой же, как у его друга, господина Стефана, только красный. Берет ему очень к лицу.

— А он дружит еще с кем-нибудь, кроме господина Мару?

— Раньше дружил со всеми ребятишками, что жили на острове. Но теперь у нас осталось лишь несколько мальчиков, которые служат юнгами,

а остальные, когда их отцы ушли на войну, перебрались с матерями на побережье и работают в Конкарно или Лорьяне. На Сареке сейчас одни старики, человек тридцать.

— Но с кем же тогда он играет, гуляет?

— Ну, для этого у него есть прекрасный товарищ.

— Какой товарищ?

— Собачка, которую ему подарил Магеннок.

— Собачка?

— Да, очень смешная, нескладная, помесь спаниеля с фокстерьером — ужасно забавный песик. Да, Дело-в-шляпе — это штучка!

— Дело-в-шляпе?

— Да, так его прозвал Франсуа, и это имя подходит ему как нельзя лучше. Пес всегда такой веселый, жизнерадостный, хотя и очень независимый: порой пропадает где-то часами, даже целыми днями, но всегда появляется, когда чувствует, что он нужен, когда дела идут не так, как хотелось бы. Дело-в-шляпе терпеть не может, когда кто-то плачет, ворчит или бранится. Стоит вам заплакать или даже просто сделать грустное лицо, как он садится перед вами, потом становится на задние лапы, закрывает один глаз и прищуривает другой, словно улыбается, и это

настолько забавно, что невозможно удержаться от смеха. «Ладно, старина, — говорит в таких случаях Франсуа, — ты прав, все в порядке, дело в шляпе. Не стоит унывать, правда?» Человек успокаивается, и Дело-в-шляпе тут же куда-то убегает. Свой долг он выполнил.

Вероника смеялась и плакала одновременно. Потом замолчала и надолго помрачнела, погружаясь в отчаяние, которое, впрочем, постепенно уступило место радости. Она думала, какого счастья была лишена все эти четырнадцать лет, что она прожила без своего ребенка, нося траур по живому сыну. Заботы, которыми мать окружает рожденное ею существо, взаимная нежность, гордость, которую она испытывает, когда дитя подрастает и начинает говорить, — все то, что радует и вдохновляет мать, ежедневно вновь и вновь наполняя ее сердце любовью, было Веронике неведомо.

— Ну вот, полпути уже позади, — заметила Онорина.

Лодка плыла недалеко от островов Гленан. В пятнадцати милях правее темной полосой виднелся на горизонте мыс Пенмарк.

Вероника размышляла о своем грустном прошлом, о матери, которую она едва помнила,

о долгом детстве подле эгоистичного, угрюмого отца, о своем замужестве — да, прежде всего о замужестве! Она воскрешала в памяти свои первые встречи с Ворским, когда ей было лишь семнадцать лет. Какой страх сразу же внушил ей этот странный человек! Она боялась его и вместе с тем поддавалась его влиянию, как любой в этом возрасте поддается влиянию всего таинственного и непостижимого.

А потом был кошмарный день похищения, за которым последовали еще более кошмарные дни, недели, когда он держал ее взаперти, запугивал и мало-помалу подчинял своей злой воле. Он вырвал у девушки обещание выйти за него, считая, что после происшедшего скандала, получив все же согласие отца, Вероника должна уступить, хотя она всем своим существом восставала против этого союза.

Мозг Вероники упрямо отказывался воскрешать воспоминания о годе замужества. Никогда, даже в страшные часы, когда кошмары прошлого, словно призраки, обступали ее, она не хотела извлекать из глубин своего рассудка это унизительное время, с его горестями, ранами, предательством, эту постыдную жизнь ее мужа, который бессовестно и даже с какой-то циничной

гордостью постепенно раскрывал свою натуру: пропойца, шулер, обкрадывающий собутыльников, мошенник и шантажист, он производил на жену впечатление некоего гения зла, жестокого и неуравновешенного, — впечатление, до сих пор заставлявшее Веронику трепетать.

— Хватит вам мечтать, госпожа Вероника, — окликнула ее Онорина.

— Это не мечты, не воспоминания, — отвечала та, — это угрызения совести.

— Угрызения совести? У вас, госпожа Вероника? Да вы же мученица!

— Мученица, понесшая заслуженную кару.

— Все уже позади, госпожа Вероника, вы ведь сейчас вновь обретете и сына, и отца. Полно вам, подумайте лучше, какое вас ждет счастье.

— Неужели я буду когда-нибудь счастливой?

— Это вы-то? Скоро сами убедитесь. Смотрите, вот и Сарек.

Онорина достала из-под банки большую раковину, которой она на манер древних моряков пользовалась в качестве рупора, приставила ее к губам, надула щеки, и все вокруг наполнилось мощным ревом.

Вероника вопросительно взглянула на бретонку.

— Это я его так зову, — пояснила Онорина.

— Франсуа? Вы зовете Франсуа?

— Я всегда так делаю, когда возвращаюсь. Он кубарем скатывается со скал, где мы живем, и подбегает к самому молу.

— Значит, я его сейчас увижу? — побледнев, спросила Вероника.

— Конечно увидите. Сложите свою вуаль вдвое, чтобы он не узнал вас по портрету, который у него есть. Я скажу, что вы — дама, пожелавшая посетить Сарек.

Остров уже был виден отчетливо, однако у подножия утесов море кипело бурунами.

— Опять эти рифы, до чего они мне надоели! Смотрите, их ведь там видимо-невидимо! — воскликнула Онорина, которая уже заглушила мотор и вооружилась короткими веслами. — Заметили? Только что море было совершенно спокойным, но здесь оно всегда волнуется.

И в самом деле, тысячи и тысячи мелких волн сталкивались, бурлили, ведя с утесами постоянную и беспощадную битву. Лодка, казалось, плыла в непрекращающемся стремительном водовороте. Среди кипящей пены не было видно ни одного клочка голубой или зеленой воды. Только белоснежная кипень, словно взбитая

неумолимыми силами, ополчившимися на острые иззубренные скалы.

— Здесь повсюду так, — продолжила Онорина. — Из-за этого на Сарек можно высадиться только из лодки. Вот уж где боши[2] не смогли бы устроить базу для своих субмарин. Два года назад сюда на всякий случай приезжали офицеры из Лорьяна — разузнали поподробнее насчет пещер, которые находятся на западном берегу; в них можно проникнуть только при отливе. Так они лишь время потеряли. У нас им нечего было делать. Посудите сами, здесь все вокруг усеяно скалами, причем скалами остроконечными, которые так и норовят предательски впиться в днище твоей лодки. Они очень опасны, но еще более следует бояться больших утесов, которые хорошо видны, имеют свои имена и повинны во множестве кораблекрушений. А вот и они!

Голос бретонки вдруг зазвучал глухо. Напряженно, словно боясь сделать даже неуловимый жест, она указала на группу могучих утесов, вздымавшихся над водой и имевших самые причудливые формы: присевших на задние лапы животных, зубчатых башен, колоссальных шпи-

---

[2] Сноски: 2

Боши — презрительное прозвище немцев во Франции.

лей, голов сфинксов, грубых пирамид. Их черный гранит отличался красноватым оттенком, словно все они были обагрены кровью.

Бретонка снова зашептала:

— Уже много веков они охраняют остров, точно свирепые звери, которым нравится лишь причинять зло и убивать. Они… они… Нет, лучше о них вообще не говорить и даже не думать. Это тридцать свирепых чудовищ… Да, госпожа Вероника, их ровно тридцать.

Женщина перекрестилась и, немного успокоившись, продолжила:

— Да, их тридцать. Ваш отец утверждает, что Сарек называют островом Тридцати Гробов, потому что все эти скалы в той или иной мере горбаты и их сначала называли Тридцатью Горбами, а потом «горбы» превратились в «гробы» — уж больно тут мрачное место. Не знаю, наверно, так оно и было… Но, госпожа Вероника, эти скалы и есть самые настоящие гробы, и если бы можно было проникнуть в их нутро, там обнаружились бы груды костей. Господин д'Эржемон сам говорит, что слово «Сарек» происходит от «саркофага», а так, утверждает он, ученые и называют гробы. И потом… — Онорина замолкла, словно желая отвлечься, и, показав рукою на скалу, сказала: —

Взгляните, госпожа Вероника, за этим утесом, что преграждает нам путь, в просвете будет видна наша маленькая гавань, а на причале — красный берет Франсуа.

Вероника слушала объяснения Онорины вполуха. Она вся подалась вперед, чтобы поскорее увидеть фигуру сына, а тем временем бретонка, словно не в силах сопротивляться навязчивой мысли, продолжила:

— И потом, на Сареке… поэтому-то ваш отец и поселился на нем… на Сареке есть дольмены[3]. Они ничем не примечательны, кроме того, что очень похожи один на другой. И знаете, сколько их? Тоже тридцать, как и этих скал! Они стоят по всему острову, на утесах, и каждый — напротив той из этих тридцати скал, чье имя он и носит. Доль-эр-Рек, Доль-Керлитю и так далее. Ну, что вы на это скажете?

Бретонка произнесла названия дольменов тем же робким голосом, каким говорила обо всем этом, словно боялась, что ее услышат скалы, в которые она сама силой своего воображения вдохнула жизнь, грозную и священную.

— Что вы скажете на это, госпожа Вероника?

---

[3] Сноски: 3

Дольмены — древние погребальные и культовые сооружения, сложенные из больших камней.

Тут столько таинственного, что, говорю вам, лучше обо всем этом помолчать. Я расскажу вам все, когда мы уедем далеко от острова и вы будете вместе — вы, ваш малыш Франсуа и отец.

Вероника хранила молчание, вглядываясь в сторону, указанную ей бретонкой. Повернувшись спиною к спутнице и вцепившись руками в борт лодки, она смотрела во все глаза — ведь здесь, в этом просвете между скалами, вот-вот появится ее вновь обретенное дитя!

Наконец лодка доплыла до скалы. Онорина оттолкнулась от нее веслом, и суденышко поравнялось с краем утеса.

— Ах, его нет! — с болью в голосе воскликнула Вероника.

— Франсуа нет? Но это невозможно! — изумилась Онорина.

Она в свою очередь вгляделась в темневшие в нескольких сотнях метров от них большие валуны, лежавшие на песчаном берегу и служившие в качестве мола. Лодку поджидали три женщины, девочка и несколько старых моряков. Мальчик действительно отсутствовал. Красного берета нигде не было видно.

— Очень странно, — тихо заметила Онорина. — Впервые в жизни он не пришел на мой зов.

— Может, он заболел? — предположила Вероника.

— Нет, Франсуа никогда не болеет.

— В чем же тогда дело?

— Не знаю.

— Неужели вас ничто не настораживает? — спросила обеспокоенная Вероника.

— За мальчика я не боюсь, но вот за вашего отца… Говорил мне Магеннок не оставлять его одного. Ведь угрожали-то ему!

— Но его могут защитить и Франсуа, и господин Мару, его учитель. Скажите же, что, по-вашему, произошло?

Помолчав, Онорина пожала плечами:

— Глупости все это! Вздор, да и только! Не сердитесь на меня. Это во мне невольно заговорила бретонка. Если не считать нескольких лет, я прожила всю жизнь среди всяких историй и легенд. Не будем об этом.

Сарек представлял собою длинное и неровное плоскогорье, покрытое старыми деревьями и опиравшееся на довольно высокие и чрезвычайно иззубренные скалы. Остров, казалось, был окружен короной из рваных кружев, постоянно терзаемых дождями, ветрами, солнцем, снегом, морозами, туманами, всей водою, падающей

с неба и сочащейся из земли.

Единственное доступное с моря место находилось на восточном берегу острова — там, где в котловине расположилась деревенька, состоящая из рыбачьих хижин, после начала войны большею частью заброшенных. Здесь была маленькая бухта, защищенная молом. Море тут всегда было спокойным. У мола на воде покачивались две лодки.

Перед тем как сойти на сушу, Онорина сделала последнюю попытку:

— Ну вот, госпожа Вероника, мы и прибыли. Может, вам все же не стоит выходить на берег? Подождите, часа через два я приведу вам и сына, и отца, и мы пообедаем в Бег-Мейле или в Понл'Аббе. Согласны?

Вероника молча поднялась и выпрыгнула на мол.

— Скажите-ка, друзья, — спросила Онорина, которая тоже ступила на берег и больше на своем не настаивала, — почему Франсуа не пришел нас встречать?

— В полдень он был здесь, — объявила одна из женщин. — Но он ведь ждал вас только завтра.

— Верно… Хотя должен же он был услышать,

что я плыву… Ладно, посмотрим.

Когда мужчины начали ей помогать разгружать лодку, она сказала:

— В Монастырь это поднимать не нужно. Чемоданы тоже. Разве что… Сделаем вот как: если к пяти я не спущусь, пошлите наверх мальчишку с чемоданами.

— Да я сам их принесу, — отозвался один из матросов.

— Как хочешь, Коррежу. Да, а что с Магенноком, не знаешь?

— Магеннок уехал. Я сам перевозил его в Понл'Аббе.

— Когда это было, Коррежу?

— Да на следующий день после вашего отъезда, госпожа Онорина.

— А что он собирался там делать?

— Он сказал, что хочет… насчет своей отрубленной руки… сходить на богомолье, но куда — не знаю.

— На богомолье? Возможно, в Фауэт, в часовню Святой Варвары?

— Да, верно… Он так и сказал — в часовню Святой Варвары.

Расспрашивать дальше Онорина не стала. Сомнений в том, что Магеннок погиб, больше

не было. Вместе с Вероникой, снова опустившей вуаль, они двинулись по каменистой тропке с вырезанными в скале ступенями, которая среди дубовой рощи поднималась к северной оконечности острова.

— В конце концов, — проговорила Онорина, — надо признаться, я совсем не уверена, что господин д'Эржемон захочет уехать. Все мои истории он считает ерундой, хотя и сам многому удивляется.

— Он живет далеко отсюда? — осведомилась Вероника.

— В сорока минутах ходьбы. Там уже фактически другой остров, примыкающий к первому, — сами увидите. Бенедиктинцы построили на нем монастырь.

— С ним там живут только Франсуа и господин Мару?

— До войны жили еще двое. А теперь мы с Магенноком делаем почти всю работу. Правда, нам помогает кухарка Мари Легоф.

— Когда вы уехали, она осталась там?

— Ну разумеется.

Женщины вышли на плоскогорье. Тропинка вилась вдоль берега, петляя вверх и вниз по крутым склонам. Среди еще редкой листвы старых

дубов виднелись шары омелы. Океан, вдали серо-зеленый, опоясывал остров белой лентой пены.

Вероника спросила:

— Как вы собираетесь поступить, Онорина?

— Я войду одна и поговорю сначала с вашим отцом. Вы подождете у садовой калитки, а потом я вас позову и представлю Франсуа как подругу его матери. Он, конечно, обо всем догадается, но не сразу.

— Как вы считаете, отец примет меня хорошо?

— О, с распростертыми объятиями, госпожа Вероника! — воскликнула бретонка. — Мы все будем так рады, если только… если только ничего не случилось. Все-таки странно, что Франсуа нас не встретил. Ведь нашу лодку было видно с любой точки острова, начиная от островов Гленан.

Онорина опять вернулась к тому, что господин д'Эржемон называл «глупостями», и дальше женщины шли в молчании. Веронику обуревали нетерпение и тревога.

Внезапно Онорина перекрестилась.

— И вы перекреститесь, госпожа Вероника, — посоветовала она. — Хоть монахи и освятили это место, здесь с древних времен осталось много всякого, что приносит беду. Особенно тут, в лесу Большого Дуба.

Под «древними временами» бретонка явно имела в виду времена друидов и человеческих жертвоприношений. И вправду, женщины вступили в лес, где дубы стояли в отдалении друг от друга, каждый на пригорке из замшелых камней, похожие на античные божества с их алтарями, таинственными культами и грозным могуществом.

Вероника, последовав примеру бретонки, перекрестилась, а затем вздрогнула и проговорила:

— До чего же тут уныло! Ни цветочка, словно в пустыне.

— Если потрудиться, цветы тут растут прекрасно. Вот увидите, какой цветник у Магеннока, в конце острова, справа от Дольмена Фей… Это место называют здесь Цветущим Распятием.

— Они и в самом деле хороши?

— Восхитительны, поверьте. Только места для посадки Магеннок выбирает придирчиво. Он готовит землю, трудится над нею. Смешивает с какими-то листьями, свойства которых известны ему одному. — И она добавила вполголоса: — Вы обязательно увидите цветы Магеннока. Таких нет нигде на свете. Чудо, а не цветы!

Обогнув холм, дорога резко уходила вниз. Громадная трещина разделяла остров надвое;

вторая его часть была меньше первой и не такая высокая.

— Это место называется у нас Монастырь, — пояснила бретонка.

Меньший островок окружали отвесные иззубренные скалы, возвышавшиеся над ним словно корона. С главным островом он соединялся гребнем утеса длиною метров в пятьдесят и немногим шире стены донжона[4]; издали этот узкий гребень казался острым, словно лезвие топора.

Посредине утес прорезала глубокая расселина. На ее краях располагались лежни деревянного моста, перекинутого через пропасть.

Путницы ступили на мост, тесно прижавшись друг к другу: он был узок и раскачивался от их шагов и порывов ветра.

— Смотрите: вон там, внизу, на самом конце островка, уже виден угол Монастыря, — сказала Онорина.

Тропинка, по которой они теперь шли, пересекала луг, в шахматном порядке засаженный небольшими пихтами. Другая тропинка сворачивала вправо и исчезала в густом подлеске.

Вероника не спускала глаз с Монастыря, низ-

---

[4] Сноски: 4

Донжон — главная башня замка.

кий фасад которого мало-помалу выступал из-за деревьев… но тут бретонка остановилась как вкопанная и, повернувшись к возвышавшемуся справа лесу, крикнула:

— Господин Стефан!

— Кого вы зовете? — спросила Вероника. — Господина Мару?

— Да, учителя Франсуа. В просвете между деревьями я видела, как он бежал к мосту. Господин Стефан!.. Что ж он не откликается? А вы его заметили?

— Нет.

— Но это явно был он, в своем белом берете… Впрочем, мост позади нас еще виден. Подождем, пока господин Мару не появится.

— Зачем мы станем ждать? Ведь если есть какая-то опасность, она в Монастыре.

— Верно. Поспешим.

Охваченные дурными предчувствиями, они ускорили шаг, потом, не сговариваясь, побежали — до такой степени их опасения усиливались по мере приближения к цели.

Островок вновь сузился, перегороженный низкой стеной, ограничивающей владения Монастыря. В этот миг оттуда донеслись крики.

Онорина воскликнула:

— Зовут на помощь! Вы слышали? Кричала женщина. Это кухарка Мари Легоф.

Она подбежала к воротам, выхватила ключ — но руки у нее дрожали так сильно, что ей никак не удавалось попасть в скважину.

— Через пролом! — решила она. — Сюда, направо!

Пройдя сквозь дыру в стене, женщины оказались на широкой, усеянной обломками камней лужайке; извилистая тропка то и дело терялась среди зарослей плюща или в густом мху.

— Идем, идем! — надсаживалась Онорина. — Мы здесь!

Потом вдруг добавила:

— Крики стихли… Это ужасно! Бедная Мари Легоф!

И, схватив Веронику за руку, предложила:

— Нужно обойти здание. Фасад с другой стороны. Здесь двери и ставни всегда заперты.

Однако Вероника, зацепившись ногою за какой-то корень, упала на колени. Когда она поднялась, бретонка уже огибала левое крыло. Вместо того чтобы бежать следом за ней, Вероника бессознательно бросилась к дому, взбежала на крыльцо и, наткнувшись на запертую дверь, принялась барабанить в нее кулаками.

Последовать примеру Онорины и обогнуть здание казалось ей потерей времени, которую никак не удастся восполнить. Видя, однако, тщету своих усилий, она уже решилась было последовать за бретонкой, как вдруг в доме, у нее над головой, вновь раздались крики.

Это был голос мужчины, и, как показалось Веронике, она узнала отца. Молодая женщина попятилась. Внезапно одно из окон второго этажа распахнулось, и в нем показался господин д'Эржемон с перекошенным от ужаса лицом.

— На помощь! — задыхаясь, крикнул он. — На помощь! Чудовище! На помощь!

— Отец! Отец! — в отчаянии воскликнула Вероника. — Это я!

Господин д'Эржемон на секунду опустил голову, но, не увидев дочери, попытался перешагнуть через подоконник. В этот миг за спиной у него раздался грохот, и одно из стекол разлетелось вдребезги.

— Убийца! Убийца! — завопил он, вновь скрываясь в комнате.

Обезумевшая и беспомощная, Вероника огляделась вокруг. Как спасти отца? Стена была слишком высока, забраться по ней женщина не могла. По счастью, метрах в двадцати у стены

дома лежала лестница. Хотя она оказалась невероятно тяжелой, Веронике с огромным трудом удалось подтащить ее под окно и приставить к стене.

В самые трагические моменты жизни, когда разум наш пребывает в расстройстве и смятении, а тело сотрясает дрожь ужаса, наши мысли, цепляясь одна за другую, все же повинуются какой-то внутренней логике. Именно поэтому Вероника и удивилась: почему не слышно голоса Онорины, почему та не спешит вмешаться?

Потом она подумала о Франсуа. Где он? Последовал за Стефаном Мару и бог весть почему убежал вместе с ним? А может, побежал позвать кого-нибудь на помощь? И кто этот неизвестный, которого господин д'Эржемон обозвал чудовищем и убийцей?

Лестница не доставала до окна, и Вероника сразу поняла, что ей будет стоить больших трудов попасть в комнату. И тем не менее она не раздумывала. Там, наверху, слышались звуки борьбы, сопровождавшиеся сдавленными криками ее отца. Женщина начала карабкаться по лестнице, и вскоре ей удалось схватиться рукой за нижний прут решетки, ограждавшей подоконник. Заметив узкий карниз, она поставила на него колено,

подтянулась и, просунув голову в окно, увидела развернувшуюся в комнате драму.

В этот миг господин д'Эржемон как раз вновь отступил к окну, повернулся — и Вероника увидела его лицо. Отец стоял неподвижно, взгляд его блуждал, а руки были вытянуты вперед в нерешительности, словно в ожидании чего-то жуткого, что вот-вот должно было произойти.

Он, запинаясь, бормотал:

— Убийца… Убийца… Так это ты? Будь проклят!.. Франсуа! Франсуа!

По-видимому, он звал внука на помощь, но тот, вероятно, тоже подвергся нападению, быть может был ранен или даже убит!

Собрав последние силы, Вероника ступила ногой на карниз.

«Это я! Я!» — хотела она закричать.

Но крик застрял у нее в горле. Она разглядела, увидела!.. Напротив отца, шагах в пяти от него, у противоположной стены комнаты, стоял некто и медленно наводил револьвер на господина д'Эржемона. И этот некто… О ужас! Вероника узнала красный берет, о котором упоминала Онорина, фланелевую рубаху с золотыми пуговицами… Но главное, в этом юном лице, искаженном злобой, она узнала выражение, какое

видела на лице у Ворского, когда на него накатывали приступы ненависти и жестокости.

Мальчик пока ее не видел. Его глаза не отрывались от мишени, — казалось, он испытывает нечто вроде свирепой радости, медля с роковым движением пальца.

Вероника тоже не издала ни звука. Ни слова, ни крик не могли отвратить гибель отца. Ей следовало сделать одно: броситься между отцом и сыном. Она резко подтянулась и перелезла через подоконник.

Но было поздно. Раздался выстрел, и господин д'Эржемон со стоном повалился на пол.

И в ту самую секунду, когда старик рухнул как подкошенный, а мальчик застыл с поднятой для выстрела рукой, дверь в глубине комнаты растворилась. Ворвавшаяся Онорина узрела картину во всей ее, если так можно выразиться, жути.

— Франсуа! — вскричала она. — Ты?!

Мальчик бросился на нее. Бретонка попыталась преградить ему путь, но борьба даже не успела завязаться. Франсуа попятился, вскинул руку с револьвером и выстрелил.

Колени Онорины подогнулись, и тело ее медленно осело в дверном проеме. Мальчик

перескочил через нее и скрылся, а бретонка все продолжала бормотать:

— Франсуа! Франсуа!.. Нет, не верю… Это невозможно… Франсуа!..

За дверью послышался хохот. Да, это смеялся мальчик. Услышав его жуткий, адский смех, похожий на смех Ворского, Вероника ощутила ту же нестерпимую муку, какую она испытывала когда-то, находясь рядом с Ворским.

Она не стала преследовать убийцу и даже не окликнула его.

Внезапно Вероника услышала свое имя, произнесенное слабым голосом:

— Вероника… Вероника…

Распростертый на полу господин д'Эржемон смотрел на нее остекленелым, уже полным смерти взором.

Она опустилась на колени рядом с отцом и принялась было расстегивать окровавленные жилет и сорочку, чтобы хоть немного унять струящуюся из раны кровь, но он мягко отвел ее руку. Вероника поняла: старания ее напрасны, но отец хочет ей что-то сказать. Она нагнулась к его губам.

— Вероника… Прости… Вероника…

Это было главное, что занимало угасающие мысли старика. Она поцеловала его в лоб и сквозь

слезы проговорила:

— Молчи, отец… Не нужно себя утомлять…

Но он хотел сказать что-то еще, с его губ срывались нечленораздельные звуки, в которых Вероника в отчаянии пыталась уловить хоть какой-то смысл. Жизнь быстро покидала старика. Его рассудок погружался во мрак. Вероника приложила ухо к обессилевшим губам отца и разобрала несколько слов:

— Берегись… Берегись… Божьего Камня…

Внезапно старик приподнялся. Его глаза вспыхнули последним отблеском угасающего пламени. Веронике показалось, что, взглянув на нее, отец только теперь понял важность ее присутствия здесь и испугался опасностей, которые ее подстерегали. Хриплым, полным ужаса голосом, однако вполне отчетливо он проговорил:

— Не оставайся здесь, иначе погибнешь… Беги с этого острова… Прочь… Прочь…

Голова его вновь упала. Он пробормотал еще несколько слов, которые Веронике удалось разобрать:

— Ах, крест… Четыре креста Сарека… Дочь моя, дочь моя… Распятие…

Все было кончено.

Молодая женщина почувствовала, как насту-

пившая тишина навалилась на нее и с каждой секундой давит все сильнее.

— Бегите с этого острова, — раздался голос рядом с Вероникой. — Прочь. Это воля вашего отца, госпожа Вероника.

Бледная Онорина сидела на полу подле нее, обеими руками прижимая к груди пропитанную кровью салфетку.

— Но вы ранены! — воскликнула Вероника. — Дайте-ка я посмотрю.

— Потом… Мною займетесь потом, — прошептала бретонка. — Ах, чудовище! Если бы я успела… Но дверь внизу была забаррикадирована…

— Позвольте вам помочь! — с мольбой в голосе настаивала Вероника. — Не упрямьтесь.

— Хорошо… Но сначала… Мари Легоф, кухарка, внизу, на лестнице… Тоже ранена, может, уже при смерти… Ступайте к ней…

Вероника бросилась к двери, в которую убежал ее сын. За нею оказалась просторная прихожая. На нижних ступенях лестницы, согнувшись пополам, хрипела Мари Легоф.

Она умерла почти тотчас же, не приходя в сознание, — третья жертва непостижимой трагедии.

Как и предсказал старый Магеннок, господин

д’Эржемон оказался ее второй жертвой.

Глава четвертая
Несчастные жители Сарека

Перевязав рану Онорины, оказавшуюся неглубокой и с виду не угрожавшей жизни бретонки, и перенеся тело Мари Легоф в загроможденную книгами и обставленную как рабочий кабинет большую комнату, где лежал труп ее отца, Вероника закрыла господину д'Эржемону глаза, накинула на него простыню и попробовала молиться. Однако слова молитвы не шли у нее с губ, а рассудок не мог ни на чем сосредоточиться. Многочисленные удары судьбы оглушили женщину. Обхватив голову руками, она просидела почти час; Онорина забылась горячечным сном.

Изо всех сил Вероника старалась прогнать образ сына, как привыкла уже прогонять воспоминания о Ворском. Однако два этих образа смешивались, кружили вокруг нее, плясали перед закрытыми глазами, словно светлые пятна, которые во мраке наших упрямо сомкнутых глаз проплывают взад и вперед, раздваиваются и вновь соединяются. Перед мысленным взором Вероники все время вставало одно и то же

лицо — жестокое, насмешливое и мерзко кривляющееся.

Она не испытывала горя матери, оплакивающей сына. Ее сын умер четырнадцать лет назад, а тот, который только что воскрес, тот, на кого она готова была излить всю свою материнскую нежность, почти сразу стал ей чужим, даже хуже того: он стал сыном Ворского! Как же она могла испытывать горе?

Но насколько же глубоко было ранено все ее существо! Потрясение, испытанное ею, было подобно тем катаклизмам, что переворачивают вверх дном дотоле мирную землю. Что за адский спектакль! Что за безумная и ужасная картина! Что за удар судьбы — страшный и в то же время иронический! Ее сын убивает ее отца в тот самый миг, когда после стольких лет разлуки и скорби она уже готова была обнять их обоих и зажить с ними в согласии и нежности! Ее сын — убийца! Ее сын сеет вокруг себя смерть! Ее сын наводит на людей беспощадное оружие и убивает — с легким сердцем и даже испытывая при этом порочную радость!

Мотивы, которыми можно было все это объяснить, ее не интересовали. Почему ее сын так поступил? Почему его учитель Стефан Мару —

безусловно сообщник, а может быть, и подстрекатель — сбежал, прежде чем случилась драма? Вероника даже не пыталась искать ответы на эти вопросы. Она думала лишь об ужасной сцене насилия и смерти. И спрашивала себя, не является ли смерть единственным для нее выходом, единственной развязкой.

— Госпожа Вероника… — прошептала вдруг бретонка.

— Что? Что случилось? — воскликнула молодая женщина, выходя из оцепенения.

— Вы ничего не слышите?

— А что?

— Внизу звонят. Должно быть, принесли ваши чемоданы.

Вероника вскочила:

— Но что я им скажу? Как это все объяснить? Если станут обвинять мальчика…

— Ни слова, прошу вас. Предоставьте разговаривать мне.

— Но вы слабы, моя бедная Онорина.

— Ничего, так будет лучше.

Вероника спустилась вниз и, попав в обширную прихожую, выложенную черными и белыми плитками, отодвинула засов массивной двери.

За нею и в самом деле стоял один из матросов.

— Я стучался в кухонную дверь, — сказал он. — Мари Легоф, наверно, куда-то вышла. А госпожа Онорина дома?

— Она наверху и хотела бы с вами поговорить.

Несколько оробев при виде столь бледной и серьезной молодой женщины, матрос молча пошел за ней.

Онорина уже поджидала их на втором этаже, стоя в открытой двери:

— А, это ты, Коррежу? Слушай меня внимательно, но только не болтай потом лишнего, ладно?

— Что случилось, госпожа Онорина? Вы никак ранены? В чем дело?

Онорина вышла из дверного проема и ровным голосом проговорила, указывая на покрытые белыми простынями трупы:

— Господин Антуан и Мари Легоф. Убиты.

Лицо мужчины перекосилось, и он воскликнул:

— Убиты?! Да как же это?! Кто их убил?

— Не знаю, мы пришли, когда все уже было кончено.

— А… а как же маленький Франсуа? И господин Стефан?

— Исчезли. Вероятно, тоже убиты.

— А… а Магеннок?

— Магеннок? С чего это ты вдруг о нем вспомнил, а, Коррежу?

— Потому что… потому что если Магеннок жив, то другое дело. Магеннок любил повторять, что первым будет он. А уж он-то просто так ничего не говорил. Он всегда на три туаза[5] под землю видел.

Недолго помешкав, Онорина сказала:

— Магеннока тоже убили.

На этот раз Коррежу явно потерял присутствие духа: на лице его появился безумный ужас, какой Вероника уже не раз замечала у Онорины. Он осенил себя крестом и тихо прошептал:

— Стало быть… стало быть, вот оно как, госпожа Онорина? Магеннок ведь знал, что такое случится. Однажды он плыл со мной в лодке и сказал: «Это не за горами. Нужно отсюда уезжать».

И, недолго думая, матрос развернулся и поспешил вниз по лестнице.

— Погоди, Коррежу! — приказала Онорина.

— Нужно уезжать, так сказал Магеннок. Всем нужно уезжать.

— Погоди, — повторила Онорина.

Матрос в нерешительности остановился, и она

---

[5] Сноски: 5

Туаз — французская единица длины, использовавшаяся до введения метрической системы и равная приблизительно двум метрам.

продолжила:

— Я согласна, нужно уезжать. И завтра к вечеру мы уедем. Но прежде следует заняться господином Антуаном и Мари Легоф. Сейчас ты пошлешь сюда сестер Аршиньа — пусть пободрствуют эту ночь над мертвыми. Женщины они гадкие, но зато им это не впервой. Пусть явятся две из трех. Я заплачу каждой вдвое против обычного.

— А потом, госпожа Онорина?

— Ты вместе со стариками займешься гробами, а на рассвете мы похороним погибших в освященной земле, на церковном кладбище.

— А потом, госпожа Онорина?

— Потом ты свободен, и другие тоже. Можете собирать пожитки и отправляться на все четыре стороны.

— А как же вы, госпожа Онорина?

— У меня есть лодка. Ладно, хватит болтовни. Ну что, договорились?

— Договорились. Нужно ведь провести здесь еще всего одну ночь. Думаю, за ночь тут ничего больше не случится?

— Да нет же, нет. Ступай, Коррежу, и поторапливайся. Главное, не говори другим, что Магеннок мертв. Иначе их здесь будет не удержать.

— Обещаю, госпожа Онорина.

И с этими словами матрос убежал.

Через час появились сестры Аршинья — две высохшие костлявые старухи, похожие на колдуний, в чепцах с засаленными бархатными лентами. Онорина перешла к себе в комнату, расположенную на том же этаже, в конце левого крыла.

Бодрствование над покойниками началось.

Часть этой ночи Вероника провела подле отца, а часть — у изголовья Онорины, состояние которой ухудшилось. В конце концов Вероника уснула. Разбудила ее бретонка, которая вдруг заговорила в одном из тех приступов горячки, когда сознание затемнено еще не полностью:

— Франсуа, наверно, спрятался… и господин Стефан тоже… Магеннок показал им на острове много всяких укромных уголков. Так что их никто не увидит и никто ничего не узнает.

— Вы в этом уверены?

— Уверена… Значит, так. Завтра, когда все покинут Сарек и мы останемся вдвоем, я дам в раковину условный сигнал, и Франсуа придет сюда.

Вероника возмутилась:

— Но я не желаю его видеть! Он меня ужасает! Будь он проклят, так же как и его отец! Сами посу-

дите: он убил моего отца прямо у меня на глазах! Убил Мари Легоф! Он и вас хотел убить! Нет, я ненавижу это чудовище, он мне отвратителен!

Бретонка легонько пожала Веронике руку и прошептала:

— Не осуждайте его, он не понимал, что делал.

— Что вы такое говорите? Не понимал? Но я же видела его глаза — глаза Ворского!

— Он не понимал… он обезумел…

— Обезумел? Да о чем вы?

— Да, госпожа Вероника. Я знаю мальчика. Он сама доброта. Он мог сделать все это лишь в припадке безумия… и господин Стефан тоже. Теперь они, наверно, рыдают от отчаяния.

— Но это немыслимо… Я не могу поверить…

— Не можете поверить, потому как не знаете, что тут происходит… и что вот-вот произойдет. Если бы вы знали… Ах, тут такое, такое…

Голос Онорины замер. Лежа с открытыми глазами, она продолжала беззвучно шевелить губами.

До рассвета больше ничего не произошло. Около пяти утра Вероника услышала стук молотков, и почти тут же дверь распахнулась и в ее комнату влетели весьма взволнованные сестры Аршиньа.

Оказалось, они узнали правду: Коррежу, чтобы

хоть немного взбодриться, выпил лишку и проговорился.

— Магеннок мертв! — вопили они. — Магеннок мертв, а вы ничего не сказали! Мы уезжаем. Давайте наши деньги, да поскорее.

Едва Онорина с ними расплатилась, как сестры со всех ног бросились прочь, и часом позже остальные женщины острова, уведомленные ими, собрались вместе, таща за собою своих мужей. Все твердили одно и то же:

— Нужно уезжать! Нужно собираться, потом будет поздно. Нам хватит и двух лодок.

Онорине пришлось употребить все свое влияние, чтобы удержать их. Вероника дала всем денег, и похороны состоялись, хотя и прошли в большой спешке. Неподалеку находилась старая церковь, поддерживавшаяся заботами господина д'Эржемона, где священник из Понл'Аббе раз в месяц служил мессу. Рядом с нею было древнее кладбище сарекских аббатов. Там и предали земле тела погибших; старик, в обычное время исполнявший обязанности ризничего, пробормотал слова благословения.

Казалось, все вокруг немного тронулись умом. Слова и жесты людей сделались резкими и порывистыми. Они были одержимы лишь мыслью

об отъезде и не обращали ни малейшего внимания на Веронику, тихонько плакавшую и молившуюся поодаль.

К восьми часам все было кончено. Мужчины и женщины бросились на противоположный берег острова. Вероника, которой чудилось, будто она попала в какой-то кошмарный мир, где события следуют одно за другим вопреки всякой логике и никак между собой не связаны, вернулась к Онорине: бретонка была так слаба, что даже не смогла присутствовать на похоронах своего хозяина.

— Мне уже лучше, — сказала она. — Мы уедем сегодня или завтра, и обязательно вместе с Франсуа. — И, заметив возмущение Вероники, добавила: — Да, вместе с Франсуа и господином Стефаном. Я очень хочу уехать отсюда и забрать с собою вас и Франсуа. На этом острове появилась смерть, она уже хозяйничает здесь. Надо отдать ей Сарек. Все мы должны уехать.

Спорить с нею Вероника не стала. Около девяти снова послышались чьи-то торопливые шаги. Это явился из деревни Коррежу. Едва переступив порог, он воскликнул:

— Они украли вашу лодку, госпожа Онорина! Лодка пропала!

— Не может быть! — усомнилась бретонка.

Задыхаясь, матрос продолжил:

— Пропала! Сегодня утром я кое о чем догадался. Но выпил лишку, что было, то было, и о лодке не подумал. Однако другие тоже видели — швартов перерезан. Это случилось ночью. Они уплыли, уплыли на вашей лодке!

Женщины переглянулись: значит, Франсуа и Стефан Мару сбежали.

Онорина процедила сквозь зубы:

— Да, так и есть. Он умел управлять лодкой.

Вероника испытала известное облегчение, узнав, что мальчик уехал и она его больше не увидит. Однако объятая страхом Онорина воскликнула:

— Но… но как же нам быть?!

— Надо поскорее уезжать, госпожа Онорина. Лодки готовы, пожитки собраны. К одиннадцати в деревне не останется ни души.

— Онорина не может ехать, — вмешалась Вероника.

— Могу, могу. Я сдюжу! — объявила бретонка.

— Вздор! Подождем день-два. Приезжайте за нами послезавтра, Коррежу.

Она подтолкнула матроса к двери, хотя у того и в мыслях не было уходить.

— Ладно, вернусь послезавтра. К тому же за один раз всего не увезешь. Да и потом надо будет сюда как-нибудь наведаться, посмотреть как и что. Выздоравливайте, госпожа Онорина.

С этими словами матрос вышел.

— Коррежу! Коррежу!

Приподнявшись в постели, Онорина в отчаянии звала матроса.

— Нет, нет, не уходи, Коррежу! Подожди, ты должен отнести меня в свою лодку.

Бретонка прислушалась и, поскольку Коррежу не возвращался, попыталась встать:

— Мне страшно… Я не хочу оставаться одна…

Вероника попробовала ее удержать:

— Но вы же не одна, Онорина. Я вас не брошу.

После отчаянной борьбы Онорина, силой уложенная в кровать, принялась беспомощно бормотать:

— Я боюсь… Мне страшно… Этот остров проклят. Оставаться здесь — значит искушать Господа. Смерть Магеннока — это предупреждение. Я боюсь…

Она бредила, однако какой-то уголок ее сознания оставался ясным, поэтому вполне осмысленные и четкие слова смешивались у нее с бессвязными, в которых проявлялась ее суевер-

ная душа бретонки.

Вцепившись Веронике в плечо, Онорина лепетала:

— Говорю вам… Остров проклят… Однажды Магеннок мне так и сказал: «Сарек — это одни из ворот ада, которые сейчас заперты. Но когда они откроются, беды налетят на остров, словно буря».

Вняв уговорам Вероники, бретонка наконец немного успокоилась и уже более ровным, хотя и поминутно затихающим голосом продолжила:

— Он любил наш остров, впрочем, как и все мы. Говорил о нем какие-то непонятные вещи: «Ворота эти — в обе стороны, Онорина, они открываются и в рай». Да, жить на острове было неплохо. Мы его любили. Магеннок заставлял остров дарить ему цветы. Громадные цветы, раза в три выше обычных и гораздо красивее.

Медленно тянулись минуты. Комната помещалась в самом конце крыла, окна которого выходили на обе стороны острова, прямо на возвышавшиеся над морем скалы.

Вероника сидела, устремив взор на белые валы, гонимые усилившимся ветром. Солнце вставало в таком густом тумане, что побережья Бретани не было видно. Но на востоке, за полосой пены,

продырявленной черными остриями скал, тянулась пустынная равнина океана.

Погружаясь в сон, бретонка бормотала:

— Говорят, будто ворота — это камень и будто попал он сюда издалека, из чужих краев… Божий Камень… А еще говорят, будто он драгоценный, сделан пополам из золота и серебра. Божий Камень. Камень, дарующий смерть или жизнь. Магеннок его видел… Он отворил ворота и сунул в них руку… И его рука… его рука опалилась.

Вероника чувствовала себя подавленной. Ум ее мало-помалу пропитывал страх — так вода неспешно пропитывает землю. Ужасы, испуганной свидетельницей которых она была уже несколько дней, казалось, предваряли собой события еще более грозные, и Вероника ждала их, словно приближающийся ураган, способный смести все на своем пути.

Да, она ждала этих событий. Она была уверена, что они не преминут произойти, что их обязательно вызовет могущественная роковая сила, которая наступала на нее с неумолимой решимостью.

— Вы видите лодки? — осведомилась Онорина.

— Отсюда их не увидеть, — возразила Вероника.

— Почему же? Они пойдут именно этим путем, потому что тяжело нагружены, а у мыса есть более удобный проход.

И действительно, через несколько секунд Вероника заметила нос первой лодки, который показался из-за мыса.

Суденышко было очень широким и низко сидело в воде; на загромождавших его ящиках и тюках расположились женщины и дети. Четверо мужчин изо всех сил налегали на весла.

— Это лодка Коррежу, — заметила Онорина, которая, полуодетая, выбралась из постели. — А вот и другая, смотрите!

Из проливчика между скалами выплыла вторая, тоже тяжело нагруженная лодка. Там гребли трое мужчин и женщина.

Обе лодки находились слишком далеко, метрах в семистах-восьмистах, чтобы можно было различить лица людей. Ни малейшего звука не доносилось с этих неповоротливых, груженных нищетою суденышек, которые убегали от смерти.

— Боже мой! Боже мой! — вздохнула Онорина. — Только бы им выбраться из ада!

— Чего вы боитесь, Онорина? Им же ничто не угрожает.

— Угрожает, пока они не покинули остров.

— Но ведь они же не на острове.

— Все, что вокруг острова, еще остров. Именно там их и подстерегают гробы.

— Но ведь море довольно тихое.

— Не в море дело. Враг — не море.

— Тогда что же?

— Ах, я не знаю, не знаю.

Лодки двигались в сторону северной оконечности острова. Перед ними были два прохода, которые бретонка называла именами двух скал — Скала Дьявола и Клык Сарека.

Почти тут же они поняли, что Коррежу выбрал проход мимо Скалы Дьявола.

— Пройдут, — прошептала бретонка. — Еще чуть-чуть. Каких-то сто метров, и они спасены.

Казалось, женщина вот-вот засмеется.

— И тогда все козни дьявола пойдут прахом, госпожа Вероника. Я уверена, что мы с вами спасемся… да и остальные тоже.

Вероника молчала. Подавленность ее усилилась, но женщина относила ее лишь на счет смутных предчувствий, бороться с которыми бесполезно. Она мысленно наметила линию, за которой опасности уже не было, но Коррежу эту линию еще не пересек.

Онорину трясло как в лихорадке. Она не переставая бормотала:

— Мне страшно… Страшно…

— Да полно вам, — выпрямляясь, откликнулась Вероника. — Это же нелепо. Откуда может грозить беда?

— Ах! — воскликнула вдруг бретонка. — Что там? Что это может значить?

— Где? О чем вы?

Женщины прильнули к окну, глядя во все глаза. Рядом с Клыком Сарека они заметили какое-то движение. Через секунду они узнали моторку, на которой плыли накануне и которая, по словам Коррежу, исчезла.

— Франсуа! Франсуа! — ошеломленно вскрикнула Онорина. — Франсуа и господин Стефан!

Вероника разглядела мальчика. Он стоял на носу и делал какие-то знаки людям, сидевшим в обеих лодках. Мужчины в них отвечали ему взмахами весел, женщины отчаянно жестикулировали. Несмотря на возражения Вероники, Онорина распахнула створки окна, и сквозь треск мотора они услышали голоса, однако слов разобрать не могли.

— Что все это значит? — повторила бретонка. — Франсуа и господин Стефан… Почему они

не вышли на берег?

— Быть может, боятся, что их заметят и захотят у них что-то выведать? — предположила Вероника.

— Да нет, их тут все знают, особенно Франсуа, который часто ездил вместе со мной. К тому же у меня в лодке есть документы. Нет, они нарочно ждали там, за скалой.

— Но если они прятались, то почему же показались теперь?

— Вот-вот, этого-то я и не понимаю. Странно… Интересно, что подумали Коррежу и остальные?

Обе лодки, шедшие в кильватер, почти остановились. Их пассажиры повернулись к моторке, которая, быстро к ним приближаясь, замедлила ход, поравнявшись со второй из лодок, но продолжила плыть параллельно обоим суденышкам, метрах в пятнадцати-двадцати от них.

— Не понимаю… Не понимаю… — бормотала бретонка.

Двигатель на моторке замолчал, и она лишь по инерции медленно плыла вперед.

Внезапно женщины увидели, как Франсуа резко наклонился, потом выпрямился и замахнулся правой рукой, словно собираясь что-то бросить.

Его движения повторил и Стефан Мару.

Далее страшные события стали разворачиваться стремительно.

— Боже! — воскликнула Вероника.

Она на секунду отвела было взгляд, но сразу же стала вновь с ужасом наблюдать за кошмарной сценой.

Франсуа и Стефан Мару одновременно бросили что-то в лодки с людьми — один с носа моторки, другой — с кормы.

И сразу же в лодках полыхнуло пламя… повалил густой дым.

До женщин долетели звуки взрывов. Несколько секунд они из-за дыма не могли разобрать, что происходит. Затем налетел ветер, дым рассеялся, и Вероника с бретонкой увидели, что лодки быстро погружаются в воду, а люди прыгают за борт.

Сцена — адская сцена! — длилась недолго. Какая-то женщина неподвижно стояла в тонущей лодке с ребенком на руках, вокруг нее лежали тела оглушенных взрывом; двое мужчин, обезумев, дрались. Через несколько мгновений все они вместе с лодками скрылись в пучине.

Онемев от ужаса, Онорина и Вероника молчали. Происшедшее превзошло самые страшные их опасения.

Наконец Онорина, поднеся руку ко лбу, глухо

проговорила с выражением, запомнившимся Веронике надолго:

— Голова раскалывается… Ах, несчастные жители Сарека! Я с ними дружила… с детства… а теперь больше их не увижу. Море никогда не отдает Сареку мертвецов. Оно их бережет… У него и гробы для них готовы… тысячи гробов… Ах, голова моя раскалывается… Я схожу с ума… так же… как Франсуа… мой бедный Франсуа!

Вероника не отвечала. Лицо ее было мертвенно-бледным. Скрюченными пальцами она вцепилась в подоконник и смотрела вниз, как смотрят в бездну, собираясь в нее броситься. Что теперь сделает ее сын? Может, кинется спасать людей, чьи отчаянные хрипы он слышит? Конечно, человек способен впасть в безумие, но при виде иных зрелищ приступы проходят.

Франсуа и Стефан, чьи красный и белый береты были хорошо различимы, стояли все так же — один на носу, другой на корме моторки, держа в руках… На столь далеком расстоянии женщинам было плохо видно, что именно держали они в руках. Что-то вроде длинных палок.

— Наверное, шесты, чтобы спасать людей, — прошептала Вероника.

— Или ружья, — возразила Онорина.

На поверхности воды показались черные точки. Их было девять — девять человек, которым удалось спастись; время от времени кто-нибудь из них взмахивал рукой, слышались крики о помощи.

Несколько мужчин поспешно плыли прочь от моторки, однако четверо двигались в ее сторону, и двое из них были уже совсем близко.

Внезапно Франсуа и Стефан сделали одинаковые движения — как стрелки, прикладывающие винтовки к плечу.

Сверкнули две вспышки, но грохот выстрелов слился в один.

Головы двоих, плывших первыми, скрылись под водой.

— Ах, чудовища! — в изнеможении упав на колени, пролепетала Вероника.

Онорина стояла рядом и надсадно кричала:

— Франсуа! Франсуа!

Голос ее был слишком слаб, к тому же его относило ветром. Но бретонка не унималась:

— Франсуа! Стефан!

Она бросилась через комнату в прихожую, словно искала что-то, а затем вернулась к окну и снова закричала:

— Франсуа! Франсуа! Послушай!..

Ей удалось отыскать раковину, которою она пользовалась как рогом. Однако, поднеся ее ко рту, бретонка смогла извлечь из нее лишь несколько слабых, неясных звуков.

— Проклятье! — отбросив раковину, пробормотала она. — У меня нет больше сил. Франсуа! Франсуа!

На Онорину страшно было смотреть: волосы растрепаны, лицо в испарине. Вероника принялась ее умолять:

— Онорина, прошу вас…

— Да вы только поглядите на них!

Лодка внизу продолжала скользить вперед, стрелки стояли на своих местах с оружием, готовым для нового преступления.

Некоторые из оставшихся в живых плыли изо всех сил, пытаясь спастись, двое остались позади.

Их тут же взяли на мушку, и еще две головы скрылись под водой.

— Да вы только взгляните! — хрипло шептала бретонка. — Это же охота! А эти люди — дичь! Ах, бедные, бедные!

Раздался очередной выстрел, и очередная черная точка скрылась из виду.

Вероника была вне себя от отчаяния. Она при-

нялась трясти решетку на окне, словно прутья клетки, в которую ее посадили.

— Ворский! Ворский! — стонала она, охваченная воспоминаниями о муже. — Это сын Ворского!

Вдруг она почувствовала, как чьи-то руки схватили ее за горло, и прямо перед собой увидела искаженное лицо Онорины.

— Это твой сын, твой, — бормотала бретонка. — Будь ты проклята! Ты родила чудовище и будешь за это наказана!

Но внезапно, в припадке безудержного веселья, она захохотала, притопывая:

— Крест! Вот именно, крест! Ты взойдешь на крест! В руки тебе вонзятся гвозди! Вот это будет кара! Гвозди в руки!

Бретонка сошла с ума.

Вероника высвободилась и попыталась силою уложить ее в постель, но охваченная злобной яростью Онорина оттолкнула ее и в мгновение ока вскочила на подоконник.

Стоя в оконном проеме и простирая к морю руки, она снова закричала:

— Франсуа! Франсуа!

Поскольку дом стоял на склоне, окно с этой стороны находилось ближе к земле. Бретонка

спрыгнула на дорожку, перебежала ее и, продравшись через росшие вдоль нее деревья, бросилась к скалам, отвесно спускавшимся к морю.

На секунду остановившись, она трижды выкрикнула имя выращенного ею мальчика и бросилась в пропасть головою вниз.

Охота на море подошла к концу.

Головы всех пловцов скрылись в пучине. Избиение завершилось.

Лодка с Франсуа и Стефаном на борту устремилась к побережью Бретани, к пляжам Бег-Мейля и Конкарно.

Вероника осталась на острове Тридцати Гробов в одиночестве.

Глава пятая
Четыре женщины на четырех крестах

Вероника осталась на острове Тридцати Гробов в одиночестве. Вплоть до минуты, когда солнце скрылось за горизонтом среди нависших над морем туч, она неподвижно просидела у окна, в бессилии обхватив голову руками и опершись о подоконник.

Случившееся вновь и вновь проходило перед нею в глубинах ее сознания, словно живые картины. Она пыталась их не видеть, но порою они вставали перед ее мысленным взором настолько отчетливо, что ей казалось, будто она опять переживает эти душераздирающие минуты.

Вероника не пыталась отыскать объяснение всему произошедшему, не пробовала строить предположения, которые могли бы прояснить ужасную трагедию. Она решила, что Франсуа и Стефан Мару сошли с ума, так как никак иначе истолковать их действия не могла. И, полагая убийц сумасшедшими, она даже не пыталась приписать им какие-либо осмысленные намере-

ния или планы.

К тому же безумие Онорины побудило Веронику считать, что все эти события вызваны неким психическим расстройством, жертвами которого стали все жители Сарека. Она и сама чувствовала, что в какие-то мгновения рассудок у нее слабеет, мысли растворяются в тумане и вокруг появляются некие таинственные призраки.

Наконец Вероника забылась сном, но он был настолько тревожен, она чувствовала себя в нем такой несчастной, что даже разрыдалась. Однако же сквозь сон ей показалось, что она слышит какой-то легкий шум, который ее оцепенелый рассудок оценил как враждебный. Приближался враг. Вероника открыла глаза.

В трех шагах от нее сидел странный зверек, весь покрытый шерстью цвета кофе с молоком; передние лапки он скрестил, точно человек.

Вероника тут же вспомнила, что Онорина рассказывала ей о собачонке Франсуа — милой, преданной и очень забавной. Она даже вспомнила ее имя: Дело-в-шляпе.

Она вполголоса произнесла его и не смогла удержаться от гневного жеста; ей захотелось прогнать животное, носящее столь иронически прозвучавшее прозвище. Дело-в-шляпе! Ей

мгновенно пришли на ум все жертвы страшной бури: погибшие жители Сарека, убитый отец, покончившая с собой Онорина, сошедший с ума Франсуа. Да уж, дело в шляпе, ничего не скажешь!

Однако собака не двигалась. Она служила, причем именно так, как описала Онорина: голова немного набок, один глаз прикрыт, передние лапки скрещены, а на мордочке и в самом деле нечто вроде улыбки.

Теперь Вероника вспомнила: таким манером Дело-в-шляпе выражал сочувствие тем, кто пребывал в горе. Дело-в-шляпе не выносил слез. Когда кто-нибудь плакал, он принимался служить, пока плакавший не улыбался ему в ответ и не начинал его гладить.

Вероника не улыбнулась, но все-таки прижала пса к груди и проговорила:

— Нет, милый песик, дело вовсе не в шляпе. Напротив, дело — хуже некуда. И тем не менее нужно жить — не так ли? — и не сойти с ума, как другие…

Необходимость поддержать силы заставила молодую женщину действовать. Она спустилась в кухню, нашла там кое-какую снедь, добрую ее половину отдала собаке, а затем снова поднялась

наверх.

Наступила ночь. Вероника вошла в располагавшуюся на втором этаже комнату, которая в обычное время пустовала. Женщину охватила страшная усталость, вызванная невероятным напряжением сил и бурными волнениями минувшего дня. Заснула она почти мгновенно. В изножье постели бодрствовал Дело-в-шляпе.

На следующее утро Вероника проснулась поздно, с ощущением своеобразного успокоения и безопасности. Ей чудилось, будто снова продолжается тихая и спокойная жизнь, какую она вела в Безансоне. Пережитые ею несколько ужасных дней отступили куда-то далеко, и она не боялась их возвращения. Люди, погибшие во время тех бурных событий, были для нее как бы незнакомцами, которых, повстречав раз, никогда больше не увидишь. Сердце ее не обливалось кровью. Скорбь не проникала в глубины ее души.

Это был отдых — непредвиденный и безмятежный. Это было животворное одиночество. И оно так ей понравилось, что, когда на месте жестокого избиения жителей Сарека показался дымок, Вероника не подала никакого сигнала. Накануне с берега наверняка заметили вспышки взрывов и услышали грохот выстрелов. Однако Вероника

не шелохнулась.

Увидев, как из облачка показалась лодка, она подумала, что ее пассажиры собираются высадиться на остров и посмотреть, что делается в деревне.

Вероника опасалась не только расследования, в котором будет замешан ее сын: она не хотела, чтобы ее нашли, стали допрашивать, выяснили, как ее зовут, кто она, как сюда попала; она боялась, что ее заставят снова войти в адский круг, из которого она только что выбралась. Она предпочла бы выждать неделю-другую, пока случай не приведет на остров какое-нибудь рыбачье суденышко, которое заберет ее отсюда.

Но к Монастырю так никто и не поднялся. Дымок удалился, и ничто более не нарушало одиночества молодой женщины.

Так она прожила три дня. Похоже, судьба избавила ее от дальнейших посещений. Она была одна, была хозяйкой самой себе. Дело-в-шляпе, чье присутствие очень ее утешало, исчез.

Угодья Монастыря занимали всю оконечность второго островка, на котором раньше помещалось аббатство бенедиктинцев, в пятнадцатом веке покинутое и с тех пор постепенно превращавшееся в руины.

Дом, выстроенный в восемнадцатом веке зажиточным бретонским судовладельцем из камней старого монастыря и церкви, не представлял ничего примечательного ни с точки зрения архитектуры, ни с точки зрения обстановки. Впрочем, в комнаты — кроме той, в которой она жила, — Вероника входить не решалась. Воспоминания об отце и сыне останавливали ее перед закрытыми дверьми.

Однако на второй день при свете весеннего солнца она обошла весь парк. Заросший плющом, он тянулся до самой оконечности острова и, подобно лугу перед домом, тоже был усеян руинами. Вероника обратила внимание, что все дорожки парка вели к крутому обрыву, на краю которого стояла купа гигантских дубов. Подойдя ближе, она увидела, что дубы эти растут полукругом, обращенным открытой стороною к морю.

В центре образованной ими поляны стоял дольмен в виде недлинной овальной плиты, лежащей на двух почти кубической формы скалах. Поляна с дольменом выглядела строго и величественно. С нее открывался вид на необозримые морские просторы.

«Дольмен Фей, о котором говорила Онорина, — подумала Вероника. — Значит, где-то поблизости

Цветущее Распятие и цветы Магеннока».

Она обошла вокруг мегалита. На внутренней поверхности каменных столбов были высечены какие-то неразборчивые знаки. Зато на внешних сторонах, которые смотрели на море и напоминали две поставленные рядом доски, подготовленные для нанесения на них надписи, она увидела нечто, заставившее ее вздрогнуть от ужаса.

Справа располагался глубоко вырезанный чьей-то неумелой рукой примитивный рисунок, изображавший четырех женщин, корчившихся на крестах. Слева виднелась надпись из нескольких строк, однако буквы ее, высеченные недостаточно глубоко, были почти неразличимы: то ли их стерли за много лет ветры и дожди, то ли соскребла человеческая рука. Тем не менее несколько слов еще можно было разобрать — слов, которые Вероника прочла на рисунке, найденном ею подле тела Магеннока: «Четыре женщины на четырех крестах… тридцати гробах… Божий Камень… дарует жизнь или смерть».

Нетвердой походкой Вероника пошла прочь. Снова перед нею, как и везде на острове, была тайна, и женщина преисполнилась решимости всеми силами избегать соприкосновения с этой

тайной до тех пор, пока ей не удастся уехать с Сарека.

Начинавшаяся на поляне тропинка проходила мимо крайнего правого дуба, в который когда-то явно ударила молния, поскольку от него остались лишь ствол да несколько сухих ветвей.

В конце тропинки Вероника спустилась по каменным ступеням, пересекла лужайку с четырьмя рядами менгиров на ней и вдруг встала как вкопанная, тихо охнув от восхищения и изумления увиденной ею картиной.

— Цветы Магеннока, — прошептала она.

Два последних менгира средней дорожки, по которой она шла, возвышались, словно столбы ворот, открывавшихся на восхитительное зрелище: несколько каменных ступенек вели к прямоугольной площадке метров в пятьдесят длиною, а по бокам ее, как колонны в древнем храме, стояли менгиры одинаковой высоты, расположенные на равном расстоянии друг от друга. Неф и приделы этого храма были выложены большими гранитными плитами неправильной формы, кое-где растрескавшимися; растущая из щелей трава обрамляла их точно так же, как свинцовые переплеты обрамляют стекла церковных оконниц.

А посредине площадки, в небольшом квадрате, вокруг древнего каменного распятия росли цветы. Но что это были за цветы! Невообразимые, фантастические цветы — цветы из сновидений, цветы из сказки, цветы, размерами своими не шедшие ни в какое сравнение с обычными.

Все они были знакомы Веронике, однако их великолепие и величина вызывали известную робость. Там были цветы самых разных сортов, но всего лишь по нескольку штук каждого сорта. Это выглядело как букет, составленный таким образом, чтобы объединить в себе все цвета, ароматы и формы.

Но самым необычным было другое: цветы, которые обычно распускаются не одновременно, а даже в разные месяцы, росли и цвели здесь все вместе! Эти многолетние цветы, бурный рост и цветение которых длится не более двух-трех недель, выросли и распустились словно бы в один день — тяжелые, яркие, пышные, гордо несущие свои головки на крепких стеблях.

Там были традесканции, лютики, водосборы, кроваво-красная лапчатка, ирисы лиловее епископского облачения. Еще на этой клумбе росли дельфиниум, флоксы и фуксии, волчий корень и будра.

И над всем этим — о, в какое же волнение пришла молодая женщина! — над этой сверкающей клумбой, на чуть приподнятом бордюре, окружавшем распятие, голубели, белели, лиловели, тянулись вверх, словно желая прикоснуться к телу Спасителя, цветы *вероники…*

Молодая женщина чуть было не лишилась чувств. Она подошла ближе и на прикрепленной к пьедесталу маленькой табличке прочла: *«Мамины цветы».*

В чудеса Вероника не верила. Да, ей пришлось признать, что цветы — удивительные, совершенно необычные для этих краев. Но она никак не хотела поверить, что все это можно объяснить лишь какими-то сверхъестественными причинами или волшебными ухищрениями, секрет которых был известен Магенноку. Нет, здесь должно быть нечто другое, возможно даже не очень-то и замысловатое, в чем и заключена суть этого явления.

А между тем посреди столь языческой декорации, в самой сердцевине чуда, словно появившегося на свет только благодаря Его присутствию, среди моря цветов стоял Христос, и цветы, казалось, приносили Ему в дар свои краски и запахи. Вероника преклонила колени…

Следующие два дня Вероника снова приходила к Цветущему Распятию. Но теперь тайна, окружавшая это место, дышала прелестью, и сын ее играл в ней роль, которая позволяла думать о нем перед цветами вероники без ненависти и отчаяния.

На пятый день Вероника увидела, что запасы еды подходят к концу, и к вечеру спустилась в деревню.

Там она обнаружила, что бóльшая часть домов не заперта — настолько их владельцы были уверены, уезжая, что вернутся и в следующий раз заберут с собою все необходимое.

Сердце у Вероники сжалось; она не осмелилась войти ни в один из домов. На подоконниках стояли горшки с геранью. Внушительных размеров часы с медным маятником продолжали отсчитывать время в пустых комнатах. Вероника пошла дальше.

Под навесом неподалеку от пристани она заметила ящики и мешки, привезенные Онориной в лодке.

«Ну и ладно, — подумала она, — с голода я не умру. Еды здесь хватит не на одну неделю».

Она сложила в корзину шоколад, бисквиты, несколько банок консервов, рис, спички и уже

собралась было возвращаться в Монастырь, когда в голову ей пришла мысль прогуляться к другому концу острова. А корзину она заберет на обратном пути.

Тенистая дорога вела на плоскогорье. Пейзаж показался Веронике таким же, как в уже знакомой части Сарека. Те же песчаные равнины, те же купы древних дубов — и нигде ни поля, ни выгона для скота. И здесь остров к концу сужался, и здесь по обеим его сторонам виднелось море, а вдалеке темнел берег Бретани.

От скалы к скале тянулась ограда какой-то усадьбы — с виду заброшенной, с длинным полуразвалившимся домом, службами с залатанными крышами и грязным, захламленным двором, где валялись старое железо и кучи хвороста.

Вероника уже решила повернуть назад, как вдруг в замешательстве остановилась. Ей показалось, что она слышит чей-то стон. Она насторожилась, и в полной тишине до нее донесся тот же звук, но на этот раз более отчетливый… затем раздались жалобные крики, мольбы о помощи. Голоса были женские. Но разве остров покинули не все его обитатели? Вероника обрадовалась, что она на Сареке не одна, но к ее радости примешивались огорчение и испуг:

неужели события вновь вовлекут ее в череду смертей и ужаса?

Насколько она могла судить, звуки доносились не из дома, а из служб, расположенных с правой стороны двора. Вход в него преграждала лишь калитка; Вероника толкнула ее, и старое дерево громко заскрипело.

Крики зазвучали с удвоенной силой. Там явно услышали скрип калитки. Вероника прибавила шагу.

Если крыша служб кое-где подгнила, то стены выглядели толстыми и прочными, старые двери были укреплены железными полосами. Именно в одну из этих дверей и стучали изнутри, крики же становились все настойчивее:

— На помощь! На помощь!

Затем за дверью послышалась возня и другой, не столь пронзительный голос проскрипел:

— Да замолчи ты, Клеманс! Вдруг это…

— Нет, нет, Гертруда, это не они, мы бы услышали! Откройте, ключ в дверях!

И в самом деле, Вероника, размышлявшая, каким образом проникнуть в сарай, увидела торчащий из скважины массивный ключ. Она повернула его, и дверь отворилась.

За дверью стояли две сестры Аршинья: полу-

раздетые, изможденные, по-прежнему похожие на злых колдуний. Они были заперты в прачечной, загроможденной всякой утварью, а в глубине ее на соломе лежала третья сестра, которая еле слышно причитала.

В тот же миг одна из стоявших у двери сестер упала без чувств, тогда как другая с лихорадочным огнем в глазах схватила Веронику за руку и, задыхаясь, заговорила:

— Вы их видели, да? Они здесь? Почему они вас не убили? С тех пор как остальные ушли, они стали хозяевами на Сареке… Теперь наша очередь… Мы заперты здесь уже шесть дней, да, с того утра, как все уехали… Мы собирали вещи, чтобы взять их с собою в лодку. Зашли втроем сюда, хотели снять сохнувшее белье… И *они* пришли… Мы *их* не слышали… *Их* никто не слышит… И вдруг дверь затворилась — стукнула о косяк, повернулся ключ, и все… У нас здесь были яблоки, хлеб, даже водка, от голода мы не страдали. Только все думали: неужели они вернутся и убьют нас? Когда же настанет наш черед? Ах, моя милая, как мы все время прислушивались, как тряслись от страха! Старшая совсем обезумела. Послушайте: она бредит. Другая, Клеманс, тоже не выдержала… А я Гертруда…

У этой силы еще оставались: она крепко держала Веронику за руку.

— А Коррежу? Он вернулся, да? И снова уехал? Почему он нас не нашел? Это ж было нетрудно… Он знал, где мы, а стоило нам услышать малейший шум, как мы принимались кричать… В чем же дело? Ответьте же!

Вероника не знала, что ответить… Хотя с какой стати она будет скрывать правду?

— Лодки утонули, — сказала она.

— Что?

— Обе лодки утонули недалеко от Сарека. Все, кто в них был, погибли. Это произошло напротив Монастыря, вблизи от Скал Дьявола.

Вероника умолкла, не желая называть никаких имен и говорить о роли Франсуа и его учителя в разыгравшейся трагедии. Внезапно Клеманс поднялась и с исказившимся лицом села на полу, прислонившись к двери.

Гертруда прошептала:

— А что с Ониной?

— Онорина мертва.

— Мертва?

Это слово обе сестры выкрикнули в один голос. Затем молча переглянулись. Их явно поразила одна и та же мысль. Казалось, они над чем-то

раздумывают. Гертруда зашевелила пальцами, словно что-то подсчитывая. Лица обеих женщин становились все более испуганными.

Наконец тихо, как будто страх сдавил ей горло, Гертруда заговорила, пристально глядя на Веронику:

— Верно… верно… все сходится… Знаете, сколько их было на лодках, не считая сестер и меня? Знаете? Двадцать человек. Теперь сосчитайте… Двадцать, да Магеннок, погибший первым, да господин Антуан, умерший недавно, да маленький Франсуа и господин Стефан, которые хоть и пропали, но тоже, должно быть, мертвы, а потом — Онорина и Мари Легоф, которые также отдали Богу душу… Вот и сосчитайте… получается двадцать шесть… Двадцать шесть! Все сходится, верно? Двадцать шесть отнять от тридцати… Вы поняли? Тридцать гробов, которые пустуют… А от тридцати отнять двадцать шесть — получится четыре, правильно?

Дальше старуха связно говорить уже не могла, язык у нее стал заплетаться, с губ срывались лишь бессвязные слова, но Вероника тем не менее сумела разобрать их:

— А? Понимаете? Остались четверо: три сестры Аршинья, которых держали взаперти, и вы… Вер-

но ведь?.. Четыре креста… Вы же знаете — *четыре женщины на четырех крестах?..* Все сходится, нас как раз четверо. Кроме нас, на острове никого нет. Только четыре женщины…

Вероника молча слушала. На лбу у нее выступила испарина.

Но, решив не поддаваться тревоге, она пожала плечами:

— Ну и что из этого? Если на острове мы одни, то кого же вы боитесь?

— Да *их* же! *Их!*

Вероника начала выходить из себя:

— Да ведь все же уехали!

Гертруда испугалась:

— Тише! А вдруг *они* вас услышат?!

— Кто?

– *Они…* которые жили тут когда-то.

— Кто же тут жил?

– *Они*, те, что приносили в жертву мужчин и женщин, чтобы умилостивить своих богов.

— Да ведь это было давным-давно! Вы имеете в виду друидов? Так никаких друидов теперь нет.

— Тише! Тише! Есть… И еще есть злые гении.

— Духи, что ли? — воскликнула Вероника, раздраженная подобным суеверием.

— Да, духи, но только духи во плоти, с руками, которые закрывают двери и держат вас взаперти… Существа, которые топят лодки… Они ведь и убили господина Антуана, Мари Легоф и других, всего двадцать шесть человек.

Вероника не ответила. Она-то знала, кто убил господина д'Эржемона, Мари Легоф и остальных, знала, кто потопил обе лодки.

Вместо ответа она спросила:

— В котором часу вас тут заперли?

— В половине одиннадцатого. А в одиннадцать мы должны были встретиться в деревне с Коррежу.

Вероника задумалась. Франсуа и Стефан никак не могли находиться здесь в половине одиннадцатого, а всего часом позже напасть из-за скалы на лодки. Неужели на острове остался их сообщник… или даже сообщники?

Она обратилась к старухе:

— Как бы то ни было, нужно на что-то решаться. Оставаться здесь вам нельзя. Вы должны отдохнуть, прийти в себя…

Клеманс поднялась и с тою же горячностью, что и ее сестра, глухо проговорила:

— Прежде всего нужно спрятаться и как-то защититься от *них*.

— Но каким образом? — спросила Вероника, которой невольно тоже захотелось найти убежище от неведомого врага.

— Каким образом? А вот каким… об этих вещах на острове было много говорено, особенно в этом году, и Магеннок решил, что при первом же нападении всем следует спрятаться в Монастыре.

— Почему в Монастыре?

— Потому что там можно обороняться. Скалы около дома отвесные, он защищен со всех сторон.

— А мост?

— Магеннок с Онориной все предусмотрели. Шагах в двадцати слева от моста есть маленькая хижина. В ней спрятан запас бензина. Вылить три-четыре бидона на мост, чиркнуть спичкой — и дело сделано. Вы окажетесь отрезаны, до вас будет не добраться. Какое уж тут нападение!

— Почему же тогда жители решили спасаться на лодках, а не спрятались в Монастыре?

— Им показалось, что так будет благоразумнее. Но у нас-то выбора нет.

— Стало быть, идем?

— И немедленно, пока светло: ночью это будет не так просто.

— А как же быть с вашей сестрой, которая

не может встать?

— Повезем ее на тачке. Отсюда есть прямая дорога к Монастырю, которая минует деревню.

Хотя перспектива жить бок о бок с сестрами Аршиньа была Веронике неприятна, она согласилась, поддавшись какому-то необоримому страху.

— Ладно, — заключила она. — Давайте отправляться. Я доведу вас до Монастыря, а потом вернусь в деревню за провизией.

— Но только ненадолго, — возразила одна из сестер. — Когда с мостом будет покончено, мы разожжем костер на пригорке, там, где Дольмен Фей, и с берега за нами пришлют судно. Сегодня не получится — опускается туман, но завтра…

Вероника не возражала. Теперь она уже примирилась с мыслью, что ей придется покинуть Сарек, пусть даже во время дознания и всплывет ее имя.

Сестры опрокинули по стаканчику водки, и все тронулись в путь. Скрючившись в тачке, сумасшедшая тихонько посмеивалась и бросала Веронике отрывистые фразы, словно желая, чтобы та посмеялась вместе с нею:

— Мы *их* пока не встретили… *Они* готовятся…

— Молчи, старая безумица, еще накличешь

беду, — перебила ее Гертруда.

— Да, вот будет забава… это смешно… У меня золотой крестик на шее… а другой в руке, я вырезала его ножницами из кожи… Взгляните… Повсюду кресты… Нужно, чтобы непременно крест… Нужно хорошенько уснуть.

— Да заткнешься ты или нет? — воскликнула Гертруда и отвесила сестре оплеуху.

— Ладно… ладно… но *они* тебя тоже ударят, я вижу, *они* прячутся…

Тропинка, вначале довольно ухабистая, привела к плоскогорью, образованному скалами на западной стороне острова — более высокими, но не такими иззубренными и неровными. Деревья здесь попадались реже, дубы изогнулись от постоянного ветра с моря.

— Мы подходим к песчаной равнине, которую тут называют Черными Песками, — сообщила Клеманс Аршинья. — *Они* живут там.

Вероника снова пожала плечами:

— Откуда вы знаете?

— Мы знаем больше других, — ответила Гертруда. — Недаром нас зовут колдуньями. Даже Магеннок — уж он-то в этом толк понимал — советовался с нами насчет всяких целебных снадобий, камней, приносящих счастье, трав,

которые собирают в Иванов день…

— Полынь, вербена, — улыбнулась безумная. — Их нужно собирать на закате.

— Известны нам и древние предания, — продолжила Гертруда. — Мы знаем все, о чем говорилось на острове сотни лет назад, и знаем, например, что тут под землей есть целый город с улицами, где *они* жили когда-то. Да и сейчас живут. Я сама видела, говорю вам.

Вероника промолчала.

— Да, мы с сестрами видели одного. Дважды, на шестой день после июньского полнолуния. Он был весь в белом. Забрался на Большой Дуб и срезал там священную омелу золотым ножом. Золото так и сияло в лунном свете… Я видела его, правда. Другие тоже… И он там не один. Их много осталось с давних времен, они стерегут сокровище. Да-да, верно вам говорю, сокровище! Это вроде какой-то чудесный камень: если до него дотронуться, умрешь, а если на него положить мертвеца, труп оживет. Это все правда, нам говорил Магеннок, сущая правда. А *они* издавна стерегут этот камень, Божий Камень. И в этом году они должны принести всех нас в жертву, да, всех… Тридцать трупов в тридцати гробах…

— Четыре женщины на четырех крестах, —

пропела безумная.

— И это не за горами. Шестой день после полнолуния уже близок. Нам нужно уехать до того, как они заберутся на Большой Дуб за омелой. Его как раз отсюда видно, в леске перед мостом. Он там выше остальных деревьев.

– *Они* прячутся сзади, — повернувшись в тачке, проговорила сумасшедшая. — *Они* нас поджидают.

— Да будет тебе, не вертись… Ну как? Видите Большой Дуб? Вон там, за теми песками? Он гораздо, гораздо…

Не докончив фразы, старуха бросила тачку.

Клеманс спросила:

— Ну что там еще? Что с тобой?

— Я видела… — пролепетала Гертруда. — Видела что-то белое, оно шевелилось.

— Что-то белое? Да ты что? Разве они показываются при свете дня? Тебе померещилось.

Несколько секунд сестры пристально смотрели вдаль, потом снова тронулись в путь. Большой Дуб вскоре пропал из виду.

Песчаная равнина, по которой они шли, была уныла и бугриста, на ней ровными рядами лежали плоские камни, напоминавшие могильные плиты.

— Это их кладбище, — прошептала Гертруда.

Дальше они двигались молча. Гертруда то и дело останавливалась передохнуть, так как у Клеманс толкать тачку не было сил. Обе едва держались на ногах и время от времени беспокойно озирались.

Миновав лощину, путницы вышли на тропинку, по которой Онорина в первый день вела Веронику, и углубились в лесок перед мостом.

По все возраставшему волнению сестер Аршиньа Вероника сразу поняла, что они приближаются к Большому Дубу, и через несколько секунд действительно увидела его: более могучий, чем другие, он стоял немного особняком, на пьедестале из земли и корней. Невозможно было удержаться от мысли, что за столь внушительным стволом может спрятаться множество людей и что *они в самом деле* там прячутся.

Несмотря на страх, сестры прибавили шагу, но на роковое дерево старались не смотреть.

Наконец оно осталось позади. Вероника перевела дух. Опасность миновала, и молодая женщина собралась уже поднять на смех сестер Аршиньа, как вдруг одна из них, Клеманс, резко повернулась на месте и со стоном рухнула наземь.

В тот же миг рядом с ней упал какой-то пред-

мет, ударивший ее в спину. Это был топор, каменный топор.

— Громовая стрела! Громовая стрела! — воскликнула Гертруда.

Несколько секунд она стояла задрав голову, словно вспомнила живучее народное поверье и решила, что топор этот родился из грома и прилетел с неба.

Но тут безумная, вылезшая тем временем из тачки, резко дернулась и упала как подкошенная лицом вниз, а в воздухе что-то просвистело. Сумасшедшая корчилась на земле от боли. Гертруда и Вероника увидели торчащую у нее из плеча стрелу, которая еще дрожала.

Завыв, Гертруда бросилась бежать.

Вероника заколебалась. Клеманс и ее сестра катались по земле. Безумица бормотала:

— За дубом! *Они* там прячутся… я видела.

А Клеманс стонала:

— На помощь! Помогите! Унесите меня! Я боюсь!

Внезапно в воздухе просвистела еще одна стрела и пропала вдалеке.

Вероника, пустившись со всех ног, добежала до опушки и помчалась по склону, спускавшемуся к мосту.

Она летела, не чуя под собою земли, гонимая не только ужасом — кстати, вполне объяснимым, — но и страстным желанием найти какое-нибудь оружие и защитить себя. Она вспомнила, что в отцовском кабинете видела застекленный ящик с ружьями и пистолетами, на которых — явно из-за Франсуа — висели таблички «заряжено»; вот до этого-то оружия ей и хотелось добраться, чтобы дать отпор врагу. Она даже не оборачивалась. Ей не хотелось знать, преследует ее кто-то или нет. Она стремилась к цели, единственной цели, в которой был хоть какой-то смысл.

Легкая на ногу и подвижная, Вероника скоро догнала Гертруду.

Та, задыхаясь, бросила:

— Мост… Нужно сжечь… Бензин там…

Вероника не ответила. С уничтожением моста она могла подождать: ей хотелось поскорее схватить ружье и стать лицом к лицу с врагом.

Однако едва они достигли моста, как Гертруда вдруг сделала пируэт и чуть было не свалилась в пропасть. Из поясницы у нее торчала стрела.

— Сюда, сюда, — выдохнула она. — Не оставляйте меня.

— Я вернусь, — ответила Вероника, которая

не заметила стрелы и подумала, что старуха просто оступилась. — Я вернусь и принесу два ружья, вы мне поможете.

Вероника рассудила, что, вооружившись, они вернутся в лес и помогут другим сестрам. Поэтому, еще прибавив шагу, она перебежала через мост, добралась до стен усадьбы, пересекла лужайку и поднялась в кабинет отца. Там она немного перевела дух, схватила ружья и двинулась обратно, но уже медленнее — так сильно билось у нее сердце.

Вероника удивилась, что Гертруды нигде не было видно. Она окликнула ее. Молчание. И только после этого ей пришло в голову, что бретонка, так же как и ее сестры, могла быть ранена.

Она бросилась назад. Но, едва завидев мост, Вероника, несмотря на гул в ушах, услышала пронзительные крики, а когда показался крутой косогор, ведущий к лесу Большого Дуба, ее взору предстало…

То, что предстало взору Вероники, когда она приблизилась к мосту, буквально пригвоздило ее к земле. По ту сторону пропасти Гертруда каталась по траве, билась, хватаясь за корни, цепляясь скрюченными пальцами за землю и траву, и вместе с тем медленно вползала на склон —

медленно и неотвратимо.

Тут Вероника заметила, что предплечья и пояс несчастной охватывает веревка, которую тянут наверх чьи-то невидимые руки; женщина напоминала связанную и беспомощную добычу охотника.

Вероника вскинула ружье к плечу. Но куда целиться? Где враг, с которым нужно сражаться? Он прятался то ли среди деревьев, то ли за камнями, венчавшими холм, словно крепостную стену.

Гертруда уже скользила между этими деревьями и камнями. Она больше не кричала — должно быть, обессилела или потеряла сознание. Через несколько мгновений бретонка скрылась из виду.

Вероника не шелохнулась. Она поняла всю тщетность своих усилий и намерений. Бросившись в борьбу, в которой она заранее была обречена на поражение, она не спасла бы сестер Аршиньа и сама стала бы добычей для их победителя, его новой и последней жертвой.

А потом она испугалась. Все происшедшее было подчинено неумолимой логике, смысл которой оставался ей неясен, но в действительности этой логикой события были связаны между собой, словно звенья в цепи. Вероника боялась — бо-

ялась этих созданий, этих призраков, боялась инстинктивно, бессознательно, как сестры Аршинья, как Онорина, как все жертвы этого неслыханного бедствия.

Нагнувшись, чтобы ее не было видно от Большого Дуба, она под прикрытием зарослей ежевики двинулась налево и добралась до хижины, о которой говорили сестры Аршинья и которая представляла собой нечто вроде беседки с остроконечной крышей под цветной черепицей. Половину хижины занимали бидоны с бензином.

Оттуда она могла наблюдать за мостом: незаметно на него не пробралась бы ни одна живая душа. Но из леса никто не выходил.

Спустилась ночь; луна серебрила туман, который, впрочем, позволял различить противоположную сторону пропасти.

Примерно через час, несколько придя в себя, Вероника взяла два бидона и вылила их содержимое на концевые балки моста.

Напряженно прислушиваясь, повесив ружье на плечо и каждую секунду готовая дать отпор, она десять раз проделала этот путь. Она разливала бензин почти наобум, стараясь тем не менее выбирать на ощупь такие места, где дерево каза-

лось ей трухлявым.

У нее был с собою коробок спичек — единственный, какой удалось ей отыскать в доме. Достав спичку, она помедлила, испугавшись, что сейчас здесь станет весьма светло.

«Если бы хоть пламя могли увидеть с берега, — подумала она. — Но в таком тумане…»

Наконец решившись, Вероника чиркнула спичкой и зажгла приготовленный заранее и пропитанный бензином бумажный жгут.

Пламя вспыхнуло и обожгло ей пальцы. Она швырнула жгут в собравшуюся в каком-то углублении лужицу бензина и со всех ног бросилась к беседке.

Огонь занялся мгновенно и сразу охватил все доски, политые бензином. Пожар озарил все вокруг: скалы обоих островов, гранитные плиты, на которых они стояли, деревья, холм, лес Большого Дуба, воду на дне пропасти.

«*Они* знают, где я… *Они* наблюдают за хижиной, в которой я спряталась», — пронеслось в голове у Вероники, не отрывавшей глаз от Большого Дуба.

Но ни одна тень не шелохнулась в лесу. До Вероники не донеслось ни единого шороха. Те, что прятались там, наверху, не вышли из своего

неприступного убежища.

Через несколько минут половина моста с грохотом обрушилась, в воздух взметнулся сноп искр. Другая половина продолжала гореть; внезапно в пропасть упал обломок балки, осветивший на миг мрачную бездну.

Оба раза Вероника испытала облегчение. Ее напряженные нервы понемногу успокаивались. Женщину охватило чувство безопасности, становившееся все более глубоким по мере того, как пропасть между нею и врагами увеличивалась. Тем не менее она не уходила из хижины и даже решила дождаться там рассвета, чтобы убедиться, что преодолеть пропасть теперь невозможно.

Туман густел. Тьма объяла все вокруг. Примерно в середине ночи Вероника услышала на той стороне шум — где-то у вершины холма, как ей показалось. Звук походил на стук топора лесоруба. Казалось, кто-то методично обрубал у дерева ветви.

Веронике пришла в голову мысль, хотя она прекрасно сознавала всю ее нелепость: там пытаются навести новый мост. Она крепче сжала ружье.

Через час ей показалось, что она слышит стоны, даже сдавленные крики, затем довольно долго

раздавался шорох листьев, кто-то ходил туда и сюда. Наконец все успокоилось. Опять воцарилась мертвая тишина, в которой не слышно ни шороха, ни шелеста, ни трепета — никаких признаков жизни.

От усталости и голода Вероника отупела и не могла больше ни о чем думать. Она помнила лишь, что не взяла из деревни провизию и теперь ей нечего будет есть. Но это ее не тревожило, поскольку она решила, как только туман рассеется — а это должно произойти уже скоро, — разжечь с помощью оставшегося бензина большой костер. Она подумала даже, что лучшим местом для него будет самая оконечность острова, там, где стоит дольмен.

Внезапно у нее мелькнула страшная мысль; а вдруг она оставила спички на мосту? Она перерыла все карманы — безуспешно. Сколько Вероника ни искала, спичек она так и не нашла.

Однако и это ее не слишком обеспокоило. Мысль о том, что ей удалось избегнуть вражеского нападения, на какую-то секунду переполнила ее радостью: ей показалось, что теперь все препятствия устранятся сами собой.

Тянулись бесконечно длинные часы; расползавшийся повсюду туман и холод делали их

с приближением утра еще мучительнее.

Наконец по небу разлился слабый свет. Предметы выступили из тьмы и приняли обычные очертания. Вероника увидела, что мост обвалился целиком. Острова отделялись друг от друга пятнадцатиметровой пропастью, и только далеко внизу их соединял тонкий и острый гребень неприступного утеса.

Она была спасена.

Но, подняв взор к холму напротив, она увидела на его вершине такое, что не смогла сдержать крик ужаса. Три дерева, росшие там, были очищены от нижних ветвей. А на обнаженных стволах, с руками, заведенными назад, с ногами, связанными под изодранными юбками, обмотанные вплоть до мертвенно-бледных лиц веревками, которые скрывали наполовину черные ленты их чепцов, висели сестры Аршинья.

Они были распяты.

Глава шестая
Дело-в-шляпе

Держась очень прямо, не оборачиваясь на жуткую картину, не заботясь о том, что ее могут заметить, скованным, деревянным шагом Вероника возвратилась в Монастырь.

Она крепилась лишь благодаря единственной цели, единственной надежде: выбраться с Сарека. Ужас переполнял ее. Когда она увидела эти три трупа, трех зарезанных, застреленных, а может быть, даже повешенных женщин, в ней ничто не шелохнулось. Это было уж слишком. Подобная гнусность, святотатство, кощунство переходили всякие границы зла.

Потом она подумала о себе — четвертой и последней жертве. Похоже, рок ведет ее к такому же концу, словно приговоренную к казни, которую толкают к плахе. Как тут не задрожать от страха? Как не усмотреть предупреждения в том, что для экзекуции над сестрами Аршиньа выбран именно холм Большого Дуба?

Вероника пыталась хоть как-то успокоиться, твердя себе: «Все объяснится… За всеми этими

ужасными тайнами стоят вполне земные причины, действия, только на вид фантастические, а на самом деле совершенные такими же, как и я, людьми, которые творят их с преступными намерениями и по заранее определенному плану. Дело тут, разумеется, в войне, это из-за нее возникло такое стечение обстоятельств и могли произойти такие события. Как бы то ни было, тут нет ничего сверхъестественного, выходящего за рамки обыденности».

Напрасные слова! Попытки рассуждений, которые пытался выстроить ее мозг! На самом деле, потрясенная доставшимися на ее долю жестокими ударами, Вероника уже размышляла и чувствовала так же, как жители Сарека, свидетельницей смерти которых была; она сделалась такой же беспомощной, как они, ее мучили те же страхи, осаждали те же кошмары, ее выводило из равновесия все то, что сохранилось у нее в душе от древних инстинктов, пережитков и суеверий, всегда готовых всплыть на поверхность.

Кто эти невидимые существа, которые ее преследуют? Перед кем стоит задача заполнить тридцать гробов жителями Сарека? Кто уничтожил всех обитателей злополучного острова? Кто населяет его пещеры, в предначертанный час

собирает священную омелу и волшебные травы, пользуется топорами, стрелами и распинает женщин? И с какой непостижимой уму целью? Что за чудовищное дело они вершат? С какими невообразимыми намерениями? Духи мрака, злые гении, жрецы мертвой религии, приносящие в жертву своим кровожадным богам мужчин, женщин, детей…

— Довольно! Довольно! Я схожу с ума! — громко произнесла Вероника. — Прочь отсюда! Нужно думать только о том, как поскорее выбраться из этого ада.

Однако судьба продолжала изощренно терзать молодую женщину. В поисках чего-нибудь съестного Вероника натолкнулась в кабинете отца, в глубине стенного шкафа, на пришпиленный к стене лист бумаги, на котором была изображена та же сцена, что и на обрывке, найденном ею в заброшенной хижине подле трупа Магеннока.

На одной из полок шкафа лежала папка для рисунков. Вероника раскрыла ее. Там было множество набросков все той же сцены, сделанных сангиной. На каждом над головой первой из женщин виднелась надпись: «В. д'Э.». Один из эскизов был подписан: «Антуан д'Эржемон».

Значит, рисунок на листе Магеннока тоже

сделан ее отцом! Это ее отец пытался на всех набросках придать казнимой женщине сходство с собственной дочерью!

— Хватит! Довольно! — повторила Вероника. — Не хочу больше думать. Не хочу ни о чем размышлять.

Она обессилела, однако продолжала поиски, но ничего, чем бы смогла утолить голод, так и не нашла.

Не попалось ей и ничего такого, с помощью чего она могла бы разжечь костер на оконечности острова. А туман тем временем рассеялся, и сигнал обязательно был бы замечен.

Она пыталась высечь огонь с помощью двух осколков кремня. Но делала она это неумело, и у нее ничего не вышло.

В течение трех дней Вероника жила на воде и землянике, которую собирала среди развалин. Ее лихорадило, силы убывали, она часто разражалась безудержными слезами, после чего всякий раз неизменно появлялся Дело-в-шляпе. Однако Вероника была столь измучена, что ее раздражала нелепая кличка пса и она гнала его прочь. Посидев немного, удивленный Дело-в-шляпе снова принимался служить. Но она продолжала на него злиться, словно он был виноват в том,

что принадлежал Франсуа.

От малейшего шума она начинала дрожать с головы до ног и обливалась холодным потом. Что делают существа, живущие у Большого Дуба? С какой стороны собираются они на нее напасть? Обхватив себя руками, Вероника трепетала при мысли, что может попасть в плен к этим чудовищам, ей не раз невольно приходило в голову, что она красива и что они могут соблазниться ее красотой и молодостью.

На четвертый день у нее вдруг появилась надежда. В одном из ящиков стола она нашла довольно сильную лупу. Воспользовавшись ярким солнцем, Вероника сконцентрировала его лучи на листке бумаги, который в конце концов загорелся, — и она смогла зажечь от него свечу.

Вероника решила, что спасена. Она отыскала запас свечей и смогла таким образом сохранить драгоценный огонь до вечера. Около одиннадцати, вооружившись фонарем, она направилась к хижине, намереваясь развести костер там. Погода стояла ясная, и сигнал должны были увидеть с берега.

Опасаясь, что с фонарем ее заметят, а еще больше страшась трагической картины распятых сестер Аршиньа, которых, конечно, было бы

прекрасно видно в ярком свете луны, Вероника, выйдя из Монастыря, выбрала другую дорожку, шедшую слева и защищенную с обеих сторон деревьями. Она шла беспокойно, стараясь не задевать ветвей и не наступать на корни. Добравшись до открытого места неподалеку от беседки, она почувствовала такую усталость, что ей пришлось присесть. В голове у молодой женщины гудело. Ей казалось, что сердце вот-вот перестанет биться.

Распятия отсюда были не видны. Однако, когда Вероника невольно обратила взор к холму, ей показалось, что там — среди деревьев, в конце просеки, пересекавшей лес, — движется что-то белое.

Фигура в белом шевельнулась снова, и в ярком свете луны, несмотря на большое расстояние, Вероника различила человека, одетого в балахон и сидевшего среди ветвей дерева, росшего поодаль от остальных и более высокого, чем прочие.

Она вспомнила слова сестер Аршинья: «Шестой день после полнолуния близок. Они влезут на Большой Дуб и сорвут священную омелу».

Веронике сразу же припомнились какие-то описания, не то читанные ею в книгах, не то

почерпнутые из рассказов отца, и показалось, что она присутствует на одном из друидских обрядов, которые когда-то так поразили ее детское воображение. Но в то же время она чувствовала себя очень слабой и не была уверена, что бодрствует и что эта странная сцена происходит в действительности. К дереву подошли еще четыре фигуры в белом и воздели руки, словно собираясь подхватить падающие ветви. Наверху что-то блеснуло. Золотой нож великого жреца отрезал ветку омелы.

Затем великий жрец спустился с дуба, и пять фигур, пройдя по просеке, обогнули лес и взобрались на вершину холма.

Вероника, которая была не в силах отвести свой растерянный взор от этих существ, вытянула шею и увидела три трупа, висящие на стволах деревьев. Завязанные бантами черные ленты чепцов издали напоминали воронов. Фигуры остановились перед жертвами, словно желая совершить какой-то непонятный ритуал. От группы отделился великий жрец и с веткой омелы в руке стал спускаться по склону, направляясь к тому месту, где торчала уцелевшая первая опора моста.

Вероника чуть было не лишилась чувств. Ей

показалось, что все у нее перед глазами пустилось в пляс, она впилась безумным взглядом в блестящее лезвие ножа, висевшего на груди у жреца, чуть ниже длинной белой бороды. Что он собирается делать? Несмотря на то что моста больше не было, Веронику охватил ужас. Ноги отказывались ее держать. Не отрывая глаз от страшного зрелища, она легла.

На краю пропасти жрец замер на несколько секунд. Затем вытянул руку с омелой вперед, словно это священное растение было его талисманом, способным изменять законы природы, и сделал шаг в бездну.

Весь белый в свете луны, жрец шагнул в пустоту.

Вероника не знала, произошло все это на самом деле или она стала жертвой галлюцинации, а если да, то в какой момент в ее ослабевшем мозгу причудливый обряд превратился в бред.

С закрытыми глазами она ждала, что вот-вот что-то случится, хотя и не понимала, что именно. Однако через некоторое время внимание ее переключилось на другие, более прозаические предметы. До нее дошло, что стоявшая в фонаре свеча догорала… и все же Вероника была не в силах вернуться в Монастырь и что-нибудь

предпринять. Она лишь подумала, что, если следующие несколько дней выдадутся пасмурными, ей не удастся снова разжечь огонь и, следовательно, она пропала.

Вероника смирилась, так как устала от неравной борьбы и заранее сочла ее проигранной. Попасть в руки к врагу — вот единственное, с чем она никак не хотела смириться. Но почему бы не принять более естественную смерть — от голода и усталости? Да, она будет страдать, однако наступит момент, когда мучения ее кончатся и она, сама того не сознавая, перейдет из этой жестокой жизни в желанное ничто.

— Да, да, — бормотала она, — уехать с Сарека или умереть, какая разница! Нет, все-таки нужно уехать!

Шорох листьев заставил Веронику открыть глаза. Пламя свечи теплилось еле-еле. А позади фонаря сидел Дело-в-шляпе, молотя передними лапами по воздуху.

Вероника увидела, что к шее у него привязана бечевкой пачка печенья.

— Расскажи, миленький Дело-в-шляпе, — обратилась Вероника к псу на следующее утро, после того как хорошенько выспалась у себя в комнате в Монастыре, — расскажи, где ты был. Не могу же

я поверить, что ты сам отыскал для меня еду. Это произошло случайно, не так ли? Ты бродил где-то неподалеку, услышал, что я плачу, и прибежал. Но кто же привязал тебе к шее пачку печенья? Выходит, у нас на Сареке есть друг, которому мы небезразличны? Почему же он не покажется? А, Дело-в-шляпе?

Она обняла собаку и добавила:

— А для кого это печенье? Для твоего хозяина Франсуа? Или для Онорины? Нет. Тогда, может, для господина Стефана?

Пес завилял хвостом и направился к двери. Казалось, он все понял. Вероника пошла следом, и они добрались до комнаты Стефана Мару. Дело-в-шляпе тут же влез под кровать учителя.

Там лежали еще три пачки печенья, две плитки шоколада и две банки консервов. Каждый из этих пакетиков был обвязан бечевкой с петлей на конце, в которую Дело-в-шляпе мог просунуть голову.

— Что это значит? — в изумлении проговорила Вероника. — Это ты принес все это сюда? Но кто же тебе дал провизию? Неужто на острове у нас в самом деле есть друг, который знает и нас, и Стефана Мару? Ты можешь меня к нему свести? Он явно обитает на этом островке, потому что

на другой пройти невозможно и ты оттуда сюда не добрался бы.

Рядом с едой Вероника увидела под кроватью небольшой клеенчатый чемодан и удивилась, зачем Стефан Мару запрятал его туда. Она решила, что имеет право открыть его и поискать что-нибудь, что указывало бы на роль учителя во всем этом деле, на его характер, прошлое, быть может, на его отношения с господином д'Эржемоном и Франсуа.

— Да, — подбодрила она себя, — я имею на это право, это даже мой долг.

Не колеблясь более, Вероника вооружилась ножницами и взломала хлипкий замочек.

В чемодане лежала лишь большая записная книжка, стянутая резинкой. Но едва Вероника открыла ее, как тут же в удивлении замерла.

На первой странице был наклеен ее портрет, фотография, сделанная, когда она была еще молоденькой девушкой, а на портрете виднелась ее собственноручная подпись и посвящение: «Моему другу Стефану».

— Не понимаю… Ничего не понимаю, — пробормотала Вероника. — Я хорошо помню этот снимок, мне было тогда шестнадцать. Но каким образом я умудрилась подарить ему фотографию?

Разве мы были знакомы?

Стремясь выяснить что-нибудь еще, Вероника прочла следующую страницу, на которой находилось нечто вроде предисловия. Звучало оно так:

Вероника, я не хочу иметь от Вас секретов. Если я взялся за воспитание Вашего сына, которого должен бы ненавидеть, поскольку это сын другого, но которого люблю, поскольку он Ваш, то лишь затем, чтобы жить в согласии с тайным чувством, овладевшим мною уже давно. Я уверен — однажды Вы снова займете свое место матери. В этот день Вы будете гордиться Франсуа. Я сотру в нем все, что он унаследовал от отца, и разовью благородство и достоинство, унаследованное им от Вас. Эта цель стоит того, чтобы я посвятил ей душу и тело. Я делаю это с радостью. Наградою мне будет Ваша улыбка.

Душу Вероники охватило странное чувство. Жизнь ее как бы осветилась тихим светом; эта новая тайна, которая была понятна ей не более прочих, была, по крайней мере, подобно цветам Магеннока, приятной и утешительной.

А дальше, листая страницы, Вероника словно день за днем присутствовала при воспитании своего сына. Она видела, как он продвигался в учении, какими методами пользовался его

учитель. Ученик оказался мальчиком ласковым, смышленым, прилежным, полным добрых намерений, нежным и чувствительным, порывистым и вместе с тем вдумчивым. Учитель же оказался человеком сердечным, терпеливым, ему помогало нечто, таившееся в глубине его души и сквозившее в каждой строчке.

Мало-помалу его ежедневные исповеди становились все горячее и излагались все более и более свободно.

Франсуа, любимый мой сын — я ведь могу называть его так? — Франсуа, в тебе возродилась твоя мать. Твои ясные глаза так же прозрачны, как у нее. Душа твоя, как у нее, серьезна и наивна. Тебе неведомо зло и, можно сказать, добро тоже — настолько оно свойственно твоему веселому нраву…

В книгу были переписаны некоторые работы мальчика, в которых он говорил о матери с глубокой нежностью и стойкой надеждой обрести ее вновь.

Мы отыщем ее, Франсуа, — добавлял Стефан, — *и тогда ты сможешь лучше понять, что значат красота и свет, как радостно жить, смотреть и восхищаться.*

Затем в книге шли рассказы о Веронике, мелкие

подробности, которые она сама давно позабыла или считала, что они известны лишь ей.

Однажды в Тюильри — ей тогда было шестнадцать — ее окружили люди. Они смотрели на нее и дивились ее красоте. А ее друзья смеялись, радуясь, что она вызывает такое восхищение.

Когда-нибудь, Франсуа, ты взглянешь на ее правую ладонь и увидишь посредине длинный белый шрам. Будучи совсем маленькой, она сильно порезала руку железным прутом…

Последние страницы книги предназначались явно не для ребенка и ему не читались. Тут любовь уже не пряталась за восхищенными фразами — она являлась открыто, горячая, восторженная, мучительная, трепещущая от надежды, но всегда почтительная.

Вероника захлопнула книгу. Читать дальше она не могла.

— Да, Дело-в-шляпе, признаюсь, — прошептала она, а пес тут же принялся служить, — да, на глазах у меня слезы. Я скажу тебе то, в чем не созналась бы никому: какова я ни есть, но я тронута до глубины души. Да, я пытаюсь вызвать в памяти лицо человека, который так меня любит. Это, наверное, какой-нибудь друг детства, кого я и не подозревала в тайной любви ко мне,

и даже имя его не оставило следа в моей памяти.

Вероника прижала пса к груди:

— Какие благородные сердца, не правда ли, Дело-в-шляпе? Ни учитель, ни ученик не способны на чудовищные преступления, свидетельницей которых я оказалась. Если они и сообщники наших врагов, то невольные и сами об этом не ведают. Я не верю ни в приворотные зелья, ни в чары, ни в снадобья, заставляющие человека терять рассудок. Но все же тут что-то не так, не правда ли, мой добрый песик? Мальчик, который посадил на Цветущем Распятии веронику и написал «мамины цветы», не может быть преступником, верно? Может быть, Онорина была права, когда говорила о приступе безумия? И он еще вернется ко мне? Он и Стефан?

Теперь Вероника успокоилась. Она уже не была одна-одинешенька. Настоящее больше не пугало ее, у нее появилась вера в будущее.

На следующее утро она приказала псу, которого заперла на ночь у себя в комнате, чтобы он не сбежал:

— Сейчас, дружок, ты меня поведешь. Куда? Да к неведомому другу, приславшему пропитание Стефану Мару. Пошли.

Дело-в-шляпе очень обрадовался. Он бросился

бежать по лужайке, поднимавшейся к дольмену, но на полпути остановился и подождал Веронику. Она догнала его. Пес свернул направо и устремился по тропинке, которая вела к развалинам на краю скалы.

Там он снова остановился.

— Это здесь? — спросила Вероника.

Пес лег на землю. Перед ним, подле двух каменных глыб, опиравшихся одна на другую и покрытых плющом, в зарослях колючего кустарника виднелась дыра, похожая на вход в кроличью нору. Дело-в-шляпе нырнул в нее и скрылся из виду, но через несколько секунд вернулся за Вероникой, которой пришлось сходить в Монастырь за ножом, чтобы сделать проход в кустарнике.

Через полчаса ей удалось расчистить первый марш лестницы и в сопровождении собаки ощупью спуститься вниз. Она оказалась в длинном, вырубленном в скале туннеле, освещавшемся пробитыми в его правой стене отверстиями. Поднявшись на цыпочки, Вероника увидела, что они выходят в сторону моря.

Минут десять они шли по этому туннелю… спустились еще по одной лестнице. Туннель сузился. Отверстия, прорезанные наискось — по-видимому, для того, чтобы их не было видно

снизу, — теперь располагались и справа, и слева. Вероника поняла, каким образом Дело-в-шляпе мог попасть на другую часть острова: туннель проходил в узкой скале, соединявшей Сарек с угодьями Монастыря. С обеих сторон слышались удары волн об утесы.

Чуть дальше женщина и собака поднялись по ступеням и оказались под холмом Большого Дуба. Здесь была развилка.

Дело-в-шляпе выбрал правый туннель, шедший вдоль берега моря.

По пути слева им попались еще два ответвления, оба совершенно темные. Остров, видимо, был пронизан подземными ходами, и с холодком в сердце Вероника подумала, что направляется к тому месту под Черными Песками, где, по словам сестер Аршиньа, находилось логово неприятеля.

Дело-в-шляпе уверенно семенил впереди и только время от времени оборачивался.

Вероника шепотом проговорила:

— Да иду я, мой милый, иду. Не сомневайся, я не боюсь — ведь ты ведешь меня к другу, который нашел здесь убежище. Но почему он не выйдет сам? Почему ты ведешь меня, а не его?

Ход везде имел одинаковую ширину, ровно

обтесанные стены, сводчатый потолок и сухой гранитный пол, хорошо вентилировавшийся через отверстия в стенах. На стенах — никаких отметок, ничего, только кое-где торчали черные куски кремня.

— Здесь? — спросила Вероника у пса, который вдруг остановился.

В этом месте туннель заканчивался чем-то вроде комнаты, слабо освещавшейся через узкое окошко.

Дело-в-шляпе, казалось, раздумывал. Он насторожил уши и прислушивался, опершись передними лапами о дальнюю стену комнаты.

Вероника обратила внимание, что эта стена не вырублена из гранита, а сложена из разной величины камней, скрепленных цементом. Она явно была возведена гораздо позже, чем сам туннель. Просто кто-то перегородил подземный ход, по-видимому тянувшийся и дальше.

Вероника повторила:

— Здесь, да?

Но продолжать она не стала, так как услышала слабый звук человеческого голоса.

Она подошла к стене и тут же вздрогнула. Голос стал громче. Звуки сделались более отчетливыми. За стеной пел ребенок, и Веронике удалось

различить слова:

Мама девочку качала,
Ей тихонько напевала:
«Ты не плачь, моя родная, –
Огорчится Всеблагая…»

Вероника прошептала:

— Та песня… Песня…

Это была та самая песенка, которую Онорина напевала в Бег-Мейле. Кто же мог петь ее сейчас? Какой-то ребенок, оставшийся на острове? Приятель Франсуа?

А голосок продолжал:

«Ей нужней всего на свете,
Чтобы радовались дети.
Помолись же, ангел мой,
Приснодеве Всеблагой».

Пение стихло, и на несколько минут воцарилось молчание. Дело-в-шляпе прислушивался все внимательнее, словно знал, что скоро должно что-то произойти.

И верно, примерно в том месте, где он сидел, послышался тихий шорох осторожно передвигаемых камней. Дело-в-шляпе что есть силы завилял

хвостом и, если можно так выразиться, залаял про себя: умное животное понимало, что шуметь здесь нельзя. Внезапно у него над головой кто-то вытащил из стены один камень, и на этом месте образовалась довольно большая дыра.

Дело-в-шляпе одним прыжком вскочил в нее и, помогая себе задними лапами, протиснулся внутрь.

— А, вот и господин Дело-в-шляпе, — произнес детский голос. — Как ваши дела, господин Дело-в-шляпе? Почему вы вчера не навестили своего хозяина? Были очень заняты? Прогуливались с Ониной? Ах, старина, ты бы все мне рассказал, если б умел говорить. Мне интересно…

Дрожа с головы до ног, Вероника опустилась у стены на колени. Неужели до нее доносился голос сына? Неужели Франсуа вернулся на остров и теперь прячется? Она попыталась заглянуть в дыру, но — безуспешно. Стена была толстой, к тому же лаз, в который она смотрела, оказался изогнутым. Но до чего же четко доносилось до нее каждое слово, каждая интонация!

— Интересно, — повторил ребенок, — почему Онорина не пришла и не освободила меня? Почему ты ее сюда не привел? А ведь это ты меня отыскал… А дед, должно быть, беспокоится, что

меня нет? Вот уж приключение так приключение! Но ты еще не изменил своего мнения, а, старина? Дело в шляпе, верно? Дела идут все лучше и лучше?

Вероника ничего не понимала. Ее сын — а она не сомневалась, что это он, — говорил так, будто не знал, что произошло. Забыл он все, что ли? Неужели его память не сохранила ни крупицы из того, что он совершил в приступе безумия?

«Да, в приступе безумия, — упрямо повторила про себя Вероника. — Да, тогда он был не в своем уме. Онорина не ошиблась: он был не в своем уме… А теперь рассудок вернулся к нему. Ах, Франсуа, Франсуа!»

Вероника, напряженная как струна, с трепещущим сердцем вслушивалась в слова, которые могли принести ей столько радости или отчаяния.

Над нею мог сгуститься еще более гнетущий, чем прежде, мрак, а могла взойти заря, осияв бесконечную ночь, в которую она была погружена вот уже пятнадцать лет.

— Ну конечно, — продолжил мальчик, — дело в шляпе, я с тобой согласен. Только знаешь, я был бы страшно рад, если бы ты мог доказать это мне по-настоящему. С одной стороны, ника-

ких вестей ни от деда, ни от Онорины, несмотря на то что я с твоей помощью давал им знать о себе, с другой — никаких вестей от Стефана, и это-то тревожит меня больше всего. Где он? Где его заперли? Не умирает ли он с голоду? Ну-ка, Дело-в-шляпе, отвечай: куда ты позавчера унес печенье?.. Да что с тобой? Почему у тебя такой озабоченный вид? Чего ты туда смотришь? Хочешь уйти? Нет? Тогда в чем же дело?

Мальчик замолк. Прошло несколько секунд, прежде чем он заговорил опять, но уже тише:

— Ты кого-то с собой привел? Там, за стеной, кто-то есть?

Пес глухо залаял. Затем последовало долгое молчание, — должно быть, Франсуа прислушивался.

Волнение Вероники стало столь сильным, что ей почудилось, будто Франсуа слышит, как бьется ее сердце.

Наконец мальчик шепнул:

— Это ты, Онорина?

Помолчав немного, он зашептал снова:

— Да, это ты, я знаю… Я слышу, как ты дышишь… Но почему ты не отвечаешь?

Больше сдерживаться Вероника не могла. Положение для нее чуть-чуть прояснилось, когда

она узнала, что Стефана, так же как и Франсуа, враги держат взаперти. Неприятные подозрения тут же улетучились. Да и могла ли она не ответить на зов этого голоса? Ее сын обращается к ней. Ее сын!

Запинаясь, Вероника пролепетала:

— Франсуа… Франсуа…

— О, кто-то ответил, — проговорил мальчик. — Я так и знал. Это ты, Онорина?

— Нет, Франсуа, — отозвалась Вероника.

— А кто же?

— Это подруга Онорины.

— Я вас знаю?

— Нет, но я — ваш друг.

Франсуа помолчал. Боялся?

— А почему Онорина не пришла вместе с вами?

Этого вопроса Вероника не ждала, но сразу же сообразила, что если пришедшие ей на ум догадки верны, то говорить мальчику правду еще рано.

Поэтому она ответила:

— Онорина вернулась из поездки, а потом снова уехала.

— Уехала меня искать?

— Ну да, ну да, — поспешно согласилась Ве-

роника. — Она решила, что вас увезли с Сарека силой и вашего учителя тоже.

— А что же дед?

— И он уехал, а следом за ним — все жители острова.

— А, это из-за гробов и крестов?

— Вот именно. Они решили, что ваше исчезновение означает начало катастрофы, и страх согнал их с места.

— А вы, сударыня?

— Я знакома с Онориной уже давно. Я приехала вместе с нею из Парижа, чтобы отдохнуть на Сареке. У меня нет причин уезжать отсюда. Все эти суеверия меня не пугают.

Мальчик снова умолк. Должно быть, заметил, что она отвечала не слишком правдоподобно и подробно, и насторожился. Через несколько секунд он чистосердечно признался:

— Послушайте, сударыня, я вам кое-что скажу. Меня уже десять дней держат в этом подземелье. Первые несколько дней я никого не видел и не слышал. Но начиная с позавчерашнего дня каждое утро в стене отворяется маленькое окошечко и женская рука передает мне воду и еду. Женская рука… Ну и я…

— Ну и вы задались вопросом: не я ли эта жен-

щина?

— Да, я обязан задать этот вопрос.

— Вы узна́ете руку этой женщины?

— Разумеется. Она тощая, сухая и желтая.

— А вот моя рука, — проговорила Вероника.

Она решила попытаться просунуть ее в лаз, которым воспользовался Дело-в-шляпе.

Женщина засучила рукав, и ее обнаженная рука легко прошла через отверстие.

— Нет, — в тот же миг ответил Франсуа, — это не та рука, что я видел. — И еле слышно добавил: — Какая она красивая!

Внезапно Вероника почувствовала, что мальчик схватил ее ладонь, и услышала крик:

— Не может быть! Не может быть!

Он повернул ладонь Вероники и разогнул пальцы, чтобы получше ее рассмотреть. Затем прошептал:

— Шрам… Он здесь… Белый…

Веронику охватило сильное беспокойство. Она вспомнила о дневнике Стефана Мару, который Франсуа явно читал. Там был описан этот ее шрам, сохранившийся от старого, довольно глубокого пореза.

Она почувствовала, как губы мальчика прижались к ее ладони — сперва нежно, потом поцелуй

стал горячим, на руку хлынули слезы, и он пролепетал:

— Мама… Мамочка… Милая моя мамочка!

Глава седьмая
Франсуа и Стефан

Долго мать и сын стояли на коленях у разделявшей их стены, но при этом они были так близки, словно каждый смотрел другому в растерянные глаза, осыпая родное лицо поцелуями.

Они говорили одновременно, невпопад задавая вопросы и так же невпопад отвечая. Они будто опьянели от радости. Их жизни сошлись и словно слились одна с другой. Никакая сила в мире не могла теперь разъединить их, разорвать узы нежности и доверия, которыми были спаяны мать и сын.

— Да, милый Дело-в-шляпе, — говорил Франсуа, — теперь можешь служить. Мы плачем, и ты устанешь первым, потому что слезы наши никак не могут иссякнуть, правда, мама?

Страшные сцены, совсем недавно поразившие Веронику, теперь начисто вылетели у нее из головы. Ее сын — преступник, зверски убивающий людей, — нет, она не могла с этим согласиться. Ее уже не устраивало его внезапное безумие в качестве оправдания. Так или иначе, но все должно

разъясниться, и она даже не спешила узнать, как именно. Все ее мысли занимал сын. Он был здесь. Она видела его сквозь стену. Их сердца бились рядом. Он не погиб и оказался мальчиком мягким, любящим, милым и чистым — таким, каким она видела его в своем воображении.

— Сынок, сынок, — снова и снова повторяла Вероника, не в силах насытиться этим чудным словом. — Неужели это и впрямь ты, сынок? Я считала, что ты мертв, тысячу раз мертв, мертвее самого мертвого. А ты жив! Ты здесь, я могу до тебя дотронуться! О боже, неужели это возможно? У меня есть сын… Он жив…

С такою же пылкостью мальчик отвечал:

— Мама, мамочка! Я так долго ждал тебя! Я знал, что ты жива, ведь так грустно, когда у тебя нет мамы. Так грустно видеть, как уходят годы, а ты все ждешь и ждешь.

Целый час говорили они о том, что произошло, — о прошлом и о настоящем, о множестве самых разных предметов, которые казались им необычайно важными, но о которых они тут же забывали, чтобы снова спрашивать, чтобы пытаться получше узнать друг друга, проникнуть в тайны жизни друг друга и поглубже заглянуть в родную душу.

Первым из них, кто решил сделать разговор более связным, оказался Франсуа.

— Послушай, мама, нам нужно столько друг другу сказать, что за сегодня мы все равно не успеем, для этого понадобится много дней. Давай-ка поговорим сейчас о самом важном, и коротко, потому что времени у нас, кажется, немного.

— Почему это? — забеспокоилась Вероника. — Я вовсе не собираюсь с тобой расставаться.

— Чтобы не расставаться, мама, нужно прежде соединиться. А для этого нам нужно преодолеть множество препятствий, не только эту стену. К тому же за мной усердно следят, и в любую минуту я буду вынужден попросить тебя удалиться — всякий раз, заслышав чьи-то шаги, я выгоняю отсюда даже собаку.

— Кто же за тобой следит?

— Те, кто набросился на Стефана и меня в тот день, когда мы обнаружили вход в эти пещеры, которые лежат под плоскогорьем, под Черными Песками.

— Ты их видел?

— Нет, это произошло в темноте.

— Но кто они? Кто наши враги?

— Не знаю.

— Уж не думаешь ли ты…

— Что это друиды? — со смехом подхватил мальчик. — Древние люди, о которых рассказывается в легендах? Нет, конечно. Духи? Тем более нет. Это были самые настоящие современные люди, отнюдь не бестелесные.

— Значит, они живут здесь?

— Возможно.

— И вы захватили их врасплох?

— Нет, как раз наоборот. Похоже, это они нас подстерегали. Мы спустились по каменной лестнице и прошли по очень длинному коридору, по сторонам которого было штук восемьдесят пещер или, вернее, темниц. Все двери в них были открыты, другой стороной они, наверное, выходят в море. А на обратном пути, когда мы в темноте поднимались по лестнице, нас вдруг схватили, скрутили веревками и завязали нам глаза и рот. На это хватило минуты. Я догадался, что нас отнесли в самый конец длинного коридора. Когда мне удалось освободиться от пут и повязки на лице, я увидел, что нахожусь в одной из этих темниц, вероятно самой последней. Я здесь уже десять дней.

— Бедняжка, как ты страдал!

— Ничуть, мама; во всяком случае, не от голода. В одном углу здесь лежала целая куча съестного,

в другом — солома, на которую я мог прилечь. Я стал тихо и мирно ждать.

— Кого?

— Ты не будешь смеяться, мама?

— Над чем, дорогой?

— Над тем, что я собираюсь тебе рассказать.

— Ну как ты мог подумать!

— В общем, я ждал одного человека, который слышал связанные с Сареком истории и обещал деду, что приедет сюда.

— Да кто же это, миленький?

Мальчик нерешительно ответил:

— Нет, ты все же будешь надо мной смеяться, мама. Потом скажу. Все равно он не пришел, хотя на какой-то миг я в это поверил. Представляешь? Мне как раз удалось вынуть из стены два камня и проделать таким образом эту дыру, о которой мои тюремщики, очевидно, не знают, и тут я услышал шум, как будто кто-то скребется…

— Это оказался Дело-в-шляпе?

— Это оказался господин Дело-в-шляпе, который прибежал другим путем. Сама понимаешь, как я был ему рад. Только меня удивило, что потом он никого сюда не привел — ни Онорину, ни деда. У меня не было карандаша и бумаги, поэтому написать им я не мог, но могли же они

пойти следом за собакой.

— Не могли, — возразила Вероника, — так как думали, что тебя увезли с Сарека. К тому же дед твой уехал.

— Вот именно. А почему они так решили? Ведь дед недавно нашел один документ и знал, где мы; он-то и сказал нам, где может быть вход в подземелье. Он тебе ничего об этом не говорил?

Счастливая Вероника слушала рассказ сына. Раз его похитили и держат взаперти, значит это не он то мерзкое чудовище, которое убило господина д'Эржемона, Мари Легоф, Онорину, Коррежу и их товарищей. Правда, которую она уже смутно угадывала, становилась яснее, и, хотя на ней было еще множество покровов, главная ее часть была уже видна. Франсуа ни в чем не виновен. Просто кто-то похитил его одежду и выдал себя за него, а кто-то другой сыграл роль Стефана. Какое ей дело до всего остального — до неправдоподобия, противоречий, доказательств и фактов! Вероника о них и не думала. В счет шла лишь невиновность ее любимого сына.

Поэтому ей не хотелось открывать ему ничего, что могло бы его опечалить и омрачить его радость. Она ответила:

— Нет, твоего деда я не видела. Онорина хотела

подготовить его перед моим приходом, но события стали разворачиваться так стремительно…

— И ты осталась на острове одна, мамочка? Значит, ты все же надеялась меня отыскать?

— Да, — секунду поколебавшись, произнесла Вероника.

— Ты была одна, но с тобой оказался и Дело-в-шляпе?

— Да. В первые дни я не обращала на него внимания и только сегодня утром решила пойти за ним следом.

— А где начинается коридор, по которому вы пришли сюда?

— Выход из этого подземелья спрятан между двумя камнями, неподалеку от сада Магеннока.

— Как! Значит, оба острова соединяются между собой?

— Да, коридор проходит в скале под мостом.

— Вот странно! До этого не додумались ни я, ни Стефан, ни кто другой, только замечательный Дело-в-шляпе сумел найти своего хозяина.

Мальчик вдруг замолк, а затем шепнул:

— Слышишь?

Через несколько секунд он заговорил снова:

— Нет, это не они. Но все равно нам нужно спешить.

— Что я должна сделать?

— Это несложно, мама. Когда я проделывал эту дыру, то увидел, что ее можно значительно расширить, если удастся вынуть несколько соседних камней. Но они держатся прочно, поэтому мне нужен какой-нибудь инструмент.

— Хорошо, я схожу…

— Вот-вот, мама, возвращайся в Монастырь. Слева от дома есть подвал, где Магеннок устроил что-то вроде мастерской и держит там садовые инструменты. Среди них есть кирка с короткой ручкой. Принеси мне ее к вечеру. Нынешней ночью я поработаю, а завтра утром смогу тебя обнять.

— Ах, если бы это было правдой!

— Уверяю тебя, так и будет. Нам останется лишь освободить Стефана.

— Твоего учителя? Ты знаешь, где он заперт?

— Более или менее. Дед нам объяснил, что это подземелье состоит из двух этажей, один над другим, а последняя келья каждого этажа переделана в тюремную камеру. Я занимаю одну из них. Значит, Стефан должен занимать другую, подо мной. Беспокоит меня только…

— Что же тебя беспокоит?

— Видишь ли, по мнению деда, когда-то эти две

камеры использовались как застенки для казней — «пыточные клети», по его выражению.

— Да что ты говоришь?! Какой ужас!

— Не пугайся, мама. Ты же видишь, никто и не думает меня пытать. Но на всякий случай, не зная, что они собираются делать со Стефаном, я через Дело-в-шляпе послал ему еду. Уж он-то должен был найти туда лазейку.

— Нет, — возразила Вероника, — Дело-в-шляпе тебя не понял.

— Откуда ты знаешь, мама?

— Он решил, что ты посылаешь еду в комнату Стефана Мару, и сложил все у него под кроватью.

— Но как же тогда Стефан? — с тревогой воскликнул мальчик и тут же добавил: — Вот видишь, мама, нужно торопиться, если мы хотим спасти Стефана и спастись сами.

— Чего ты опасаешься?

— Ничего, если мы будем действовать быстро.

— Но все же…

— Ничего, уверяю тебя. Я уверен, мы преодолеем все преграды.

— А вдруг появится что-нибудь еще, опасности, которых мы не можем предвидеть?

— Тогда, — рассмеявшись, ответил Франсуа, — здесь появится тот, кто должен был сюда прийти,

и защитит нас.

— Вот видишь, дорогой, ты сам признаешь, что помощь нам необходима.

— Да нет же, мама, просто я хочу тебя уверить, что ничего страшного не случится. Неужели ты считаешь, что сын, который наконец-то нашел свою мать, потеряет ее снова? Разве это возможно? В подлинной жизни такое может случиться, но мы-то с тобой живем сейчас в настоящем романе, а в романах все всегда как-то устраивается. Спроси у Дела-в-шляпе. Не правда ли, дружок, мы одержим победу и снова будем вместе и счастливы? Ты со мной согласен, Дело-в-шляпе? Тогда ступай, старина, проводи маму. А я заделаю пока дыру на случай, если сюда кто-то придет. Главное, не пытайся сюда проникнуть, если дыра будет закрыта, ладно, Дело-в-шляпе? Это опасно. Иди, мама, и, когда пойдешь обратно, постарайся не шуметь.

Путешествие оказалось недолгим. Вероника сразу нашла кирку. Через сорок минут женщина уже была на месте и ухитрилась просунуть инструмент в камеру к сыну.

— Пока никого не было, — сообщил Франсуа, — но они вот-вот могут прийти, так что будет лучше, если ты скроешься. У меня тут работы,

по-видимому, на целую ночь; к тому же мне, наверное, придется ее прерывать, если придут с обходом. Короче, жду тебя завтра к семи часам. Да, я тут подумал насчет Стефана. Недавно я слышал внизу шум — это подтверждает мою мысль, что он где-то подо мной. Отверстие, через которое в мою камеру попадает свет, слишком узкое, мне в него не пролезть. Скажи, там, где ты сейчас находишься, есть достаточно широкое окно?

— Нет, но его можно расширить, вынув несколько камней.

— Чудесно! В мастерской Магеннока есть бамбуковая лестница с железными крючьями на конце, завтра утром ты принесешь ее сюда, она легкая. Захвати также какой-нибудь еды и одеяла, их можно оставить в кустах у входа в подземелье.

— Зачем это, родной мой?

— Увидишь. У меня есть план. Прощай, мама, отдохни хорошенько и наберись сил. День нам предстоит тяжелый.

Вероника воспользовалась советом сына. На следующее утро, преисполненная надежды, она снова проделала путь до застенка. Дело-в-шляпе решил на этот раз проявить независимость и ее не сопровождал.

— Тише, мама, — шепнул Франсуа еле-еле, так что Вероника едва его услышала. — За мною наблюдают, мне кажется даже, что кто-то прохаживается по коридору. Впрочем, работу свою я почти закончил, камни скоро можно будет вынуть. Часа через два все будет готово. Ты принесла лестницу?

— Да.

— Тогда попробуй расширить окно — так мы сэкономим время. Я в самом деле боюсь за Стефана… Главное, не шуми.

Вероника отошла от стены.

Окно находилось всего в метре от пола, а камни в проеме, как она и предполагала, держались лишь за счет собственного веса и взаимного расположения. Она расширила отверстие, которое оказалось достаточным для того, чтобы свободно просунуть в него принесенную ею лестницу и зацепить ее крюками за подоконник.

Внизу, метрах в тридцати-сорока, шумело море — белое от пены, охраняемое сотнями сарекских рифов. Однако подножия утеса Вероника не увидела: прямо под окном был небольшой гранитный выступ, на котором, как оказалось, и стояла лестница — вместо того, чтобы висеть свободно.

«Это поможет Франсуа», — подумала Вероника.

Тем не менее предприятие казалось ей весьма опасным, и она заколебалась: может, будет лучше, если на риск пойдет она, а не сын. К тому же Франсуа мог и ошибиться, и камера Стефана была вовсе не здесь, а если и здесь, то проникнуть в нее снаружи не представлялось возможным. В таком случае они лишь потеряют много времени, а мальчик без нужды будет подвергать себя опасности.

В этот миг Вероника почувствовала такую потребность в самопожертвовании, такое желание выразить свою нежность к сыну в немедленном действии, что не раздумывая приняла решение, — так люди без колебаний принимают на себя долг, который нельзя не выполнить. Ничто не могло ее остановить: ни лестница, слишком сильно загнутые крюки которой не прилегали всей плоскостью к подоконнику, ни вид бездны, от которой у нее сразу закружилась голова. Нужно было действовать. И Вероника решилась.

Подколов юбку, она влезла на подоконник, встала на колени и нащупала ногою ступеньку. Дрожь сотрясала все ее тело. Сердце в груди стучало, словно колокол. И однако, она с безрассудной отвагой вцепилась в боковины лестницы

и начала спускаться.

Спуск оказался недолгим. В лестнице было двадцать ступенек, Вероника это знала. Она принялась их считать. На двадцатой она взглянула налево и с несказанной радостью прошептала:

— О, Франсуа! Милый мой мальчик!

Примерно в метре от себя Вероника увидела впадину, углубление, напоминавшее вход в пещеру, выдолбленную в скале.

Она позвала:

— Стефан! Стефан!

Однако голос ее прозвучал столь тихо, что, даже если Стефан Мару и был там, услышать ее он не мог.

Вероника помедлила, но ноги у нее уже начали подгибаться; у женщины не оставалось больше сил ни подняться наверх, ни продолжать цепляться за лестницу. Пользуясь неровностями скалы, она, рискуя сорваться, переставила немного лестницу и, каким-то чудом — она это понимала — ухватившись за выступавший из скалы кусок кремня, поставила ногу в пещеру. Затем, собрав все силы, она сделала отчаянный рывок, позволивший ей сохранить равновесие, и оказалась в пещере.

Обретя под ногами твердую почву, Вероника

сразу увидела лежавшего на соломе связанного человека.

Пещера была тесной и неглубокой, пол ее имел небольшой наклон, отчего издали вход в нее должен был выглядеть как простая неровность в скале. Край пещеры никак не был огражден. Свет беспрепятственно проникал внутрь.

Вероника подошла к лежащему. Человек не шевелился. Он спал.

Женщина наклонилась над ним, и хотя и не узнала его, все же ей показалось, будто из покрытого туманом прошлого, в котором постепенно растворяются образы детства, выплывает какое-то воспоминание. Этого человека она не знала, но его мягкие, правильные, несколько женственные черты лица и широкий бледный лоб напомнили Веронике прелестное личико одной ее подруги по монастырю, умершей еще перед войной.

Ловкими движениями она развязала веревку, которой были обмотаны кисти спящего.

Не просыпаясь, мужчина потянулся, словно был уже готов к этой привычной операции, отнюдь не обязательно вырывавшей его из объятий сна. Видимо, его время от времени развязывали, чтобы он мог поесть, причем делали это ночью,

так как он вдруг пробормотал:

— Уже?.. Но я не голоден. Еще светло.

Судя по всему, последнее наблюдение его удивило. Он приоткрыл глаза и тут же сел, разглядывая стоявшую перед ним женщину.

Особого удивления узник не выказывал, находясь, по-видимому, еще во власти сна. Решив, скорее всего, что это галлюцинация, он вполголоса пробормотал:

— Вероника… Вероника…

Немного смущаясь под взглядом Стефана, Вероника продолжала освобождать его от пут, и, ощутив на своих руках и ногах прикосновения пальцев молодой женщины, он вдруг осознал, насколько невероятно ее появление, и вскричал изменившимся голосом:

— Вы?! Вы?! Неужто это возможно? Ну скажите хоть слово, одно слово… Неужто это и в самом деле вы? — Затем, словно про себя, повторил: — Это она… Она самая… Здесь… — Внезапно придя в сильное волнение, Стефан продолжил: — Вы! А ночью… в те ночи… это не вы сюда приходили? Это была другая, да? Враг? Ах, простите, что я спрашиваю вас об этом. Я не могу понять… Как вы сюда попали?

— Вот отсюда, — указывая на море, ответила

Вероника.

— Но это же просто чудо! — воскликнул Стефан.

Вероника смущенно подтвердила:

— Да, отсюда. Мне показал Франсуа.

— О нем-то я и не спросил! — подхватил Стефан. — Раз вы появились здесь, я подумал, что он на свободе.

— Пока нет, — ответила она, — но через час будет.

Последовало долгое молчание, которое Вероника наконец прервала, чтобы скрыть свое беспокойство:

— Он будет свободен, вот увидите. Но не следует его пугать, кое-чего он не знает.

Молодая женщина заметила, что Стефан слушает не столько произносимые ею слова, сколько ее голос; этот голос вызывал в нем нечто вроде тихого восторга, потому что узник лишь молча улыбался ей. Она улыбнулась ему в ответ и задала вопрос, на который он не мог не ответить.

— Вы только что назвали меня по имени. Стало быть, вы меня знаете? Мне тоже кажется, что когда-то… Да, вы мне напоминаете одну подругу, которой уже нет в живых.

— Мадлену Ферран?

— Да, Мадлену Ферран.

— Должно быть, я немного напоминаю вам и брата вашей подруги, робкого мальчика, часто бывавшего в комнате для гостей в вашем монастыре и разглядывавшего вас издали.

— Верно, верно, — подтвердила Вероника. — И впрямь, что-то такое припоминаю… Мы даже несколько раз беседовали… Вы покраснели… Да, верно, вас ведь зовут Стефан… Но откуда эта фамилия — Мару?

— У нас с Мадленой были разные отцы.

— А, вот это-то и сбило меня с толку.

Вероника протянула ему руку:

— Вот что, Стефан: раз мы с вами старые друзья, а теперь познакомились заново, давайте отложим воспоминания на потом. Сейчас нужно как можно скорее бежать отсюда. У вас хватит сил?

— Сил? Да, хватит, меня тут особенно не мучили. Но как отсюда выбраться?

— Той же дорогой, которой я сюда пришла. Там висит лестница, по которой можно залезть в верхний коридор подземелья.

Стефан встал.

— Так вам хватило смелости… отваги? — проговорил он, поняв наконец, что она совершила.

— О, это было не так уж трудно, — успокоила Вероника. — Франсуа очень за вас тревожился. Он решил, что вы сидите в одном из древних застенков для пыток…

Можно было подумать, что эти слова вырвали Стефана из сна и он вдруг понял, что вести беседу при данных обстоятельствах — просто безумие.

— Уходите отсюда! Франсуа прав. Вы даже не представляете, какой опасности себя подвергаете! Прошу вас, прошу…

Стефан был вне себя, он словно страшно испугался неминуемой опасности, грозившей молодой женщине. Вероника попыталась его успокоить, но он продолжал умолять:

— Еще секунда — и вы можете погибнуть. Вам нельзя здесь оставаться. Я осужден на смерть, притом страшную смерть. Посмотрите, на чем мы стоим. Это похоже на пол… Да нет, ни к чему все это… Прошу вас, уходите.

— Вместе с вами, — отозвалась Вероника.

— Да, вместе со мной. Но вы должны идти первой.

Вероника твердо проговорила:

— Стефан, чтобы спастись, нам нужно прежде всего успокоиться. То, что я сделала, пробравшись сюда, мы сможем повторить, только если

будем рассчитывать каждое движение и сумеем справиться с волнением. Вы готовы?

— Готов, — ответил Стефан, ободренный ее уверенностью.

— Тогда следуйте за мной.

Вероника подошла к самому краю пропасти и наклонилась.

— Дайте мне руку, — попросила она, — так мне будет легче удержать равновесие.

Она повернулась и, прижавшись к скале, попыталась свободной рукой нащупать лестницу.

Это ей не удалось, и Вероника чуть откинулась назад.

Лестница сместилась. Когда по пути в пещеру Вероника резким движением оттолкнулась от нее, чтобы поставить ногу на пол, правый крюк, должно быть, соскочил с подоконника, и лестница, держась только на одном крюке, откачнулась, как маятник, вбок.

Ее нижние ступеньки находились теперь вне досягаемости.

Глава восьмая
Ужас

Не будь с Вероникой Стефана, у нее обязательно наступил бы один из тех приступов бессилия, которых при всем своем мужестве она не могла избежать, когда судьба обрушивала на нее удар за ударом. Но рядом с молодым человеком, который был, по мнению Вероники, слабее, чем она, и к тому же истощен днями заточения, она нашла в себе силы сдержаться и заявила, словно ничего страшного не случилось:

— Лестница отъехала в сторону, ее никак не достать.

Стефан ошеломленно уставился на нее:

— Но тогда… тогда мы пропали.

— Почему это мы пропали? — с улыбкой осведомилась Вероника.

— Нам отсюда не убежать.

— Как — не убежать? А Франсуа?

— Франсуа?

— Ну да. Самое большее через час он будет уже на свободе, увидит лестницу, поймет, где я, и окликнет нас. Мы обязательно его услышим.

Остается лишь набраться терпения.

— Набраться терпения? — с ужасом переспросил Стефан. — Ждать целый час? Да за это время *они* непременно придут сюда. *Они* ведь наблюдают за мной чуть ли не непрерывно.

— Ладно, тогда будем молчать.

Стефан указал на дверь, в которой было прорезано окошко.

– *Они* каждый раз открывают это окошко, — сказал он. — *Они* увидят нас через решетку.

— Но есть же ставень. Его можно закрыть.

— Тогда *они* войдут.

— Значит, не будем его закрывать и станем надеяться на лучшее, Стефан.

— Но я ведь боюсь за вас.

— Вы не должны бояться ни за меня, ни за себя. На худой конец, нам есть чем себя защитить, — добавила Вероника, показав ему револьвер, который она взяла из отцовской коллекции и с которым с тех пор не расставалась.

— Я боюсь, что нам даже не придется защищаться, — сказал Стефан. — У них есть иные средства.

— Какие же?

Ничего не ответив, он бросил на пол быстрый взгляд, и Вероника пристально посмотрела себе

под ноги.

Поскольку камера имела форму неправильного круга, пол тоже представлял собою гранитный круг, бугристый и неровный. Однако в этот круг был как бы вписан квадрат, отделенный со всех сторон глубокой канавкой и сделанный из старых, растрескавшихся, но вместе с тем массивных и прочных балок. Одна из сторон квадрата не доходила до наружного края пещеры на каких-то двадцать сантиметров.

— Люк? — вздрогнув, спросила Вероника.

— Нет, для люка он слишком тяжел, — ответил Стефан.

— Тогда что же?

— Не знаю. Наверное, остатки какого-то древнего устройства, которое давно не работает. Хотя…

— Что — хотя?

— Этой ночью, вернее, даже утром внизу был слышен какой-то треск. Видимо, устройство пытались пустить в действие, но тут же отказались от попыток, слишком уж много времени прошло. Нет, оно не работает, и *они* воспользоваться им не смогут.

— Кто *«они»*?

И, не дожидаясь, пока Стефан ответит, Вероника продолжила:

— Послушайте, Стефан, у нас есть еще немного времени, быть может, даже меньше, чем мы думаем. С минуты на минуту Франсуа окажется на свободе и придет нам на помощь. Давайте воспользуемся этой передышкой и расскажем друг другу все, что каждый из нас знает. Нам нужно спокойно объясниться. Непосредственная опасность нам пока не угрожает, и мы не потеряем время зря.

Вероника изображала спокойствие, которого вовсе не ощущала. В том, что Франсуа освободится, у нее сомнений не было, но кто может поручиться, что мальчик подойдет к окну и заметит крюк висящей лестницы? Не придет ли ему в голову, когда он не найдет матери, выйти по туннелю наружу и отправиться в Монастырь?

Однако же ей удалось взять себя в руки, и, чувствуя необходимость объясниться, о которой она только что сказала, Вероника уселась на выступ в гранитной скале, образовывавший нечто вроде сиденья, и принялась рассказывать Стефану обо всем, свидетельницей и одной из главных участниц чего она была, — начиная с поисков, приведших ее к заброшенной хижине, в которой находился труп Магеннока.

Стефан слушал ее жуткий рассказ не пере-

бивая, но был явно напуган — это выражалось в возмущенных жестах и отчаянии, написанном на лице молодого человека. Особенно его удручила смерть господина д'Эржемона и Онорины. Он был очень привязан к ним обоим.

— Вот и все, Стефан, что вам необходимо знать, — заключила Вероника, поведав об ужасе, который она испытала после убийства сестер Аршиньа, обнаружения подземелья и разговора с Франсуа. — И еще… я, да будет вам известно, скрыла все это от Франсуа, чтобы мы могли продолжить борьбу с врагом.

Стефан покачал головой.

— С каким врагом? — проговорил он. — Несмотря на ваши объяснения, я задаюсь тем же вопросом, что и вы. У меня создалось впечатление, что мы попали в гущу великой драмы, которая разыгрывается годы, даже столетия, причем попали в самый миг развязки, в тот час, когда начал происходить какой-то катаклизм, готовившийся целыми поколениями людей. Возможно, я ошибаюсь. Возможно, речь идет о целом ряде никак не связанных между собой страшных событий и нелепых совпадений, в центре которых мы крутимся и не можем объяснить их ничем иным, кроме как игрою случая. На самом

деле я знаю не больше вашего. Я блуждаю в таких же потемках, как и вы. Меня осаждают те же горести и печали, что и вас. Это какое-то безумие, какие-то необузданные судороги, необъяснимые ужимки, дикарские выходки, какое-то бешеное варварство.

Вероника подхватила:

— Вот именно, варварство. Это-то и сбивает меня с толку, это-то и поражает! Какая связь между прошлым и настоящим, между нашими нынешними преследователями и людьми, жившими когда-то в этих пещерах, людьми, чьи поступки каким-то непонятным образом отражаются и на нас? К чему относятся все эти легенды, которые, впрочем, мне известны лишь из бреда Онорины да бессвязных фраз сестер Аршиньа?

Молодые люди говорили тихо, все время чутко прислушиваясь. Стефан следил за шорохами в коридоре, Вероника смотрела на край скалы в надежде услышать оклик Франсуа.

— Замысловатые легенды, — начал Стефан, — неясные предания, в которых нечего и пытаться отделить правду от суеверий. Из этого вороха пересудов можно выделить лишь две главные темы — тему пророчества относительно тридцати гробов и тему клада, вернее, чудесного камня…

— Стало быть, — перебила Вероника, — эти несколько слов, что я читала на рисунке Магеннока и на Дольмене Фей, считаются пророчеством?

— Да, пророчеством, которое восходит неизвестно к какой эпохе и уже много веков определяет историю и жизнь Сарека. Во все времена жители острова верили, будто настанет день, после которого в течение года тридцать главных скал, окружающих остров и носящих название Тридцати Гробов, получат свои тридцать жертв, погибших насильственной смертью, и среди этих тридцати жертв будут четыре распятые на крестах женщины. Предание это неизменно, неоспоримо, передается от отца к сыну, и в него верят все. Оно содержится в двух строках стиха на Дольмене Фей:

ЧЕТЫРЕ ЖЕНЩИНЫ НА ЧЕТЫРЕХ КРЕСТАХ
И ТРИДЦАТЬ ТРУПОВ В ТРИДЦАТИ ГРОБАХ.

— Пусть так, но ведь жили же здесь люди, жили тихо и мирно. Почему страх обуял их именно в этом году?

— Во многом тут виноват Магеннок. Человек он был странный, даже таинственный, костоправ и колдун, лекарь и шарлатан, знал движение звезд, свойства планет, у него охотно спрашивали как о прошлом, даже далеком, так и о будущем.

И вот не столь давно Магеннок объявил, что тысяча девятьсот семнадцатый год окажется роковым.

— Почему?

— Предчувствие, интуиция, прорицание, подсознание — выбирайте, что вам больше по вкусу. Магеннок не брезговал пользоваться самыми древними видами магии, мог прорицать по полету птиц или внутренностям курицы. Однако это его пророчество имело под собою нечто более серьезное. Он утверждал, что в детстве слышал, как старики на Сареке говорили, будто в начале прошлого века первую строку надписи на Дольмене Фей еще можно было различить и будто она звучала так:

САРЕК УЗНАЕТ В ГОД ЧЕТЫРНАДЦАТЬ И ТРЕТИЙ.

Год четырнадцать и третий — это семнадцатый год, а несколько лет назад уверенность Магеннока и друзей в том, что они правы, окрепла из-за того, что именно в четырнадцатом году разразилась война. С тех пор Магеннок придавал этому прорицанию все большее значение, уверенность его в правоте своих догадок росла, а вместе с нею росло и беспокойство. К тому же он объявил, что его смерть, за которой последует смерть госпо-

дина д'Эржемона, послужит сигналом к началу катастрофы. Наконец настал семнадцатый год, вызвавший на Сареке подлинный ужас. События назревали…

— И все же… все же, — заметила Вероника, — это какая-то нелепость.

— Нелепость — верно, но стало особенно тревожно, когда Магеннок сумел сравнить отрывок пророчества, высеченного на Дольмене Фей, с его полным текстом!

— Значит, он его все же нашел?

— Да. В развалинах аббатства, среди камней, под которыми образовалась как бы полость, он обнаружил старый требник, потрепанный, рваный, однако несколько страниц в нем неплохо сохранились, особенно та, которую вы видели. Впрочем, нет, в заброшенной хижине вы видели ее копию.

— Которую сделал мой отец?

— Да, ваш отец — как и все, лежащие в шкафу у него в кабинете. Если вы помните, господин д'Эржемон любил рисовать, в том числе и акварелью. Он скопировал раскрашенную страницу, но из стихотворения, сопровождавшего рисунок, переписал лишь те строки, которые еще можно прочесть на Дольмене Фей.

— А чем вы объясните сходство между распятой женщиной и мною?

— Я ни разу не держал в руках оригинал, переданный Магенноком господину д'Эржемону. Ваш отец ревностно охранял его, держал в своей спальне. Но господин д'Эржемон утверждал, что такое сходство существует. Как бы то ни было, он невольно усиливал его на своих рисунках, вспоминая о том, что вам довелось перенести по его вине, — так он говорил.

— А может быть, — тихо добавила Вероника, — он вспомнил другое предсказание, сделанное когда-то Ворскому: «Ты погибнешь от руки друга, а жена твоя умрет на кресте». Наверное, такое совпадение поразило его, причем настолько, что сверху он написал мои девичьи инициалы: «В. д'Э.». — И уже совсем тихо она добавила: — И все произошло, как сказано в надписи.

Они замолчали. Да и как было им не задуматься об этих словах, написанных много веков назад на странице требника и камне дольмена! Разве рок не подарил уже тридцати сарекским гробам двадцать семь жертв и разве три другие жертвы уже не готовы для жертвоприношения — заточенные в темницах и отданные на волю врагов? И быть может, на вершине холма, подле Боль-

шого Дуба, рядом с тремя распятиями вскоре появится четвертое, для четвертой жертвы?

— Что-то Франсуа задерживается, — через несколько секунд заметила Вероника.

Она подошла к краю пещеры. Лестница висела на том же месте, по-прежнему недоступная.

Стефан отозвался:

— Скоро сюда должны прийти. Удивительно, что до сих пор никого нет.

Молодые люди не хотели признаваться друг другу в своей тревоге, поэтому Вероника спокойно проговорила:

— А что с кладом? Божьим Камнем?

— Эта загадка не менее темна и тоже основывается лишь на одном, последнем стихе надписи:

ТОТ БОЖИЙ КАМЕНЬ — ОН ДАРУЕТ ЖИЗНЬ ИЛЬ СМЕРТЬ.

Что такое этот Божий Камень? Предание утверждает, что он волшебный, и, по мнению господина д'Эржемона, это верование восходит к более отдаленным эпохам. На Сареке люди во все времена верили в существование камня, способного совершать чудеса. В Средние века сюда приводили детей со всякими недугами и заставляли сутками пролеживать над этим камнем, после чего те становились крепкими и здоровыми.

К этому же средству не без успеха прибегали и женщины, страдавшие бесплодием, и старики, и калеки, и разные уроды. Однако место паломничества менялось, так как камень, согласно той же легенде, перемещался, а по утверждениям некоторых, и вовсе исчез. В восемнадцатом веке таким местом был Дольмен Фей, на который иногда даже укладывали золотушных детей…

— Но у камня, — перебила Вероника, — должны быть и вредные свойства: он ведь дарует не только жизнь, но и смерть?

— Есть, если к нему прикоснуться без ведома тех, кому поручено его хранить и чтить. Но здесь все запутывается еще больше, поскольку в дело вступают слухи о каком-то драгоценном камне, о каком-то фантастическом украшении, которое может полыхнуть огнем, обжечь того, кто его носит, и подвергнуть его адским мукам.

— По словам Онорины, именно это и произошло с Магенноком, — заметила Вероника.

— Да, — ответил Стефан, — но тут мы уже вступаем в современность. До этих пор я рассказывал вам о прошлом из сказок, о двух легендах, о пророчестве и о Божьем Камне. Происшествие с Магенноком открывает современный период этой истории, который, впрочем, не менее темен,

чем древний. Что случилось с Магенноком? Этого мы никогда не узнаем. До того происшествия он уже с неделю держался особняком, был мрачен, ничего не делал, а потом однажды утром ворвался в кабинет господина д'Эржемона с ревом: «Я до него дотронулся! Я погиб! Я до него дотронулся! Я взял его в руку! Он жег меня, как огонь, но я не отпускал. Теперь он гложет мне кости. Это ад, ад!»

Он показал нам ладонь, которая была изуродована, словно ее разъедал рак. Мы хотели ему как-то помочь, но он совершенно обезумел и лишь бормотал: «Первая жертва — я. Огонь скоро дойдет до сердца. А после меня будут другие...»

В тот же вечер он отрубил себе кисть ударом топора. А через неделю, посеяв на Сареке страх, уехал.

— Куда же?

— На богомолье, к одной часовне близ Фауэта, это недалеко от места, где вы нашли его мертвым.

— Как вы думаете, кто его убил?

— Один из тех людей, что передают друг другу сообщения посредством условных знаков, помещаемых на дороге, один из тех людей, что

прячутся здесь в подземелье, преследуя неизвестную мне цель.

— Значит, это они напали на вас с Франсуа?

— Да, а потом, воспользовавшись снятой с нас одеждой, выдали себя за нас.

— Зачем им это понадобилось?

— Чтобы было проще проникнуть в Монастырь, а в случае неудачи сбить с толку преследователей.

— А сидя здесь, вы никого из них не видели?

— Я лишь мельком видел силуэт женщины. Она приходила ночью. Приносила еду и питье, развязывала руки, немного ослабляла путы на ногах, а часа через два возвращалась.

— Она с вами разговаривала?

— Один раз, в первую ночь, она тихо сказала, что если я стану кричать, звать на помощь или попытаюсь сбежать, то за это заплатит Франсуа.

— А когда они на вас напали, вам никого не удалось разглядеть?

— Нет. Франсуа — тоже.

— Ничто не предвещало возможного нападения?

— Ничто. В то утро господин д'Эржемон получил два важных письма, которые касались

изучаемых им легенд и фактов. В одном из них, написанном старым бретонским дворянином, известным своими роялистскими симпатиями, содержался занятный документ, найденный им в бумагах прадеда: план подземелий, в которых скрывались когда-то на Сареке шуаны[6]. По-видимому, это и были жилища друидов, упоминаемые в легенде. На плане был показан вход с Черных Песков и два этажа, каждый из которых заканчивался пыточной камерой. Мы с Франсуа отправились на разведку, а на обратном пути на нас напали.

— И вы больше ничего не обнаружили?

— Ничего.

— Но Франсуа говорил, что ждет откуда-то помощи, ждет какого-то человека, предложившего свое содействие.

— Да это сущее ребячество, выдумка Франсуа, толчком к которой послужило второе письмо, полученное в то утро господином д'Эржемоном.

— О чем же там шла речь?

Стефан помедлил с ответом. По неким признакам он решил, что из-за двери кто-то на них смотрит, однако, подойдя к глазку, никого в ко-

---

[6] Сноски: 6

Шуаны — контрреволюционные мятежники, действовавшие на северо-западе Франции в 1792–1803 гг.

ридоре не увидел.

— Если кто-то собирается нас спасти, — заметил он, — то пускай поспешит. *Они* могут прийти сюда в любую минуту.

— Стало быть, мы и в самом деле можем ждать помощи?

— О, не следует придавать этому большого значения, — ответил Стефан, — но дело это довольно занятное. Вам известно, что на Сарек неоднократно приезжали всякие офицеры и уполномоченные, которым поручалось изучить окрестности острова на предмет возможности размещения здесь баз для субмарин. Последним из них был специальный уполномоченный из Парижа, капитан Патрис Бельваль, инвалид войны. Он познакомился с господином д'Эржемоном, который рассказал ему сарекскую легенду и поведал об опасениях, начавших нас тревожить. Это случилось на следующий день после отъезда Магеннока. Рассказ господина д'Эржемона так заинтересовал капитана Бельваля, что он пообещал поговорить об этом с одним из своих парижских друзей, то ли испанским, то ли португальским дворянином — доном Луисом Перенной, человеком, по всей видимости, необыкновенным, способным распутать самую сложную загадку

и довести до победного конца самое безрассудное предприятие.

Через несколько дней после того, как капитан Бельваль уехал, господин д'Эржемон и получил от дона Луиса Перенны письмо, о котором я уже говорил. Но к сожалению, он прочитал нам лишь его начало:

Сударь, я считаю происшествие с Магенноком весьма серьезным и прошу Вас в случае новой, пусть даже незначительной тревоги телеграфировать Патрису Бельвалю. Если я правильно расцениваю некоторые признаки, Вы находитесь на краю пропасти. Вы даже можете упасть в нее, чего Вам бояться не следует, если я буду предупрежден вовремя. С этой минуты я отвечаю за все, что бы ни случилось, даже если Вам покажется, что все пропало, и даже если так оно и будет.

Что же касается загадки Божьего Камня, то она просто детская, и я весьма удивлен тому, что, имея столько данных, сколько Вы сообщили Бельвалю, Вы могли хоть на секунду счесть ее неразрешимой. Вот в нескольких словах объяснение загадки, которая озадачивала столько поколений…

— А дальше? — с жадным любопытством спросила Вероника.

— Как я уже сказал, господин д'Эржемон письмо нам не дочитал. Пробежав его глазами до конца, он с изумленным видом пробормотал: «Неужели? Ну да, ну да, все верно… Это поразительно!» На наши же вопросы он ответил: «Я все расскажу вам сегодня вечером, дети мои, после вашего возвращения с Черных Песков. Знайте только, что этот человек — а он действительно человек необыкновенный, иначе не скажешь, — без обиняков и дальнейших расспросов открыл мне секрет Божьего Камня и точное место, где он находится, причем сделал это столь логично, что никаких сомнений просто не может быть».

— А вечером?

— Вечером нас с Франсуа похитили, а господин д'Эржемон был убит.

Вероника задумалась.

— Кто знает, — проронила она через несколько секунд, — быть может, они хотели завладеть этим важным письмом? Мне кажется, похищение Божьего Камня — единственная причина, какой можно объяснить козни, жертвами которых мы стали.

— Я тоже так думаю, однако господин д'Эржемон по совету дона Луиса Перенны порвал письмо у нас на глазах.

— Выходит, что этого самого дона Луиса Перенну никто так и не предупредил?

— Да, никто.

— А между тем Франсуа…

— Франсуа не знает о гибели деда и поэтому уверен, что господин д'Эржемон, увидев, что мы с ним исчезли, сообщил об этом дону Луису Перенне и тот не заставит себя ждать. К тому же у Франсуа есть и другая причина ждать его вмешательства.

— Причина серьезная?

— Да нет, Франсуа ведь еще ребенок. Он читает массу приключенческих книг, и они развили его воображение. А капитан Бельваль нарассказал мальчику о своем друге Перенне столько фантастического и представил его в столь необычном свете, что Франсуа убежден в том, будто дон Луис Перенна не кто иной, как Арсен Люпен. Отсюда и незыблемая уверенность: в самый нужный момент без чудесного вмешательства не обойдется.

Вероника невольно улыбнулась и подумала: «Он и вправду еще ребенок, но детскую интуицию тоже не следует сбрасывать со счетов. И потом, это придает ему смелости и бодрости духа. Не будь у него этой надежды, разве мог бы он в свои годы вынести такое испытание?»

Ее снова обуял ужас, и она тихонько проговорила:

— Не важно, откуда придет избавление, только бы оно пришло вовремя и мой сын не стал жертвой этих чудовищ!

Последовало долгое молчание. Ощущение близости невидимого врага давило на молодых людей всей своей непомерной тяжестью. Враг находился повсюду, был хозяином острова, подземелий, хозяином равнин и лесов, моря вокруг, хозяином дольменов и гробов. Он связывал чудовищное прошлое с не менее чудовищным настоящим. Он продолжал историю с помощью древних обрядов и наносил удары, о которых было тысячу раз объявлено.

— Но почему? С какой целью? Что все это значит? — обескураженно вопрошала Вероника. — Какая связь между сегодняшними злодеями и древними друидами? Чем объяснить, что история повторяется и при этом используются все те же варварские средства?

За словами беседы, за всеми этими неразрешимыми проблемами скрывалась мысль, которая неотступно преследовала Веронику, и после недолгого молчания молодая женщина воскликнула:

— Ах, если бы Франсуа был здесь! Если бы мы могли защищаться втроем! Что же с ним случилось? Что задержало его в камере? Какое-то непредвиденное затруднение?

Теперь пришла очередь Стефана утешать свою собеседницу.

— Затруднение? Откуда такие мысли? Нет у него никаких затруднений, просто работа отняла больше времени, чем вы думали.

— Да-да, вы правы, работа у него долгая и трудная… О, я уверена, что он не пал духом! Он был в таком хорошем настроении! Так непоколебим! «Раз мать с сыном нашли друг друга, разлучить их никто не сможет, — сказал он мне. — Можно нас преследовать, но разлучить — никогда. В конечном счете мы одержим верх». Он был прав, не так ли, Стефан? Не для того же я обрела сына, чтобы вновь его потерять! Нет, это было бы слишком несправедливо, это невозможно!

Вероника вдруг замолкла, и Стефан посмотрел на нее с недоумением. Вероника прислушивалась.

— В чем дело? — осведомился Стефан.

— Я слышу какие-то звуки, — отозвалась она.

Молодой человек тоже навострил уши:

— Да, да, верно…

— Может быть, это Франсуа, которого мы так ждем? — предположила Вероника. — Разве это не наверху?

Она уже готова была встать, но Стефан удержал ее:

— Нет, это кто-то идет по коридору.

— Что же делать? Что делать?! — воскликнула Вероника.

Они растерянно смотрели друг на друга, не в состоянии на что-либо решиться, не зная, что предпринять.

Шаги приближались. Они звучали уверенно — шедшему человеку явно было нечего опасаться.

Стефан медленно проговорил:

— Нельзя, чтобы они увидели меня стоящим. Мне нужно лечь на свое место. А вы накиньте мне на руки и на ноги веревки.

Они мешкали, словно в нелепой надежде, что опасность минует сама по себе. Внезапно, сбросив с себя парализовавшее ее остолбенение, Вероника решилась:

— Скорее! Сюда. Ложитесь!

Стефан послушно улегся. За несколько секунд она обмотала ему руки и ноги веревками, чтобы все выглядело как раньше, но завязывать их не стала.

— Отвернитесь к стене, — посоветовала она, — и спрячьте руки, иначе они заметят.

— А вы?

— За меня не беспокойтесь.

Нагнувшись, она прильнула к двери, окошко в которой, забранное решеткой, несколько выступало внутрь, так что женщину в него видно не было.

В тот же миг неприятель остановился за дверью. Несмотря на ее толщину, до Вероники долетел шорох одежды.

Кто-то заглянул в темницу у нее над головой.

Страшная минута! Чуть что не так — и сразу поднимется тревога.

«Да что ж он там медлит! — думала Вероника. — Неужели я чем-то выдала свое присутствие? Может, он заметил край одежды?»

Но она тут же решила, что дело, видимо, в Стефане, чья поза могла показаться неестественной, а веревки — завязанными не как обычно.

Внезапно снаружи кто-то шевельнулся и послышался тихий свист, повторившийся дважды.

И сразу в коридоре послышались другие шаги: в торжественной тишине они звучали все громче, пока не смолкли у самых дверей. Послышался негромкий разговор. Люди за дверью о чем-то

совещались.

Очень медленно Вероника сунула руку в карман. Вытащив револьвер, она положила палец на спусковой крючок. Если они войдут, она вскочит и без колебаний откроет огонь. Ведь если она хоть чуть-чуть дрогнет, это может повлечь за собою гибель Франсуа.

Глава девятая
«Пыточная клеть»

Вероника могла рассчитывать на успех лишь при том условии, что дверь отворяется наружу и она сразу увидит неприятеля. Несчастная женщина стала осматривать дверь и вдруг внизу, вопреки всякой логике, увидела толстую, массивную задвижку. Может, воспользоваться ею?

Веронике некогда было раздумывать над преимуществами и недостатками этого намерения. Она услышала звон ключей и почти сразу скрежет одного из них в замке.

Вероника ясно представила себе, что может сейчас произойти, и испугалась. Враги войдут внутрь, а она, растерянная, не имея возможности как следует повернуться, прицелится плохо, и ее выстрелы не достигнут цели. Тогда *они* затворят дверь и не мешкая бросятся в камеру к Франсуа.

При этой мысли молодая женщина пришла в ужас и, недолго думая, одной рукой задвинула щеколду, а другой, привстав, захлопнула ставень на окошке. Щелкнула задвижка. Теперь в камеру нельзя было ни войти, ни даже заглянуть.

И сразу она поняла всю нелепость своего поступка, который никак не мешал врагам привести угрозу относительно Франсуа в исполнение. Подскочивший к ней Стефан воскликнул:

— Боже, что вы наделали? Они же видели, что я не сдвинулся с места, и теперь знают, что здесь есть еще кто-то.

— Вот именно, — принялась оправдываться Вероника. — Им придется сломать дверь, благодаря чему мы выиграем необходимое время.

— Необходимое для чего?

— Для бегства.

— Каким образом?

— Франсуа нас окликнет… Франсуа…

Она не договорила. Чьи-то быстрые шаги удалялись по коридору. Сомнений не было: враг, не опасаясь более насчет Стефана, побег которого казался ему невозможным, отправился на верхний этаж подземелья. А не мог ли он предположить, что друзья каким-то образом сговорились, что мальчик находится в камере Стефана и запер дверь?

Получалось, что Вероника ускорила ход событий именно в том направлении, которого по многим причинам так боялась, и теперь Франсуа застанут врасплох, когда он будет готов

к побегу.

Это сразило ее наповал.

— Зачем я пришла сюда? — шептала молодая женщина. — Гораздо проще было подождать! Вдвоем мы бы обязательно вас вызволили.

Среди беспорядочных мыслей промелькнула одна: не потому ли она поспешила на помощь Стефану, что знала о его любви к ней? Не презренное ли любопытство толкнуло ее на это? Но Вероника тут же отмела эту нелепую мысль и сказала:

— Нет, я должна была сюда прийти. Нас просто преследует рок.

— Не думайте так, — возразил Стефан, — все образуется.

— Слишком поздно! — покачав головой, уронила она.

— Почему? Кто может поручиться, что Франсуа еще не выбрался из своей темницы? Вы же сами совсем недавно так считали.

Вероника не ответила. Ее бледное лицо исказилось. Страдания научили ее ощущать приближение угрозы. А угроза была везде. Снова пришло время испытаний, еще более ужасных, чем предыдущие.

— Нас окружает смерть, — промолвила она.

Стефан сделал попытку улыбнуться:

— Вы говорите точно жительница Сарека. Вас преследуют те же страхи.

— У них были причины бояться. Да вы и сами чувствуете ужас всего происходящего.

Она бросилась к двери и, отодвинув щеколду, попыталась ее открыть, но что она могла поделать с массивной деревянной створкой, обитой железными полосами?

Стефан схватил ее за руку:

— Постойте-ка! Слышите?.. Кажется…

— Да, наверху кто-то стучит… Прямо над нами, в камере Франсуа.

— Да нет же, послушайте!

Через несколько секунд в наступившей тишине в толще скалы снова послышались удары. Но раздавались они *под* ними.

— Такие же звуки я слышал сегодня утром, — в смятении сказал Стефан. — Они продолжают заниматься все тем же, я говорил… А, я понял!

— Что поняли? О чем это вы?

Удары повторялись через равные промежутки времени, а затем стихли, но зато послышался глухой непрерывный звук, сопровождавшийся скрежетом и потрескиваниями. Похожий звук издают механизмы, когда они только трогаются

с места, — к примеру, лебедки, служащие на кораблях для подъема из воды шлюпок.

Вероника прислушивалась, со страхом ожидая того, что должно было вот-вот произойти, пытаясь догадаться, ища хоть намека на объяснение в глазах Стефана, который стоял рядом и смотрел на нее, как смотрят в миг опасности на любимую женщину.

Внезапно Вероника покачнулась и оперлась рукой о стену. Ей показалось, будто пещера, даже вся скала пришла в движение.

— Ах, неужели я так дрожу? — прошептала она. — Неужели я вся дрожу от ужаса? — Схватив Стефана за руки, она потребовала: — Отвечайте! Я хочу знать.

Он молчал. В его повлажневших от слез глазах были лишь громадная любовь и безграничное отчаяние. Он думал только о ней.

Да и разве была необходимость объяснять происходящее, когда оно само, по мере того как текли секунды, открывалось перед ними? Оно было столь странно, столь далеко от обыденного, до такой степени выходило за пределы всего ужасного, что только можно было вообразить, что Вероника, уже начавшая понимать, в чем дело, отказывалась в это поверить.

Словно открывающийся наружу люк, квадратная плита, сделанная из толстенных брусьев и занимавшая почти всю пещеру, начала с одного конца подниматься, поворачиваясь вокруг неподвижной оси, расположенной вдоль наружного края пещеры, у самой пропасти. Почти неощутимое движение плиты походило на движение поднимающейся крышки; она уже приняла вид трамплина, с наклоном к краю пещеры — наклоном пока незначительным, пока не мешавшим сохранять равновесие.

В первую секунду Вероника подумала, что враги намереваются раздавить их между этим неумолимо поднимающимся полом и сводом пещеры. Но почти сразу она поняла: жуткая машина, действовавшая на манер подъемного моста, должна была в результате столкнуть их в бездну. И механизм, несомненно, не подведет. Их конец был неотвратим, неизбежен. Что бы они ни пытались предпринять, как бы ни старались скрючиться, все равно должен наступить миг, когда своеобразный подъемный мост займет вертикальное положение и его поверхность станет частью отвесной скалы.

— Это ужасно… Ужасно… — прошептала Вероника.

Молодые люди все еще держались за руки. Стефан молча плакал.

Она простонала:

— Мы ничего не можем сделать, да?

— Ничего, — отозвался он.

— Но по бокам плиты есть немного места, пещера ведь круглая. Мы могли бы…

— Места слишком мало. Если встать между одним из краев плиты и стеной, тебя раздавит. Все рассчитано. Я часто об этом размышлял.

— Как же нам быть?

— Остается ждать.

— Кого? Кого ждать?

— Франсуа.

— О, Франсуа… — со сдавленным рыданием произнесла Вероника. — Он, может быть, уже погиб. Или пошел нас разыскивать и угодил в какую-нибудь ловушку. Как бы то ни было, я его больше не увижу. И он ничего не узнает. И даже не взглянет на мать перед смертью. — Она с силой сжала руки молодого человека и проговорила: — Стефан, если одному из нас удастся избежать смерти, а я надеюсь, что это будете вы…

— Это будете вы! — убежденно ответил он. — Меня даже удивляет, что враги казнят вас вместе со мной. Хотя они, разумеется, не знают, что вы

здесь…

— Это удивляет и меня, — заметила Вероника. — Мне ведь уготована иная смерть… Но какая мне разница, если я больше не увижу сына! Стефан, я поручаю его вам, хорошо? Я знаю, сколько вы для него сделали…

Плита медленно продолжала подниматься, иногда сотрясаясь и дергаясь. Наклон увеличивался. Еще несколько минут, и они уже не смогут разговаривать спокойно, без помех.

Стефан ответил:

— Если я останусь в живых, клянусь вам довести свое дело до конца. Клянусь вам в память…

— В память обо мне, — отчеканила Вероника, — в память о Веронике, которую вы знали… и любили.

Он бросил на нее горящий взгляд:

— Так вы знаете?

— Откровенно говоря, знаю. Я прочла ваш дневник. Я знаю о вашей любви… и принимаю ее. — И Вероника печально улыбнулась. — Несчастная любовь: вы предложили ее той, кого не было рядом с вами, а теперь предлагаете той, которая скоро погибнет.

— Нет-нет, — страстно возразил Стефан, — не говорите так! Спасение, возможно, уже близко.

Я чувствую, моя любовь принадлежит не прошлому, а будущему!

Он склонился над ее рукой.

— Поцелуйте меня, — попросила Вероника, приблизив к нему лицо.

Каждый из влюбленных вынужден был встать одной ногой на самый край пропасти, на узкую полоску гранита, шедшую вдоль четвертой стороны плиты.

Они медленно поцеловались.

— Держите меня крепче, — попросила Вероника.

Отклонившись как можно дальше, она подняла голову и позвала:

— Франсуа! Франсуа!

Однако у окна наверху никого не было. Лестница все так же покачивалась на одном крюке, вне досягаемости.

Вероника наклонилась вниз. В этом месте выступ скалы был у́же, и среди покрытых пеною рифов она увидела озерцо тихой, спокойной воды — такое глубокое, что дна было не видно. Ей подумалось, что в нем умереть приятнее, чем на остроконечных рифах, и, почувствовав внезапное желание покончить со всем этим и не продлевать агонию, она сказала Стефану:

— Зачем дожидаться конца? Лучше умереть, чем терпеть эту муку.

— Нет! Нет! — вскричал тот, негодуя при мысли, что Вероника может погибнуть.

— Значит, вы надеетесь?

— И буду надеяться до последней секунды, ведь речь идет о вас!

— А я больше не надеюсь, — шепнула она.

Стефан тоже ни на что больше не надеялся, но как же ему хотелось прогнать отчаяние Вероники и взять всю тяжесть испытания на себя!

Пол продолжал подниматься кверху. Дрожать он перестал; наклон плиты все увеличивался, и верхний ее конец уже дошел до окошка, прорезанного в двери на середине высоты. Вдруг она резко дернулась, словно перестала за что-то цепляться, и все окно оказалось за ней. Стоять на плите было уже невозможно.

Молодые люди вытянулись вдоль нее, упираясь ногами в узкую полоску гранита.

Плиту дважды тряхнуло, и оба раза ее верхний край довольно значительно продвинулся вперед. Он уже дошел до потолка в дальнем конце пещеры и теперь потихоньку скользил вдоль свода к наружному проему. Было ясно видно, что плита точно пригнана к выходу из пещеры

и через некоторое время закроет его наглухо, на манер подъемного моста. Отверстие в скале было вырублено таким образом, чтобы плита выполнила свою мрачную миссию, не оставив ни пяди свободного места.

Молодые люди молчали. Они держались за руки, покорясь своей участи. Их гибель становилась событием, как бы предопределенным судьбой. Машина, созданная давным-давно, была, по-видимому, позже отремонтирована, приведена в готовность и на протяжении веков, управляемая невидимыми палачами, несла гибель приговоренным к смерти — преступникам, невиновным, жителям Арморики[7], Галлии, Франции или иноземцам. Военнопленные, приносимые в жертву монахи, преследуемые крестьяне, шуаны, республиканцы, революционные солдаты — всех, одного за другим, это чудовище сбрасывало в бездну.

Теперь настал их черед.

Они не испытывали даже того горького облегчения, какое человек находит в гневе или ненависти. Кого им ненавидеть? Они умирали в густых потемках, и лица их врагов были неразличимы.

---

[7] Сноски: 7

Арморика — древнее название Бретани.

Они умирали, чтобы завершилось неведомое дело, умирали, чтобы сбылись нелепые пророчества, исполнилась чья-то воля — вздорная, словно приказы, отдаваемые варварскими божествами через своих фанатичных жрецов. Неслыханное дело: они были жертвами какого-то искупления, какого-то зверского приношения кровожадным божкам!

Стена у них за спиной неуклонно выпрямлялась. Еще несколько минут, и она примет вертикальное положение. Развязка была близка.

Уже не раз пришлось Стефану силой удерживать Веронику. Неимоверный ужас помутил рассудок молодой женщины. Ей страстно хотелось броситься вниз.

— Прошу вас, — лепетала она, — пустите… Я больше не могу…

С нею не было сына, иначе она владела бы собою до конца. Мысли о нем приводили ее в смятение. Он, верно, тоже попал в руки врагов, которые будут его терзать и в конце концов, так же как мать, бросят на алтарь своих мерзких богов.

— Нет-нет, он придет, — убеждал ее Стефан. — Вы будете спасены. Мне так этого хочется. Я уверен в этом.

Вероника же бессвязно бормотала в ответ:

— Он, как и мы, в плену… Его жгут факелами… пронзают стрелами… Они терзают его плоть… Ах, бедняжка!

— Он придет, друг мой. Он же сам сказал вам, что ничто не в силах разлучить обретших друг друга мать с сыном.

— Мы обретем друг друга в смерти, только смерть воссоединит нас. И пусть это случится поскорее! Я не хочу, чтобы он мучился…

Вероника вырвала свои руки из рук Стефана и уже готова была броситься вниз — как вдруг откинулась спиною к плите, в один голос со Стефаном вскрикнув от изумления.

Перед их лицами промелькнул какой-то предмет и скрылся из виду. Появился он слева.

— Лестница… Это лестница, правда? — прошептал Стефан.

— Да, это Франсуа! — задыхаясь от радости и надежды, отозвалась Вероника. — Он на свободе. Он сейчас нас выручит.

Плита стояла уже почти вертикально. Неумолимо надвигаясь, она подрагивала у них за спиной. Пещеры за ними не было. Они находились уже почти в безраздельной власти бездны, едва держась на узком карнизе.

Вероника снова взглянула на лестницу. Та качнулась назад и остановилась, повиснув на обоих крюках.

Наверху в окне виднелось детское лицо, мальчик улыбался и махал рукой:

— Мама, мама, скорее!

Голос его звучал горячо и настойчиво. Вероника простонала:

— Ах, это ты, родной мой!

— Скорее, мама, я держу лестницу. Скорее! Тебе ничто не грозит!

— Иду, мой милый. Вот так…

Вероника схватилась рукой за ближайшую к ней боковину лестницы. На этот раз с помощью Стефана ей довольно легко удалось встать на нижнюю ступеньку. Она крикнула молодому человеку:

—

А вы, Стефан? Вы ведь последуете за мной, да?

— Я успею, — ответил он. — Поспешите.

— Нет, обещайте мне…

— Клянусь вам, только скорее!

Она поднялась на четыре ступеньки, остановилась и снова спросила:

— Вы идете, Стефан?

Молодой человек уже повернулся лицом к ска-

ле и просунул левую руку в узкую щель между плитой и утесом. Правой он держался за лестницу и мог свободно поставить ногу на нижнюю ступеньку. Он тоже был спасен.

С каким ликованием Вероника карабкалась наверх! Какое дело было ей до того, что у нее под ногами открывалась бездна, — ведь сын ее тут, он ее ждет, она сможет наконец прижать его к груди!

— Иду, иду, — бормотала она. — Я здесь, мой милый.

Вероника проворно просунула голову и плечи в окно. Мальчик потянул ее к себе. Она перешагнула через подоконник. Наконец-то она рядом с сыном! Они бросились в объятия друг к другу.

— Мама!.. Неужели это ты, мама?..

Но едва Вероника заключила мальчика в объятия, как тут же слегка попятилась. Почему? Она не знала. Непонятное смущение остудило ее пыл.

— Иди, иди же сюда! — воскликнула она, подводя его поближе к окну. — Иди сюда, дай я на тебя посмотрю.

Мальчик не сопротивлялся. Несколько секунд Вероника вглядывалась в него, а потом вдруг испуганно отпрянула и воскликнула:

— Так это ты? Ты — убийца?!

О ужас! Она узнала лицо чудовища, у нее на глазах убившего отца и Онорину!

— Стало быть, узнала? — насмешливо осведомился мальчик.

Даже по его тону Вероника поняла свою ошибку. Это был не Франсуа, а тот, другой, кто сыграл свою адскую роль, переодевшись в обычное платье Франсуа.

Мальчик снова ухмыльнулся:

— А ты, я смотрю, сударыня, уже начала понимать, что к чему. Никак ты меня узнала?

Ненавистное лицо исказила гримаса, оно сделалось злобным, жестоким, буквально источавшим подлость.

— Ворский! Ворский! — пролепетала Вероника. — Я узнаю в тебе Ворского!

Он расхохотался:

— А почему бы и нет? Думаешь, я по твоему примеру тоже отрекусь от папочки?

— Ты — сын Ворского? Его сын? — растерянно повторяла Вероника.

— Да господи, конечно! А почему нет? Почему такой добрый малый не может иметь двоих сыновей? Сначала появился я, потом Франсуа.

— Сын Ворского! — еще раз повторила Веро-

ника.

— И малый не промах, уверяю тебя, сударынька, под стать своему папочке! И тоже воспитан на высоких принципах. Я их тебе уже продемонстрировал, а? Но это еще не все, мы ведь только начинаем. Хочешь новое доказательство? А ну-ка, глянь на этого простофилю-воспитателя! Посмотри, посмотри, что бывает, когда я берусь за дело!

Одним прыжком мальчик оказался у окна. Через секунду в нем появилась голова Стефана. Мерзавец схватил камень и изо всех сил ударил им беглеца.

Вероника, которая в первый момент не поняла, какая угроза нависла над Стефаном, несколько замешкалась и лишь потом, бросившись вперед, схватила парня за руку. Слишком поздно. Голова Стефана скрылась из виду. Крюки лестницы соскользнули с подоконника. Послышался шум, а вслед за ним, уже далеко внизу, всплеск.

Вероника подбежала к окну. В маленьком озерце тихой воды, окаймленном скалами, плавала лестница. Ничто не указывало на место, куда упал Стефан. Ни водоворота, ни даже ряби.

Вероника закричала:

— Стефан! Стефан!

Молчание. Тишь, когда ветер безмолвствует,

а море спит.

— Негодяй! Что ты наделал? — воскликнула Вероника.

— Не стоит плакать, дамочка, — отозвался тот. — Господин Стефан сделал из твоего сына недотепу. Тут смеяться надо, а не слезы лить. Ну что, поцелуемся? Хочешь, папочкина краля? Ах вот как, серчать изволите? Да тебя никак с души воротит?

Вытянув руки, парень приближался к Веронике. Молниеносным движением она направила на него револьвер:

— Убирайся! Убирайся, или я убью тебя, как бешеного пса! Убирайся!

Лицо парня сделалось еще более злобным. Он стал отступать, цедя сквозь зубы:

— Ну, красавица, ты мне за это заплатишь! Хорошенькое дело! Я хочу ее поцеловать, я полон нежных чувств, а она грозится меня застрелить!.. Ты заплатишь мне за это кровью, красной кровушкой, которая так славно течет… кровушкой… кровушкой…

Казалось, ему доставляет удовольствие это слово. Повторив его несколько раз, он опять злобно расхохотался и, бросившись вдоль туннеля, ведущего в Монастырь, прокричал:

— Кровушкой твоего сына, матушка Вероника, кровушкой твоего любимого Франсуа!

Глава десятая
Побег

Дрожа, не зная, как ей быть, Вероника стояла и прислушивалась к затихающим шагам. Что делать? Гибель Стефана на несколько мгновений отвлекла ее от мыслей о Франсуа, но теперь тревога охватила ее с новой силой. Что стало с сыном? Наверное, ей следует поспешить к нему в Монастырь и защитить от грозящих опасностей?

— Ну полно, полно, — пробормотала она, — я теряю голову. Нет, надо хорошенько подумать… Несколько часов назад Франсуа разговаривал со мной через стену тюрьмы. Это был он, Франсуа, ведь это он вчера держал меня за руку и покрывал ее поцелуями. Мать не может ошибиться, когда трепещет от нежности и любви. Но сегодня… сегодня утром… удалось ему выбраться из тюрьмы или нет? — Поразмыслив, Вероника медленно продолжила: — Да-да. Все именно так и было. Внизу нас со Стефаном застали врасплох. Поднялась тревога. Это чудовище — сын Ворского поспешил наверх, чтобы глаз не спускать

с Франсуа. Но, увидев, что камера пуста, и заметив проделанную дыру, он пробрался сюда. Да, все верно. Иначе как бы он попал сюда? Очутившись здесь, он сразу подбежал к окну, думая, что Франсуа скрылся этим путем. На подоконнике он заметил крюки лестницы. Затем наклонился, увидел меня, узнал и окликнул. А теперь… Теперь он спешит к Монастырю, где непременно встретит Франсуа.

Тем не менее Вероника не двигалась с места. Интуиция подсказывала ей, что опасность таится не в Монастыре, а здесь, в подземельях. Женщина засомневалась: а вдруг Франсуа не удалось убежать, вдруг он еще не закончил расширять дыру и тот, *другой*, застал его врасплох и оглушил?

Ужасные сомнения! Вероника поспешно нагнулась и, убедившись, что отверстие в стене достаточно велико, решила через него пролезть. Однако дыра, вполне подходящая по размерам для мальчика, оказалась ей тесна, и плечи женщины застряли. Но она и не думала сдаваться: порвав блузку и вся изрезавшись об острые камни, она, благодаря своему терпению, все же протиснулась в камеру.

Там никого не было. Но дверь, ведущая в противоположный коридор, стояла настежь, и Веро-

нике показалось — только показалось, так как в камере царил полумрак, — что кто-то проскользнул в эту дверь. Хотя она смутно различила лишь чей-то силуэт, Веронику не оставляла уверенность, что здесь, в камере, пряталась какая-то женщина, которую спугнуло ее неожиданное появление.

«Это их сообщница, — подумала Вероника. — Она поднялась сюда вместе с мальчишкой, убившим Стефана, а теперь наверняка забрала с собой Франсуа. Быть может, Франсуа еще где-то здесь, совсем рядом, а она за мною следит».

Между тем глаза Вероники уже несколько привыкли к полумраку, и она отчетливо различила на створке открывшейся внутрь двери женскую руку, которая тихонько тянула дверь к себе.

«Почему она не захлопнет ее? — недоумевала Вероника. — Ведь она явно хочет закрыть дверь».

Ответ на свой вопрос Вероника не увидела, а услышала: створка скрежетала о камешек, попавший между нею и полом. И тут камень выскочил и дверь затворилась. Недолго думая, Вероника подскочила к двери и потянула за массивную железную ручку. Хотя женская рука исчезла, дверь с той стороны держали. Там, види-

мо, тоже была ручка.

Вдруг послышался свист. Женщина звала на помощь. И почти сразу где-то чуть дальше по коридору раздался крик:

— Мама! Мама!

Как этот крик потряс душу Вероники! Сын, ее родной сын зовет на помощь, он еще в плену, но жив! Что за безмерная радость!

— Я здесь, милый!

— Скорее, мама! Они меня привязали! А свист — это их сигнал, сейчас они будут здесь!

— Я тут! Я еще успею тебя спасти!

В исходе борьбы Вероника не сомневалась. Ей казалось, что силы ее не имеют границ, что никто не сможет выстоять против ее отчаянного натиска. И верно, ее противница слабела, и дверь начала понемногу подаваться.

Дверь приоткрылась еще, и внезапно сопротивление прекратилось. Вероника выскочила наружу.

Женщина была уже в коридоре и тащила мальчика за веревку, заставляя его идти, несмотря на то что он был связан. Франсуа сопротивлялся, и незнакомка вскоре отказалась от своей затеи. Вероника встала перед нею с револьвером в руке.

Женщина отпустила мальчика и выпрямилась; на нее падал свет из открытых камер. Она была одета в белое шерстяное платье с короткими рукавами, перетянутое в поясе шнурком, лицо ее было еще молодым, однако увядшим, худым и морщинистым. В светло-русых волосах кое-где белела седина. Глаза сверкали яростной ненавистью.

Женщины молча смотрели одна на другую, словно враги, оценивающие друг друга перед схваткой. Вероника ликовала, на губах у нее появилась презрительная улыбка. Наконец она проговорила:

— Если вы хоть пальцем тронете моего сына, я вас убью. Уходите.

Женщина нисколько не испугалась. Казалось, она о чем-то размышляла, одновременно прислушиваясь, не идет ли помощь. Однако ничего не было слышно. В конце концов она опустила взгляд на Франсуа и сделала движение, словно собираясь снова завладеть своей добычей.

— Не прикасайтесь к нему! — яростно повторила Вероника. — Не прикасайтесь, или я буду стрелять!

Женщина пожала плечами и проговорила:

— Хватит грозить. Если бы я хотела убить тво-

его щенка, он был бы уже мертв. Но его час еще не пробил, и умереть он должен не от моей руки.

Вероника вздрогнула:

— А от чьей руки он должен умереть?

— От руки моего сына. Того, которого ты только что видела.

— Ваш сын — убийца! Чудовище!

— Это сын…

— Молчите! Ни слова больше! — властно остановила ее Вероника, поняв, что женщина — любовница Ворского, и опасаясь, как бы она не сказала чего-нибудь лишнего при Франсуа. — Молчите, вы не должны произносить это имя!

— Когда надо будет, его произнесут, — ответила женщина. — Ах, как я страдала из-за тебя, Вероника, но теперь пришел твой черед, и это только начало!

— Убирайся! — целясь в нее, воскликнула Вероника.

— Повторяю, хватит грозить.

— Убирайся, или я буду стрелять! Клянусь жизнью сына!

Несколько встревожившись, женщина попятилась, но ее тут же охватила новая волна ярости. Она бессильно взмахнула кулаками и хрипло, бессвязно забормотала:

— Я отомщу… Вот увидишь, Вероника… Крест, понимаешь?.. Крест уже готов… Ты — четвертая… Вот это будет месть!

Ее жилистые, узловатые кулачки замолотили по воздуху. Она все не унималась:

— Ах, как же я тебя ненавижу! Пятнадцать лет ненависти! Но крест отомстит за меня… Я сама — слышишь? — сама привяжу тебя к нему! Крест готов… Вот увидишь… Крест готов…

С этими словами она выпрямилась и под дулом револьвера медленно пошла прочь.

— Мама, ты ведь ее не убьешь, правда? — пролепетал Франсуа, который догадался, какая борьба разыгрывается в душе матери.

Вероника, точно очнувшись, ответила:

— Нет-нет, не бойся. Хотя, наверное, и нужно бы…

— О, прошу тебя, мамочка, оставь ее в покое и пойдем.

Она взяла сына на руки, прижала к себе и отнесла в камеру, словно он весил не больше грудного ребенка.

— Мама… Мамочка… — бормотал Франсуа.

— Да, милый, я твоя мама, и теперь уж у меня никто не сможет тебя отнять, клянусь.

Не обращая внимания на острые камни, Веро-

ника на этот раз быстро пролезла сквозь дыру, проделанную в стене Франсуа, втащила его за собой и только тогда освободила от пут.

— Здесь мы в безопасности, — сказала она, — во всяком случае пока. На нас могут напасть только из твоей камеры, а уж этот лаз я защитить сумею.

Мать с сыном крепко прижались друг к другу. Их губы и руки теперь не разделяла никакая преграда. Наконец-то они увидели друг друга, смогли заглянуть друг другу в глаза.

— Боже, как ты хорош собой, мой Франсуа! — воскликнула Вероника.

Она не находила в сыне никакого сходства с юным убийцей и удивлялась, как Онорина могла их спутать. Ее восхищали благородство, искренность и нежность, написанные на лице сына.

— А ты, мама? Я и представить не мог, что у меня такая красивая мать, — признался Франсуа. — Ты казалась другой даже во сне, когда ты являлась мне в виде феи. А ведь Стефан часто рассказывал мне…

Вероника перебила:

— Нам надо спешить, мой милый, и скрыться, чтобы они нас не обнаружили. Пора идти.

— Да, — согласился мальчик, — для нас теперь главное — уехать с Сарека. Я придумал план бегства, он обязательно удастся. Но погоди-ка: что стало со Стефаном? Я говорил, что слышал внизу, под моей камерой, шум, и боюсь…

Не отвечая на вопрос, Вероника потащила сына за руку.

— Мне нужно о многом тебе рассказать, сынок, о многих печальных событиях, ты должен о них знать. Но сейчас… Сейчас мы должны укрыться в Монастыре. Эта женщина пойдет за помощью, и *они* пустятся нам вдогонку.

— Когда она ворвалась ко мне в камеру и застала меня за тем, что я долбил стену, она была не одна. С ней был еще кто-то.

— Наверное, мальчик примерно твоего возраста?

— Я его не видел. Они с женщиной набросились на меня, связали и отнесли в коридор, потом женщина куда-то ушла, а он вернулся в камеру. Теперь он знает, что туннель ведет к Монастырю.

— Да, это ясно, но мы легко с ним справимся, а потом заделаем этот выход.

— Но остается мост, который связывает оба острова, — возразил Франсуа.

— Моста нет, — сообщила Вероника, — я его сожгла. Монастырь отрезан.

Они быстро шли вперед; Вероника поторапливала сына, несколько встревоженного ее словами.

— Да, верно, — повторял он, — я понимаю, что не знаю многого, что ты, мама, многое от меня скрывала, чтобы не пугать. Например, что сожгла мост. Ты облила его бензином, что был уже приготовлен по плану, придуманному Магенноком на случай опасности? Стало быть, *они* угрожали и тебе, *они* воюют и с тобой, да, мама? А еще слова, которые с такой ненавистью произносила эта женщина. А еще… Еще главное: что все-таки случилось со Стефаном? Они сейчас говорили о нем шепотом у меня в камере. Из-за всего этого я как на иголках. Да и лестницы, что ты принесла, я не видел…

— Прошу тебя, сынок, — потом, нам нельзя терять ни секунды. Эта женщина уже, наверно, позвала кого-нибудь. Они идут по нашим следам.

Вдруг мальчик остановился как вкопанный:

— Мама!

— Что такое? Ты что-то слышишь?

— Да, кто-то идет.

— Ты уверен?

— Кто-то идет нам навстречу.

— Ага, это возвращается из Монастыря убийца, — глухо отозвалась Вероника.

С этими словами, готовая на все, она нащупала в кармане револьвер. Затем толкнула Франсуа в тень, направо, в одно из ответвлений туннеля, скорее всего заваленное, которое она видела, когда шла из Монастыря.

— Сюда, сюда, — шепнула она. — Здесь он нас не заметит.

Шаги приближались.

— Стань глубже в тень и не двигайся, — приказала Вероника.

Мальчик прошептал:

— Что это у тебя, мама? Револьвер? Но ты не будешь стрелять?

— Наверное, нужно бы, — шепотом ответила она. — Это чудовище! Он похож на свою мать. Мне и ее нужно было… Мы еще можем пожалеть… — И Вероника добавила почти против воли: — Он убил твоего деда.

— Ах, мамочка! Мама…

Она поддержала мальчика, чтобы он не упал, и в темноте услышала, как сквозь сдавленные рыдания сын шепчет:

— Все равно… не стреляй, мама…

— Вот он! Тише, сынок! Вот он… Смотри…

Убийца был уже совсем рядом. Он шел медленно, немного сутулясь, и чутко прислушивался. Веронике показалось, что он в точности такого же роста, как ее сын. На сей раз, присмотревшись внимательнее, она уже не удивилась тому, что Онорина и господин д'Эржемон обманулись: между подростком и Франсуа впрямь было некоторое сходство, которое негодяй подчеркивал, нося на голове красный берет ее сына.

Враг прошел мимо и скрылся из виду.

— Ты его знаешь? — спросила Вероника.

— Нет, мама.

— Ты уверен, что никогда его не видел?

— Уверен.

— Это он набросился на тебя в камере вместе с женщиной?

— Думаю, он, мама. Он ударил меня по лицу — без причины и с какой злобой!

— Ничего не могу понять! — вздохнула Вероника. — Когда же мы избавимся от этого кошмара?

— Скорее, мама, путь свободен. Пошли.

Выйдя на свет, Вероника увидела, что сын очень бледен, и почувствовала в своей ладони его ледяную руку. Но между тем мальчик радост-

но улыбался.

Они снова двинулись в путь и вскоре, пройдя внутри скалы, соединявшей оба острова, и поднявшись по ступеням, оказались на поверхности, справа от сада Магеннока.

Вечерело.

— Мы спасены, — проговорила Вероника.

— Да, но лишь при условии, что они не смогут пройти тем же путем, — возразил Франсуа. — Его нужно завалить.

— Каким образом?

— Подожди, я сейчас сбегаю в Монастырь за инструментом.

— Нет, Франсуа, мы не должны расставаться!

— Тогда давай сходим вместе, мама.

— А если тем временем появятся враги? Нет, выход надо оборонять.

— В таком случае помоги мне, мама.

После беглого осмотра они убедились, что один из камней, нависших над входом в подземелье, врос в землю не слишком глубоко. Поэтому им не составило труда раскачать его и сбросить вниз. Глыба рухнула на ступени, но за нею следом посыпались земля и камни, так что проход сделался если и не непреодолимым, то во всяком случае трудным.

— Нам придется остаться здесь, — объявил Франсуа, — пока мы не сможем осуществить мой план. Не беспокойся, мама, мысль хороша, и мы уже недалеки от цели.

Однако для начала мать с сыном решили отдохнуть. Оба совершенно измучились.

— Ложись, мама, вот здесь. Тут под камнем ниша, а в ней мох. Ты будешь отдыхать, как королева, — в прохладе и уюте.

— Ах, милый, милый сынок, — шептала счастливая Вероника.

Настало время объясниться, и Вероника не мешкая приступила к делу. Печаль мальчика, узнавшего о гибели двух людей, которых он любил, и жителей острова, которых он знал, немного смягчалась радостью от встречи с матерью. Поэтому она говорила, ничего не тая, прижимала сына к груди, утирала его слезы и чувствовала, что смогла заменить ему всех, с кем он когда-то дружил и кого любил. Особенно потрясла мальчика гибель Стефана.

— Но ты уверена? — спрашивал он. — Ведь у нас нет доказательств, что он утонул. Стефан прекрасно плавает и, значит… Нет-нет, мамочка, не нужно отчаиваться, напротив… А вот и наш приятель, который всегда появляется в горькие

минуты и утверждает, что еще не все потеряно.

И действительно, к ним подбежал Дело-в-шляпе. Увидев своего хозяина, он, казалось, ничуть не удивился. Он вообще ничему особенно не удивлялся. События всегда шли для него своим чередом и не мешали его занятиям и привычкам. Достойными своего внимания он считал только слезы. А Вероника и Франсуа не плакали.

— Видишь, мама, Дело-в-шляпе со мной согласен, еще не все потеряно... Ну и нюх же у тебя, Дело-в-шляпе! А что бы ты сказал, если бы мы уехали с острова без тебя?

Вероника бросила взгляд на сына:

— Уехали с острова?

— Конечно, и чем раньше, тем лучше. В этом суть моего плана. Ну, что скажешь?

— Но как мы можем уехать?

— На лодке.

— Здесь есть лодка?

— Да, моя.

— Где она?

— Совсем недалеко, у мыса.

— К ней можно спуститься? Круча здесь отвесная.

— Она стоит у самого крутого места, его тут называют *потерной*. В свое время это название

очень заинтересовало нас со Стефаном. Потерна означает вход или выход. В конце концов нам удалось узнать, что в Средние века, когда еще тут жили монахи, островок, на котором стоит Монастырь, был окружен крепостной стеной. Из этого мы сделали вывод, что где-то должна быть потерна, через которую можно выйти к морю. И в самом деле, хорошенько поискав вместе с Магенноком, мы обнаружили на верхнем, ровном участке скалы нечто вроде разлома, ложбину, засыпанную песком, в которой кое-где торчали остатки стены, сложенной из песчаника. Там есть ход со ступеньками и окнами на море, ведущий в маленькую бухточку. В ней-то потерна и заканчивается. Мы привели ее в порядок, и у подножия скалы я держу свою лодку.

Лицо Вероники преобразилось.

— Выходит, на сей раз мы спасены!

— Несомненно.

— А наши враги не могут туда попасть?

— Каким образом?

— У них есть моторка.

— Раз они до сих пор там не появились, значит ничего не знают ни про бухту, ни про ход, которые с моря не видны и к тому же защищены тысячей острых рифов.

— Так что же нам мешает отправиться прямо сейчас?

— Ночь, мама. Я уже неплохой моряк, знаю все подходы к Сареку, но вовсе не уверен, что не наткнусь в темноте на какой-нибудь риф. Нет, следует подождать до завтра.

— Как долго!

— Потерпи несколько часов, мама. Мы же вместе! На рассвете сядем в лодку и пойдем вдоль скалы, в которой находятся подземелья. Подберем Стефана, который обязательно ждет нас где-нибудь на берегу, и отправимся вчетвером, — верно, Дело-в-шляпе? К полудню мы будем уже в Пон-л'Аббе. Вот и весь мой план.

Веронику буквально распирали радость и восхищение. Она поражалась хладнокровию сына.

— Замечательно, мой милый, ты совершенно прав. Решительно, судьба повернулась к нам лицом.

Вечер прошел без происшествий. Впрочем, услышав шорох в заваленном проходе и увидев пробивавшийся сквозь щель луч света, они решили быть начеку до самого отплытия. Но настроения это им не испортило.

— Я спокоен, — говорил Франсуа. — Стоило нам встретиться, как я почувствовал, что это

навсегда. Да ведь нам есть на что надеяться и в самом крайнем случае. Стефан тебе рассказывал, да? И ты, конечно, посмеялась над моей верой в спасителя, которого я в жизни не видел. Говорю тебе, мама: даже если я увижу занесенный надо мною кинжал, я все равно буду уверен — слышишь? — совершенно уверен, что найдется рука, которая его остановит.

— Увы! — вздохнула Вероника. — Эта ниспосланная Провидением рука не помешала случиться бедам, о которых я тебе рассказала.

— Но она отведет те, что угрожают моей матери, — убежденно отчеканил мальчик.

— Каким образом? Ведь нашего неведомого друга никто не предупредил.

— Все равно он придет. Он и без предупреждения знает, что опасность велика. Он придет. Обещай, мама: что бы ни случилось, ты будешь верить.

— Буду, мой милый, обещаю.

— И правильно сделаешь, — рассмеялся Франсуа, — ведь главный теперь — я. Еще вчера вечером я понял: чтобы все прошло удачно и чтобы моя мамочка не страдала от голода и холода, если нам не удастся выйти в море сегодня, нужно запастись едой и одеялами. Нынче ночью все это

нам и пригодится, потому что мы не можем уйти отсюда и переночевать в Монастыре. Ну-ка, где там у нас сверток?

Они поужинали весело и с хорошим аппетитом. Затем Франсуа устроил мать, накрыл ее хорошенько, и, прижавшись друг к другу, они уснули, счастливые и беззаботные.

Когда Вероника проснулась от утренней прохлады, небо уже пересекала светло-розовая полоска.

Франсуа спал мирным сном ребенка, который чувствует себя защищенным и которому не досаждают скверные сны. Вероника долго глядела на него и все никак не могла наглядеться; уже солнце поднялось над горизонтом, а она все смотрела.

— За работу, мама! — проговорил Франсуа, открыв глаза, которые Вероника поцеловала. — В подземелье тихо? Прекрасно. Значит, мы можем спокойно отправляться.

Собрав одеяла и еду, они поспешно зашагали к спуску в потерну, на самую оконечность острова. За нею виднелось хаотическое нагромождение скал, о которые шумно плескалось спокойное дальше море.

— Главное, чтобы лодка была на месте, — заме-

тила Вероника.

— Наклонись-ка чуть-чуть. Видишь? Вон она, подвешена в углублении в скале. С помощью блоков мы поставим ее на воду. Я все хорошо обдумал, моя дорогая. Бояться нечего… Вот только… только…

Мальчик умолк и задумался.

— В чем дело? Что случилось? — спросила Вероника. — Ну говори же…

Франсуа расхохотался:

— Да, для начальника экспедиции это, признаюсь, довольно стыдно. Представь себе: я не забыл ни о чем, кроме одного — весел. Они в Монастыре.

— Но это же ужасно! — вскричала Вероника.

— Почему? Я сбегаю. Через десять минут вернусь.

Вероникой вновь овладели все ее страхи.

— А вдруг *они* тем временем расчистят выход из туннеля?

— Да полно тебе, мама, — с улыбкой ответил мальчик, — ты же обещала мне, что будешь верить. Чтобы расчистить туннель, нужен по крайней мере час, мы бы их услышали. Ладно, хватит разговоров. Я скоро!

И он убежал.

— Франсуа! Франсуа!

Мальчик не отозвался.

«Ах, я ведь поклялась не оставлять его одного ни на секунду», — снова угнетенная мрачными предчувствиями, подумала Вероника.

Она потихоньку двинулась следом и остановилась на пригорке между Дольменом Фей и Цветущим Распятием. Отсюда ей был виден вход в туннель и сын, со всех ног летящий по лугу.

Сначала он зашел в подвал Монастыря. Но так как весел там, по-видимому, не оказалось, мальчик сразу вышел, направился к главному входу, открыл дверь и скрылся за нею.

«Ему вполне хватит минуты, — подумала Вероника. — Весла должны быть в прихожей, во всяком случае где-нибудь на первом этаже… Прибавим еще две минуты».

Наблюдая за выходом из туннеля, она считала секунды.

Однако прошло три, потом четыре минуты, но дверь не отворялась.

Уверенность Вероники в благополучном исходе развеялась как дым. Она подумала, что с ее стороны было безумием отпустить сына одного и что никогда не следует идти на поводу у ребенка. Не обращая больше внимания на туннель и на

возможную угрозу с этой стороны, она двинулась к Монастырю. У нее было страшное ощущение, какое бывает в снах: ноги будто парализованы, враг приближается и нападает, а ты не можешь сдвинуться с места.

Когда она добралась до дольмена, глазам ее внезапно предстало зрелище, смысл которого дошел до нее не сразу. Земля у подножия стоявших справа полукругом дубов была покрыта срезанными ветвями, причем срезанными недавно, так как листья еще не успели пожелтеть.

Вероника подняла глаза и в ужасе остолбенела.

Ветви были срезаны с одного из дубов. К толстенному столбу, оголенному метров на пять от земли, стрелою была пригвождена табличка с инициалами «В. д'Э.».

— Четвертый крест, — прошептала Вероника, — крест с моим именем…

Она подумала, что, раз отец ее мертв, инициалы нарисованы рукою одного из ее врагов, без сомнения главного, и под влиянием происшедших событий, вспомнив о женщине с сыном, которые ее преследовали, впервые, сама того не желая, мысленно представила ненавистное и такое знакомое лицо этого врага.

Но это была лишь мимолетная мысль, невероятное предположение, в котором она даже не дала себе отчета. Ее потрясло нечто более страшное. До нее внезапно дошло, что чудовища, обитавшие на песках и в подземельях, сообщники женщины с сыном, явились и сюда — ведь крест-то стоял! Видимо, им удалось навести временный мост на месте сожженного. Они завладели Монастырем. И Франсуа снова у них в руках!

Вероника встрепенулась и, собравшись с силами, устремилась через лужайку, усеянную руинами и подходившую прямо к дому.

— Франсуа!.. Франсуа!.. Франсуа!..

Она звала душераздирающим голосом. Громким криком она как бы сообщала о своем появлении. Наконец она добежала до Монастыря.

Одна из створок двери была приоткрыта. Вероника толкнула ее и ворвалась в прихожую с воплем:

— Франсуа! Франсуа!

Она взбежала по лестнице, принялась без разбора отворять двери, вбежала в комнату сына, потом к Стефану, потом к Онорине. Никого.

— Франсуа! Франсуа!.. Ты меня слышишь? Они тебя мучат, да? О Франсуа, прошу тебя…

Вероника вернулась на лестничную площадку.

Перед ней был кабинет господина д'Эржемона.

Она бросилась к двери и тут же отпрянула, пораженная адским зрелищем, которое увидела.

В комнате, скрестив руки на груди, стоял мужчина и, казалось, ждал кого-то. Это был тот самый человек, чей образ только что пронесся перед нею, когда она подумала о незнакомой женщине с сыном. Третье чудовище!

И ровным голосом, но с невыразимым ужасом она проговорила:

— Ворский!.. Ворский!..

Глава одиннадцатая
Бич божий

Ворский! Ворский! Отвратительный субъект, воспоминание о котором наполняло ее ужасом и стыдом, гнусный Ворский жив! Его убийство человеком, подосланным одним из его приятелей, погребение на кладбище в Фонтенбло — все это сказки, ложь! Истина одна: Ворский жив!

Из всех видений, какие могли бы прийти Веронике в голову, не было ни одного, которое сравнилось бы по ужасу с подобной картиной: Ворский стоит, скрестив руки и откинув голову. Живой! Живой!

Вероника все принимала с присущим ей мужеством, но этого принять не могла. Она чувствовала в себе силу противостоять и даже бросить вызов любому врагу, но только не этому. Ворский являл собою воплощение низости, неутоленной злобы, безграничной жестокости, методичности и безумия в совершаемых преступлениях.

И этот человек ее любил.

Вероника внезапно залилась краской. Ворский вперил взор в обнаженную плоть ее плеч и рук,

видневшуюся под разорванной блузкой; он смотрел на эту обнаженную плоть как на добычу, которую никто не сможет у него отобрать. Вероника стояла неподвижно. Прикрыться ей было нечем. Она лишь послала Ворскому такой взгляд, от которого он смутился и сразу же отвел глаза.

И тут же, поддавшись порыву, Вероника воскликнула:

— Где мой сын? Где Франсуа? Я желаю его видеть!

Мужчина ответил:

– *Наш* сын для меня священен, сударыня. Ему нечего бояться собственного отца.

— Я хочу его видеть.

Он поднял руку, словно присягая:

— Вы его увидите, клянусь вам.

— Наверное, мертвого? — глухо осведомилась Вероника.

— Живого — как мы с вами, сударыня.

Снова воцарилось молчание. По всей видимости, Ворский подбирал фразы и готовил речь, которой должна была начаться между ними беспощадная битва.

Ворский был мужчиной атлетического сложения, с могучим торсом, слегка кривыми ногами, мощной мускулистой шеей и непропорциональ-

но маленькой головой с гладко причесанными на прямой пробор белокурыми волосами. То, что когда-то делало Ворского воплощением грубой силы, не лишенной, впрочем, известного благородства, с возрастом превратило его в подобие тучного и вульгарного профессионального борца, хорохорящегося в ярмарочном балагане. Его тревожащее очарование, так нравившееся когда-то женщинам, пропало, и осталось лишь грубое жестокое лицо, которое он неумело пытался смягчить улыбкой.

Он опустил руки, пододвинул кресло и, склонившись перед Вероникой, сказал:

— Разговор, который нам предстоит, сударыня, будет долгим, а временами и мучительным. Не соблаговолите ли сесть?

Он подождал несколько секунд и, не получив ответа, невозмутимо продолжил:

— Здесь на столике есть чем подкрепиться — бисквит, немного старого вина или бокал шампанского, думаю, вам не повредят.

Он говорил с той преувеличенной учтивостью, какая присуща малоотесанным людям, которые хотят продемонстрировать, что им не чужды ухищрения образованности и что они посвящены во все тонкости вежливого обхождения, даже

по отношению к женщине, к которой право победителя позволяет им относиться не слишком галантно. В свое время именно эта черта помогла Веронике догадаться об истинном происхождении ее мужа.

Она молча пожала плечами.

— Ну что ж, — проговорил Ворский, — но в таком случае я тоже вынужден буду стоять — как и следует дворянину, претендующему на знание правил хорошего тона. Кроме того, благоволите меня извинить за столь непростительную небрежность в одежде. Концентрационные лагеря и пещеры Сарека никак не способствуют обновлению гардероба!

И верно, одет он был в старые латаные брюки и рваный жилет из красной шерсти. Поверх них он набросил нечто вроде белой полотняной мантии, перепоясанной шнурком. Странность этого нелепого и вычурного наряда подчеркивалась театральными позами Ворского и выражением показного пренебрежения на лице.

Довольный вступлением, он заложил руки за спину и принялся расхаживать взад и вперед с видом человека, которому некуда спешить и у которого есть возможность поразмыслить даже в таких серьезных обстоятельствах. Наконец он

остановился и неторопливо заговорил:

— Я полагаю, сударыня, что мы можем потратить несколько минут на то, чтобы вкратце припомнить нашу с вами совместную жизнь. Вы согласны? — Вероника не ответила, и Ворский с той же степенностью продолжил: — Когда вы меня полюбили…

Вероника не сдержала возмущенного жеста. Ворский не сдавался:

— Но Вероника…

— Я запрещаю! — с отвращением воскликнула молодая женщина. — Я запрещаю вам произносить это слово! Запрещаю!

Он улыбнулся и снисходительным тоном заметил:

— Не гневайтесь, сударыня, и позвольте мне продолжать. Когда вы меня полюбили, я был, следует признаться, бессердечным распутником, развратником, который отличался определенным лоском — ибо я во всем стремлюсь к совершенству, — но который не обладал ни одним из качеств, необходимых для вступления в брак. Однако я с легкостью приобрел бы их под вашим влиянием, потому что любил вас без памяти. В вас были так восхищавшие меня чистота, прелесть и наивность, каких я никогда не встречал

у других женщин. Чтобы меня преобразить, достаточно было чуточку терпения с вашей стороны, терпения и мягкости. К несчастью, сразу же после свадебных торжеств, где вы думали лишь о печали и злобе вашего отца, с первых же часов нашего брака между нами возник глубокий и непримиримый разлад. Вы против воли согласились выйти замуж за человека, который сам навязал вам себя. К мужу вы испытывали лишь ненависть и отвращение. А такого люди покроя Ворского не прощают. Многие, даже самые высокомерные женщины признавали мою чуткость, поэтому упрекнуть себя мне не в чем. Если вас, дочь мелких буржуа, что-то оскорбляло, тем хуже для вас. Такие, как Ворский, руководствуются только чутьем и страстью. Они вам не нравились? Дело ваше, сударыня. Я был свободен и начал строить жизнь заново. Вот только… — Он несколько секунд помолчал и закончил: — Вот только я вас любил. И когда год спустя события начали стремительно разворачиваться, когда из-за гибели сына вы ушли в монастырь, я остался один на один со своей любовью — жгучей, мучительной, неудовлетворенной. Что собою представляла моя жизнь, вам не трудно вообразить: оргии, бурные похождения, в которых я

тщетно надеялся вас забыть, внезапные вспышки надежды, ваши следы, по которым я бросался сломя голову, но в результате снова и снова впадал в уныние и одиночество. Однако же я отыскал ваших отца и сына. Узнал, что они скрываются здесь, и стал за ними наблюдать, шпионить — когда сам, когда с помощью преданных мне людей. Я рассчитывал таким образом добраться до вас — единственной цели моих усилий и высшего мотива всех моих действий… но тут была объявлена война. Через неделю, когда я пытался перейти границу, меня схватили и отправили в концентрационный лагерь.

Ворский замолк. Его жестокое лицо стало еще жестче, и он процедил:

— О, это был сущий ад! Ворский! Ворский! Сын короля среди всех этих завсегдатаев кафе и немецких жуликов! Ворский, пленный, опозоренный и всеми презираемый! Грязный и завшивленный Ворский! Господи, как я страдал!.. Но довольно об этом. То, что я сделал, дабы избежать смерти, я имел основания сделать. Пускай кто-то другой получил вместо меня удар кинжалом, пускай кто-то другой под моим именем похоронен где-то во Франции — я не сожалею об этом. Мне нужно было выбирать — он или я. Я выбрал. Меня за-

ставляла действовать даже не столько неуемная жажда жизни, сколько нечто для меня новое — нежданная заря, поднявшаяся в сумерках моего существования и ослепившая меня своим великолепием. Но это моя тайна. О ней мы поговорим позже, если захотите. А пока…

Слушая эти речи, произносимые с пафосом актера, наслаждающегося собственным красноречием и едва ли не рукоплещущего своим гладким фразам, Вероника сохраняла полную безучастность. Все эти лживые признания ее не трогали. Казалось, мысли ее витают где-то далеко.

Ворский подошел к ней и, чтобы завладеть ее вниманием, заговорил более вызывающе:

— Похоже, вы и не подозреваете, что слова мои крайне серьезны, сударыня. Они серьезны, а сейчас станут еще серьезнее. Но прежде чем перейти к самому страшному — я надеюсь даже, что до этого дело не дойдет, — я обращаюсь к вам не за примирением… оно между нами невозможно… я обращаюсь к вашему разуму, к вашему здравому смыслу. Ведь не можете же вы не понимать, в какое положение попали вместе с сыном.

Она его не слушала, Ворский был в этом совершенно уверен. Занятая, разумеется, мыслями

о сыне, Вероника не вникала в слова, не имевшие для нее ни малейшего смысла. Раздосадованный, плохо скрывая раздражение, он все же продолжил:

— Мое предложение несложно, и хотелось бы верить, что вы от него не откажетесь. Во имя Франсуа, а также в силу испытываемых мною чувств гуманности и сострадания я прошу вас связать свое настоящее с прошлым, которое я только что коротко обрисовал. С точки зрения общества соединявшие нас узы прерваны не были. В соответствии с буквой и духом закона вы до сих пор… — Он замолчал, несколько мгновений смотрел на Веронику, а затем, грубо схватив ее за плечо, вскричал: — Да слушай же меня, тварь! Слушай, когда с тобой разговаривает Ворский!

Потеряв равновесие, Вероника схватилась было за спинку кресла, но затем снова скрестила руки и выпрямилась, с презрением глядя в лицо противнику.

На сей раз Ворскому опять удалось совладать с собою. Он учинил эту выходку под влиянием импульса, против воли. Но голос его продолжал звучать злобно и повелительно:

— Повторяю, прошлое никуда не делось. Хотите вы этого, сударыня, или нет, но вы — жена

Ворского. Именно в силу этого неоспоримого факта я и попросил вас благоволить считать себя таковой и сегодня. Давайте условимся: я не требую от вас ни любви, ни даже дружбы, но не пойду на то, чтобы отношения наши оставались такими же враждебными, какими были до сих пор. Мне не нужна больше прежняя супруга, полная презрения и далекая. Мне нужна… нужна женщина — женщина покорная, которая будет преданной, внимательной, верной спутницей.

— Рабыня, — прошептала Вероника.

— Да, правильно, рабыня! — вскричал Ворский. — Я не боюсь произносить нужные слова, так же как не боюсь действовать. Рабыня! А почему бы и нет? Рабыня знает, в чем ее долг, и слепо повинуется. Связанная по рукам и ногам, *perinde ac cadaver*[8]. Вас устраивает такая роль? Согласны вы принадлежать мне душой и телом? Впрочем, на вашу душу мне наплевать. Я хочу… я хочу… да вы сами знаете, чего я хочу, не правда ли? Я — ваш муж? Да разве был я когда-нибудь вашим мужем? Я вспоминаю свою жизнь со всеми ее бурями и радостями и не нахожу ничего, кроме нашей с вами непримиримой вражды. Я смотрю

[8] Сноски: 8

Точно труп *(лат.)*. Выражение из устава ордена иезуитов, где оно было символом безусловного повиновения.

на вас и вижу чужую женщину, вы были чужой тогда и чужая теперь. Что ж, обстоятельства изменились, вы у меня в руках, и дальше так продолжаться не будет. Так не будет даже завтра, даже этой ночью, Вероника! Хозяин теперь я, и вам придется покориться неизбежному. Вы согласны? — Не дожидаясь ответа, Ворский еще громче воскликнул: — Согласны? Но никаких уверток и лживых обещаний. Согласны? Если да, становитесь на колени, осените себя крестным знамением и громко скажите: «Я согласна. Я буду покорной супругой. Я буду подчиняться всем вашим приказаниям и выполнять все ваши капризы. Моя жизнь больше в счет не идет. Хозяин — вы».

Вероника пожала плечами и ничего не ответила. Ворский топнул ногой. На лбу у него вздулись вены. Но он все еще сдерживался.

— Ладно. Я могу подождать. Однако последствия вашего отказа будут настолько серьезны, что я все же хочу сделать последнюю попытку. Не исключено ведь, в конце концов, что ваш отказ будет адресован горемыке, каковым я на первый взгляд и кажусь, а правда изменит ход ваших мыслей. Правда эта ярка и прекрасна. Как я уже говорил, нежданная заря поднялась

в сумерках моей жизни, и Ворский, сын короля, осиян ее лучами…

У Ворского была привычка говорить о себе в третьем лице, которую Вероника прекрасно знала и которая указывала на его невыносимое тщеславие. Внимательно вглядевшись, Вероника заметила у него в глазах особенный блеск, всегда появлявшийся в минуты возбуждения и вызванный, очевидно, алкоголизмом. Впрочем, она считала этот блеск и признаком некоторого душевного расстройства. Быть может, он страдал каким-то умопомешательством, которое с годами усугубилось?

Ворский снова заговорил, и на этот раз Вероника прислушалась.

— Когда началась война, я оставил здесь преданную мне особу, которая продолжила начатые мною наблюдения за вашим отцом. Случайно мы обнаружили под песками многочисленные пещеры и один из входов в них. В это-то надежное убежище я и удалился после своего побега и именно там, перехватив несколько писем, узнал, что ваш отец пытался разгадать тайну Сарека и уже сделал кое-какие открытия. Вам, разумеется, понятно, что после этого мое внимание к нему удвоилось. Тем более что, когда история

эта начала раскрываться передо мной, я стал находить в ней странные совпадения и явную связь с некоторыми подробностями своей жизни. Вскоре у меня не осталось никаких сомнений. Судьба послала меня сюда, чтобы исполнить миссию, которая могла удаться лишь мне… Более того, за эту миссию имел право взяться только я. Понимаете? Это было предначертано Ворскому много веков назад. Ворский был избранником судьбы. Имя Ворского было записано в Книге времен. Ворский имел для этого необходимые качества, средства, титулы. Я был готов. Немедля я принялся за дело, беспрекословно подчинившись велению судьбы. Никаких колебаний в пути: в конце его горел маяк. Итак, я двигался по заранее начертанному маршруту. Теперь Ворскому осталось лишь получить плату за его труды. Ворскому осталось лишь протянуть руку. И рука эта достанет богатство, славу, безграничную власть. Через несколько часов Ворский, сын короля, станет править миром. И он предлагает вам разделить с ним эту власть.

Напыщенный комедиант говорил все более и более выспренно.

Он наклонился к Веронике:

— Хотите стать королевой, императрицей и возвыситься над остальными женщинами вместе

с Ворским, который возвысится над остальными мужчинами? Хотите стать королевой благодаря золоту и могуществу — так же, как сейчас вы королева благодаря своей красоте? Рабыней Ворского, но повелительницей всех, над кем будет властвовать Ворский? Хотите? Поймите меня правильно: речь идет не о том, чтобы вы приняли только это решение, а о том, чтобы выбрать одно решение из двух. Запомните: у вашего отказа есть оборотная сторона. Или королевская власть, которую я вам предлагаю, или… — Ворский сделал паузу, а затем резко выкрикнул: — Или крест!

Вероника вздрогнула. Снова прозвучало это жуткое слово. Теперь она знала имя неведомого палача.

— Крест, — повторил он с улыбкой жестокого удовлетворения. — Выбирайте. С одной стороны — все радости и почести, какие только могут быть. С другой — жесточайшая из казней. Выбирайте. Посредине, между этими условиями дилеммы, нет ничего. Или одно, или другое. Заметьте, с моей стороны это не бессмысленная жестокость, я не кичусь своею властью. Нет, я всего лишь орудие. Приказ исходит свыше, от самой судьбы. Провидение велит, чтобы Вероника д'Эржемон умерла, и умерла на кресте.

Это бесповоротно. С судьбой не поспоришь. Не поспоришь, если ты не Ворский, если у тебя нет дерзновенности и хитрости Ворского. Если в лесу Фонтенбло Ворский сумел подменить себя мнимым Ворским и смог таким образом избежать воли рока, который давным-давно судил ему умереть от кинжала друга, то он, конечно, сумеет придумать уловку, благодаря которой свершится воля Провидения, но любимая им женщина останется при этом в живых. Однако она должна подчиниться. Своей невесте я предлагаю спасение, врагу — смерть. Кто же вы мне? Невеста или враг? Что вы избираете? Жизнь рядом со мною и все радости и почести, какие только существуют, или смерть?

— Смерть, — просто ответила Вероника.

Ворский сделал угрожающий жест:

— Это больше чем смерть. Это еще и мучения. Что вы избираете?

— Мучения.

Со злобой в голосе Ворский настаивал:

— Но вы же не одна! Подумайте хорошенько, у вас ведь есть сын. Вы погибнете, а вот он останется. Вы умрете и сделаете его сиротой. Более того, своей смертью вы завещаете его мне. Я отец. У меня на него все права. Так что же вы

избираете?

— Смерть, — опять повторила Вероника.

Ворский уже проявлял признаки ожесточенности.

— Вы хотите смерти. А если умрет и он? Если я приведу его, вашего Франсуа, сюда, у вас на глазах приставлю ему нож к горлу и в последний раз задам вам этот вопрос, что вы ответите тогда?

Вероника закрыла глаза. Никогда еще ее муки не доходили до такой остроты: Ворский правильно нащупал ее слабое место.

И тем не менее она прошептала:

— Я хочу умереть.

Теперь уже Ворский не смог удержать гнева. Не заботясь более об учтивости и галантности, он сразу перешел на оскорбления и закричал:

— Ах, мерзавка, до чего ж она меня ненавидит! Она согласна на что угодно, даже на смерть любимого сыночка, только бы не уступить! Мать, которая убивает родного сына! Да, вы готовы его убить, только бы не принадлежать мне. Вы отнимаете у него жизнь, не желая пожертвовать мне свою. Что за ненависть! Нет, это невозможно, в такую ненависть я не верю. Даже у ненависти есть предел. Нет, здесь что-то другое… Быть может, любовь? Нет, Вероника не любит. Тогда что же?

На что она рассчитывает? Может, на жалость, на слабость с моей стороны? В таком случае плохо вы меня знаете. Ворский разжалобился — вот еще! К тому же вы видели, как я действую. Разве я хоть раз проявил слабость, когда делал свое страшное дело? Разве Сарек не опустошен, как того требует пророчество? Разве лодки не потонули, а людей не поглотила пучина? Разве сестры Аршиньа не повисли на стволах старых дубов? Чтобы я — и проявил слабость? Послушайте, еще совсем ребенком я вот этими самыми руками душил собак и птиц, этими самыми руками заживо обдирал козлят и выщипывал курам перья на птичьем дворе. Жалость, говорите? А вы знаете, как называла меня мать? Аттила![9] Когда на эту великую ясновидящую нисходил мистический дух, она принималась предсказывать будущее по собственным ладоням или по картам Таро[10] и говорила: «Аттила Ворский, Бич Божий, ты будешь орудием Провидения. Ты будешь лезвием ножа, острием кинжала, пулей в ружье,

[9] Сноски: 9

Аттила (?–453) — предводитель племени гуннов, возглавлявший их опустошительные походы в Европу и прославившийся своей жестокостью. Получил прозвище Бич Божий.

[10] Сноски: 10

Таро — колода карт для гадания.

узлом на веревке. Бич Божий! Твое имя написано черным по белому в Книге времен. Оно сияет среди звезд, под которыми ты родился. Бич Божий!..» И вы надеетесь, что глаза мои увлажнятся слезами? Полноте! Разве палач плачет? Плачут лишь слабые, боящиеся, что они будут наказаны и что их преступления обернутся против них же самих. Но я, я? Ваши предки опасались только одного: что небеса обрушатся им на голову. Но чего бояться мне? Я — пособник Бога! Среди всех Он выбрал меня. Меня вдохновил Бог, Бог Германии, древний немецкий Бог, для которого добро и зло не идут в счет, когда дело касается величия Его сыновей. Во мне заключен дух зла. Я люблю зло и желаю зла. Ты умрешь, Вероника, а я, глядя, как ты мучаешься на распятии, буду хохотать!

И верно, Ворский расхохотался. Громко топая, он широкими шагами расхаживал по комнате. Он воздевал руки к потолку, и Вероника, дрожа от ужаса, замечала искорки безумия в его налитых кровью глазах.

Ворский сделал еще несколько шагов, затем подошел к Веронике и с затаенной угрозой проговорил:

— На колени, Вероника! Взывайте к моей любви. Лишь она может вас спасти. Ворскому

неведомы ни жалость, ни страх. Но он вас любит, и любовь его не остановится ни перед чем. Воспользуйтесь этим, Вероника. Обратите свою мольбу к прошлому. Станьте снова ребенком, каким вы были прежде, и, быть может, придет день, когда это я стану ползать перед вами на коленях. Вероника, не отвергайте меня — таких людей, как я, не отвергают. Нельзя бросать вызов тому, кто любит… Как я люблю тебя, Вероника, как я тебя люблю!

Вероника с трудом подавила крик. Она почувствовала прикосновение отвратительных пальцев к своим обнаженным рукам. Она попробовала высвободиться, но он был сильнее и продолжал стискивать ее руки, бормоча, задыхаясь:

— Не отталкивай меня… Это нелепость… Безумие… Ты же знаешь, я способен на все… И что тогда?.. Крест… Какой ужас!.. Гибель сына у тебя на глазах… Ты этого хочешь?.. Примирись с неизбежным. Ворский тебя спасет. Ворский сделает твою жизнь прекрасной… Но как же ты меня ненавидишь!.. Впрочем, я согласен и на ненависть — она мне нравится. Нравятся твои презрительно искривленные губы — пускай даже они и не прикасаются к моим.

Он замолчал. Между ним и Вероникой завязалась беспощадная борьба. Вероника изо всех сил пыталась вырваться из железных объятий, но — тщетно. Обреченная на поражение, беспомощная, она слабела с каждой секундой. Колени ее уже подгибались. Прямо перед своим лицом она видела налитые кровью глаза Ворского, чувствовала дыхание этого чудовища.

Тогда, придя в смятение, она изо всех сил укусила его и, пользуясь секундной растерянностью, вывернулась из его рук, отскочила в сторону и, выхватив револьвер, нажала на спусковой крючок.

Две пули просвистели у Ворского над ухом и впились в стену позади него. Она выстрелила слишком быстро, наудачу.

— А, гадина! — взревел Ворский. — Чуть не попала!

Схватив Веронику в охапку, он мощным усилием бросил ее на диван. Затем, достав из кармана веревку, крепко и безжалостно связал молодую женщину. На несколько секунд в комнате воцарились тишина и покой. Ворский утер пот со лба, налил себе бокал вина и одним глотком выпил его.

— Так-то лучше, — поставив ногу на жертву,

проговорил он. — Вот теперь все просто замечательно. Каждый на своем месте, красавица: ты лежишь связанная по рукам и ногам, а я топчу тебя, сколько мне вздумается. Ага, мы уже не смеемся! Мы начинаем понимать, что дело серьезно. Не бойся, Ворский не из тех, кто берет женщину силой. Но как мне быть? Это же будет игра с огнем, и я просто сгорю от желания, которое уже меня убивает. Так нельзя! Да и как потом тебя забыть? Единственное, что может даровать мне забвение и покой, — это твоя смерть. А поскольку насчет этого мы договорились, то все в порядке. Ты ведь согласна умереть, не так ли?

— Да, — все с той же твердостью ответила Вероника.

— И хочешь, чтобы твой сын тоже умер?

— Да.

Ворский принялся потирать руки:

— Прекрасно, значит, время бессмысленных слов позади. Остались слова подлинные, те, что действительно что-то значат. Согласись, до сих пор я занимался пустой болтовней, верно? Да и все первое действие разыгрываемой на Сареке пьесы, свидетельницей которого ты оказалась, — не что иное, как детские забавы. Теперь начинается настоящая драма, в которую ты

впуталась душой и телом, и она будет пострашнее, красавица моя. Твои прекрасные глазки уже источали слезы, но они должны источать кровь, бедняжечка моя. А чего ж ты хотела? Еще раз повторяю: Ворский не жесток. Он лишь повинуется, а против тебя ожесточилась сама судьба. Твои слезы? Вздор, и ничего больше. Ты должна плакать в тысячу раз сильнее. Твоя смерть? Пустяки! Ты должна умереть тысячу раз, прежде чем умрешь окончательно. Твое бедное сердечко будет исходить кровью так, как не исходило ни у одной женщины и матери. Готова ли ты, Вероника? Ты услышишь поистине жестокие слова, за которыми, возможно, последуют другие, еще более жестокие. Да, не балует тебя судьба, моя красавица!

Ворский столь же жадно выпил еще один бокал вина, после чего уселся подле Вероники и, наклонившись, зашептал ей чуть ли не на ухо:

— Послушай, милая, мне нужно тебе кое в чем признаться. До встречи с тобою я уже был женат… О, только не надо сердиться! У женщин бывают катастрофы более серьезные, чем измена мужа, а у мужчин — преступления более тяжкие, нежели двоеженство. От первой жены у меня есть сын. Ты его, кажется, знаешь, поскольку вы уже

обменялись с ним любезностями в подземелье. Между нами, этот великолепный Райнхольд — законченный негодяй, подлец чистой воды, и я даже горжусь тем, что нахожу в нем некоторые лучшие черты и свойства своего характера, возведенные в высшую степень. Он — второй Ворский, но меня он уже превзошел, и порой я его даже пугаюсь. Ей-богу, он сущий дьявол! В его годы — ему недавно исполнилось пятнадцать — я по сравнению с ним был ангел во плоти. Так вот, обстоятельства складываются таким образом, что этот негодяй должен вступить в борьбу с другим моим сыном, нашим дорогим Франсуа. Такова прихоть рока; повторяю: повелевает здесь он, а я — его проницательный толкователь. Ясное дело, речь идет не о долгой, каждодневной борьбе. Напротив, она должна быть краткой, яростной, решительной — что-то вроде дуэли. Вот-вот, дуэль — понимаешь? — настоящая дуэль. Но не потасовка, которая заканчивается царапинами. Нет-нет, это будет дуэль со смертельным исходом, поскольку один из противников должен остаться лежать на земле; в дуэли этой должны быть победитель и побежденный, короче говоря, живой и мертвый.

Вероника чуть повернула голову и увидела,

что Ворский улыбается. Никогда прежде она не ощущала столь отчетливо, что этот человек безумен, — ведь он улыбался при мысли о смертельной схватке между двумя детьми, его собственными сыновьями. Все это было настолько нелепо, что Вероника даже не страдала. Это выходило за пределы страдания.

— Но это еще не все, Вероника, — продолжил Ворский, отчетливо выговаривая каждый слог. — Это еще не все. Судьба придумала еще один изыск. Он мне претит, но я обязан строго соблюдать ее веления. Судьба решила, что ты должна присутствовать при этой дуэли. Да, вот именно, ты, мать Франсуа, должна следить за их схваткой. И я сейчас задаюсь вот каким вопросом: быть может, эта видимая жестокость на самом деле оборачивается для тебя благом? Предположим, это все делается не без моего участия, согласна? Предположим, что я оказываю тебе нежданное и даже незаслуженное благодеяние. Ведь поскольку Райнхольд более крепок и ловок, чем Франсуа, последний должен потерпеть поражение, а сознание, что он бьется на глазах у матери, придаст ему силы и ловкости. Он будет чувствовать себя рыцарем и, чтобы победить, призовет себе на помощь всю свою гордость. Он

будет чувствовать себя сыном, чья победа спасет мать, — да, именно так! Нет, в самом деле, это тебе весьма выгодно, и ты должна будешь благодарить меня, Вероника, потому что дуэль, я уверен, заставит твое сердце биться чаще, разве только… Разве только мне придется пойти до конца в этом адском спектакле. Итак, моя милая…

Ворский снова схватил Веронику в охапку, поставил ее перед собой, лицом к лицу, и, поддавшись внезапно нахлынувшей на него ярости, спросил:

— Итак, ты не уступишь?

— Нет! — воскликнула Вероника.

— Никогда?

— Никогда! Никогда! Никогда! — несколько раз, все тверже и тверже, повторила она.

— Значит, ты ненавидишь меня больше всего на свете?

— Даже больше, чем люблю сына.

— Ты лжешь! — хрипло вскричал он. — Лжешь! Превыше сына для тебя нет ничего.

— Есть! Ненависть к тебе! — Весь гнев и все омерзение, что копились в душе у Вероники, вырвались наружу, и, не заботясь о последствиях, она бросила ему в лицо: — Я ненавижу тебя! Ненавижу! Пусть мой сын погибнет у меня на глазах,

пусть я буду присутствовать при его агонии — только бы избавиться от ужаса видеть тебя, быть рядом с тобой! Я ненавижу тебя! Ты убил моего отца! Ты грязный убийца, слабоумный варвар и маньяк. Я ненавижу тебя!

Одним движением Ворский поднял Веронику, подтащил к окну, бросил на пол и забормотал:

— На колени! На колени! Пришло время кары! Так ты вздумала надо мной издеваться?! Ну, сейчас я тебе покажу!

Он силой поставил женщину на колени, подтащил к окну, отворил его и притянул ее голову к решетке, ограждавшей подоконник. Затем он пропустил веревку под мышками и обмотал несколько раз вокруг шеи Вероники. В довершение всего он заткнул ей рот платком.

— А теперь смотри! — заорал он. — Занавес сейчас поднимется! Малютка Франсуа упражняется! Ах, ты меня ненавидишь? Предпочитаешь пекло поцелую Ворского? Хорошо же, милая моя, ты у меня заглянешь в пекло, я обещаю устроить тебе небольшой дивертисмент моего собственного сочинения, причем отнюдь не банальный. Да и вообще — отступать уже поздно. Назад не повернешь. Можешь сколько угодно умолять и просить пощады — поздно!

Дуэль, потом распятие — так выглядит афиша. Молись, Вероника, взывай к Небесам! Можешь попытаться позвать на помощь, если это тебя развлечет. Постой-ка, я знаю, что твой красавчик ждет спасителя, мастера неожиданной развязки, донкихота приключений. Что ж, пусть приходит! Ворский устроит ему достойный прием. Пусть приходит! Тем лучше. Посмеемся. Да пусть в это вмешаются сами боги, пусть станут на твою сторону — мне плевать. Это уже не их дело, а мое. Речь уже не идет о Сареке, кладе, великой тайне и проделках Божьего Камня — речь идет обо мне! Ты наплевала на Ворского, и Ворский мстит. Он мстит! О, славный час! Какое наслаждение! Творить зло, как другие творят добро, не скупясь, щедро! Творить зло! Убивать, мучить, крушить, уничтожать, опустошать! Ах, какая это нестерпимая радость — быть Ворским!

Он бегал по комнате, топал ногами, опрокидывал мебель. Его блуждающий взгляд ни на чем не мог остановиться. Ему хотелось прямо сейчас начать разрушать, хотелось задушить кого-нибудь, занять чем-то свои жадные пальцы, повиноваться бессвязным приказам своего больного воображения.

Внезапно он выхватил револьвер и принялся

бестолково палить, разбивая стекла и уродуя картины.

Наконец, все так же размахивая руками, мечась из стороны в сторону, зловещий и жуткий, он отворил дверь и выскочил вон, повторяя:

— Ворский мстит! Ворский еще отомстит!

Глава двенадцатая
Восхождение на голгофу

Прошло около получаса. Вероника была одна. Веревки, которыми она была привязана к оконной решетке, впивались ей в руки. Кляп не давал дышать. Тело всею тяжестью давило на согнутые колени. Невыносимая поза, бесконечные мучения… Но хоть Вероника и страдала, она вряд ли отдавала себе в этом полный отчет. Ее физические мучения оставались за пределами сознания, она испытывала такую душевную муку, что физическая пытка была для нее нечувствительна.

Она ни о чем не думала. Иногда лишь говорила себе: «Скоро я умру» — и уже заранее ждала забвение небытия, подобно морякам, предвкушающим во время шторма отдых в тихом порту. До того как наступит исход и с ним освобождение, еще произойдут страшные события — это она понимала, но мозг ее на них не задерживался, и даже мысли о судьбе сына были отрывочны и тут же рассеивались.

В глубине души, но очень смутно и безотчетно, она надеялась на чудо. Вдруг оно произойдет

с Ворским? Он не способен ни на что благородное, но, быть может, все-таки не пойдет на самое бесполезное из своих злодеяний? Отец не убивает собственного сына, если это не вызвано какими-то очень уж вескими причинами, а причин таких у Ворского не было: ребенка он не знал, и ненависть его к нему могла быть лишь напускной.

Эта надежда на чудо тешила Веронику в ее оцепенении. Все звуки, раздававшиеся в доме, — разговоры, поспешные шаги — не указывали, как ей казалось, на подготовку к тому, о чем ее предупредили, а были сигналом к чьему-то вмешательству, которое должно было разрушить все планы Ворского. Разве милый Франсуа не говорил, что теперь их никто не сможет разлучить и что в минуту, когда будет казаться, что все пропало, они должны продолжать верить?

«Мой Франсуа, — думала Вероника, — Франсуа, ты не умрешь… Мы еще встретимся… Ты же сам обещал…»

Голубое небо, по которому ползли грозного вида тучи, нависло над старыми дубами. На лужайке под окном, в котором Вероника увидела своего отца, когда в день приезда подходила к дому вместе с Онориной, была приготовлена площадка, покрытая песком и похожая на арену.

Значит, здесь и будет сражаться ее сын? Внезапное предчувствие сжало сердце женщины.

«Прости, Франсуа, — мысленно прошептала она, — прости… Это все кара за ошибки, совершенные мною когда-то. Это искупление. Сын искупает вину матери. Прости. Прости».

В этот миг дверь на первом этаже отворилась и на крыльце послышались голоса. Среди них Вероника узнала голос Ворского.

— Итак, решено? — говорил он. — Мы пойдем с разных сторон: вы двое слева, я — справа. Вы забираете с собой одного парня, я — другого, и мы сходимся в центре арены. Вы будете как бы секундантами одного, я — другого, чтобы все шло по правилам.

Вероника закрыла глаза, чтобы не видеть сына, наверняка истерзанного, которого гнали на бой, словно гладиатора. На обеих полукруглых дорожках зазвучали шаги. Негодяй Ворский разглагольствовал и смеялся.

— Дальше не ходите, — приказал он. — Пусть противники займут места… Теперь стойте оба… Вот так. И ни слова, поняли? Тот, кто хоть пикнет, получит от меня на орехи. Готовы? Сходитесь!

Итак, жуткий спектакль начался. По желанию Ворского дуэль разыгрывается на глазах у мате-

ри, перед нею будет сражаться ее сын. Могла ли Вероника не смотреть? Бедняжка открыла глаза.

Она сразу увидела две фигуры, то обхватывающие, то отталкивающие друг друга. Но она не сразу поняла то, что увидела, не сразу разобралась в происходящем. Перед ней были два мальчика, но кто из них Франсуа, а кто — Райнхольд?

«О, как это жестоко! — подумала она. — Нет, все же я ошибаюсь. Это невозможно».

Вероника не ошибалась. Оба мальчика были одеты одинаково: короткие бархатные штаны, белые фланелевые сорочки, перетянутые одинаковыми кожаными поясами. А головы их были обернуты одинаковыми красными шарфами, походившими на капюшоны с отверстиями для глаз.

Кто же из них Франсуа? Кто Райнхольд?

И тут она вспомнила о непонятной угрозе Ворского. Так вот что он называл исполнением придуманной им программы, вот на что намекал, говоря о дивертисменте собственного сочинения! Сын не просто сражался на глазах у матери: она даже не знала, кто из противников — ее сын.

Адский изыск — даже Ворский признал это. Страдания Вероники стали поистине безмер-

ными.

В сущности, чудо, на которое она надеялась, заключалось в ней самой и в ее любви к сыну. Сын сражался у нее на глазах, и она была уверена, что он не может погибнуть. Она защитит его от ударов и любых уловок врага. Она заставит отклониться кинжал и отвратит смерть от обожаемого сына. Она вдохнет в него несокрушимую силу, волю к победе, неутомимость, умение использовать выгодный момент. Но теперь, когда они оба под масками, кому она должна оказывать мысленную поддержку? За кого молиться? Против кого восставать?

Этого она не знала. И не было никакой подсказки, по которой она могла бы догадаться. Один из мальчиков казался несколько выше ростом, худощавее и гибче своего соперника. Быть может, это и есть Франсуа? Другой был более коренаст, крепок и медлителен. Райнхольд? Вероника не могла знать этого наверняка. Мимолетное выражение лица открыло бы ей истину. Но как проникнуть взором под непроницаемую маску?

А схватка продолжалась и была для Вероники все страшнее, потому что она не видела лица сына.

— Браво! — воскликнул Ворский, рукоплеща

удачному выпаду.

Казалось, он наблюдал за дуэлью как любитель, с подчеркнутой непредвзятостью дилетанта, который оценивает удары и желает лишь, чтобы победил сильнейший. А между тем один из его сыновей был осужден на смерть.

Рядом стояли двое его сообщников — с одинаково грубыми лицами и остроконечными черепами; их толстые носы были оседланы очками. Один из них отличался неимоверной худобой, другой тоже был тощ, но с весьма и весьма круглым брюшком. Они не хлопали, а равнодушно или даже несколько враждебно наблюдали за разыгрывающимся перед ними спектаклем.

— Превосходно! — опять похвалил Ворский. — Что за ответный удар! Вы, я смотрю, ребята не промах, даже не знаю, кому из вас присудить пальму первенства.

Он кружил около соперников, подбадривая их хриплым голосом, в котором Вероника, припомнив кое-какие сцены из своего прошлого, почувствовала влияние спиртного. Но несмотря ни на что, несчастная пыталась простереть к нему свои привязанные руки и стонала из-под кляпа:

— Пощади! Пощади! Я больше не могу… Да

сжалься же!

Вероника больше была не в состоянии выносить эту муку. Сердце ее билось столь неистово, что она совершенно измучилась и уже теряла сознание, когда на арене внезапно произошло нечто, вернувшее молодую женщину к жизни. Один из мальчиков после очередной яростной сшибки вдруг отскочил и стер с правого запястья несколько капель крови; Веронике показалось, что в руках у него она заметила маленький платочек с синей каемкой, который принадлежал ее сыну.

Женщиной овладела мгновенная и необоримая уверенность. Мальчик — более худощавый и гибкий — был изящнее другого, в его движениях было больше гармонии.

— Это Франсуа, — с трудом прошептала она. — Да, да, это он… Это ведь ты, правда, милый? Я тебя узнала… Тот, другой, груб и неповоротлив… Ах, Франсуа, любимый мой Франсуа!

И верно, хотя оба мальчика бились с одинаковым ожесточением, этот вкладывал в свои движения меньше дикого неистовства и слепой запальчивости. Казалось, он скорее старался ранить соперника, а не убить, и все его атаки были направлены только на то, чтобы уберечь

себя от гибели. Вероника встревожилась и принялась чуть слышно лепетать, словно он мог ее услышать:

— Не церемонься с ним, милый! Он же чудовище, как и его отец… Ах, господи, если ты станешь проявлять благородство, ты погиб! Франсуа, Франсуа, осторожнее!

Над головою того, кого Вероника считала своим сыном, сверкнул кинжал, и, не обращая внимания на кляп, она вскрикнула, чтобы его предупредить. Когда Франсуа уклонился от удара, она решила, что возглас ее достиг его ушей, и принялась машинально давать ему советы:

— Отдохни… Переведи дух… Главное, не теряй его из виду — он что-то задумал… Сейчас бросится… Он атакует! Ах, милый, еще немного, и он ранил бы тебя в шею! Остерегайся его, этот злодей не побрезгует никакой уловкой.

Но несчастная мать чувствовала, хоть и не хотела себе в этом признаваться, что тот, кого она называла своим сыном, начинает слабеть. Некоторые признаки указывали, что сопротивляется он со все большим трудом, тогда как другой, напротив, сражался со все большим пылом и ожесточением. Франсуа отступал. Он дошел уже до края арены.

— Эй, парень, уж не собираешься ли ты сбежать? — принялся зубоскалить Ворский. — Давай-давай, нечего… Вспомни об условиях.

Мальчик с новой силой устремился вперед, так что его противник вынужден был отступить. Ворский захлопал в ладоши, а Вероника прошептала:

— Он рискует жизнью из-за меня. Этот негодяй, должно быть, сказал ему: «Судьба матери в твоих руках. Если ты победишь, она спасена». И он поклялся победить. Он знает, что я на него смотрю, чувствует, что я близко. Он слышит меня. Да благословит тебя Господь, мой милый.

Дуэль подходила к концу.

Вероника дрожала, обессилев от переживаний и резкой смены надежды и ужаса. Вот ее сын снова отступил… потом опять бросился вперед. Бойцы сцепились — но он вдруг потерял равновесие и упал навзничь, причем так, что придавил телом свою правую руку.

Противник тотчас ринулся вперед, наступил ему коленом на грудь и занес кинжал.

— На помощь! На помощь! — попыталась крикнуть сквозь кляп Вероника.

Она выпрямилась, не обращая внимания на впившиеся в тело веревки. Со лба, который

она рассадила о решетку, сочилась кровь, женщина чувствовала, что вот-вот умрет вместе с сыном. Ворский приблизился с неумолимым видом и застыл на месте.

Прошло двадцать секунд, тридцать. Вытянув левую руку, Франсуа сдерживал руку соперника. Но тот давил все сильнее и сильнее, лезвие кинжала опускалось, его острие было уже в нескольких сантиметрах от шеи несчастного.

Ворский наклонился. Он находился за спиной у Райнхольда, так что не был виден ни одному из противников, и смотрел с таким пристальным вниманием, словно собирался вот-вот вмешаться. Но чью сторону он хотел принять? Неужели он намеревался спасти Франсуа?

Вероника затаила дыхание, глаза ее расширились, ей казалось, что она вот-вот потеряет сознание.

Острие кинжала коснулось шеи и укололо ее, но, по-видимому, лишь слегка, потому что Франсуа продолжал удерживать руку противника.

Ворский наклонился еще ниже. Он навис над соперниками и не спускал глаз со смертоносного острия. Внезапно он выхватил из кармана перочинный нож, открыл его и опять замер. Прошло несколько секунд. Кинжал медленно

опускался. И вдруг Ворский полоснул Райнхольда ножом по плечу.

Мальчик вскрикнул от боли. Он ослабил хватку, и в тот же миг Франсуа, выпростав из-под себя руку, перешел в наступление: он привстал и, не замечая Ворского, не понимая толком, что происходит, в инстинктивном порыве человека, который только что избежал смерти и стремится отомстить обидчику, изо всех сил ударил Райнхольда в лицо… тот упал как подкошенный.

Все это длилось не более десяти секунд. Но развязка оказалась столь неожиданной и так потрясла Веронику, что бедняжка, ничего уже не понимая, не зная, радоваться ей или терзаться, и, по-видимому, полагая, что она ошиблась и Франсуа погиб от руки Ворского, внезапно осела на пол и лишилась чувств.

Время шло, и Вероника понемногу стала приходить в себя. Услышав, что часы пробили четыре, она с трудом прошептала:

— Вот уже два часа, как Франсуа погиб. Да, убит именно он.

Она не сомневалась в исходе дуэли. Ворский ни за что не позволил бы Франсуа одержать верх над своим сыном. Выходит, она желала поражения собственному ребенку и молилась

за чудовище!

— Франсуа мертв, — повторила она. — Его убил Ворский.

В этот миг дверь отворилась и послышался голос Ворского. Неуверенным шагом он вошел в комнату:

— Тысяча извинений, сударыня, но, кажется, Ворский задремал. Это все вина вашего папочки, Вероника! Он держал у себя в погребе это проклятое сомюрское, которое нашли Конрад и Отто, и в результате я несколько захмелел. Но не плачьте, мы наверстаем упущенное. К тому же к полуночи все должно быть улажено. Итак… — Подойдя к Веронике, он воскликнул: — Что я вижу! Этот мошенник Ворский оставил вас здесь связанной? Что за негодяй! И как вам, должно быть, неудобно! Черт возьми, до чего же вы бледны! Вы, случаем, не померли? Ну нет, вы не должны были сыграть с нами такую шутку!

Он схватил Веронику за руку, но она тут же ее отдернула.

— Вот и прекрасно! Вы все еще ненавидите бедняжку Ворского. Значит, все в порядке, силы у вас пока есть. Вам хватит их до конца, Вероника. — Но тут Ворский внезапно насторожился. — Что такое? Кто это меня зовет? Это ты, Отто? Подни-

майся сюда… Ну, Отто, что новенького? Ты же знаешь, я спал. Это подлое сомюрское…

Отто, один из сообщников Ворского, буквально влетел в комнату. Это был тот самый мужчина с толстым до странности брюхом.

— Что новенького, говорите? — воскликнул он. — А вот что: я кого-то видел на острове.

Ворский расхохотался:

— Да ты под мухой, Отто! Это подлое сомюрское…

— Нет, не под мухой. Я видел… И Конрад тоже.

— Ах, так Конрад тоже видел? — уже серьезнее заговорил Ворский. — И кого же вы видели?

— Какую-то фигуру в белом, которая при нашем приближении исчезла.

— Где это было?

— Между деревней и песками, в каштановой роще.

— То есть на той стороне острова?

— Да.

— Прекрасно. Примем меры предосторожности.

— Какие? А вдруг их там много?

— Да сколько бы ни было, это ничего не меняет. Где Конрад?

— У временного моста, который мы навели

вместо сгоревшего. Сторожит.

— Ладно, Конрада не проведешь. Из-за сгоревшего моста мы уже задержались на той стороне, а если сгорит и этот, то… Как я понимаю, Вероника, к тебе подоспела помощь. Давно ожидаемое чудо, долгожданное вмешательство… Слишком поздно, моя дорогая.

Отвязав женщину от решетки, Ворский отнес ее на диван и немного ослабил кляп:

— Спи, девочка моя, отдыхай хорошенько. Ты прошла только полпути на голгофу, вторая половина будет еще труднее.

Продолжая посмеиваться, Ворский вышел из комнаты, и по донесшимся до нее нескольким фразам Вероника поняла, что Отто и Конрад ровным счетом ничего не знают.

— Кто же все-таки эта женщина, которую вы настойчиво преследуете? — спросил Отто.

— Не твое дело.

— Но мы с Конрадом хотим, чтобы вы сообщили нам хоть что-нибудь.

— Да зачем это вам?

— Чтобы знать.

— Вы с Конрадом — два дуралея, — отозвался Ворский. — Когда я взял вас на службу и помог бежать вместе со мной, я рассказал вам о своих

планах столько, сколько считал возможным. Вы согласились на мои условия. Тем хуже для вас: теперь вам придется идти со мною до конца.

— А если нет?

— Тогда берегитесь! Изменников я не жалую.

Прошло еще несколько часов. Вероника была убеждена, что теперь уже ничто не сможет избавить ее от развязки, которую она мысленно изо всех сил призывала. Она не желала вмешательства, о котором говорил Отто. В сущности, она о нем даже не думала. Сын ее был мертв, и она мечтала лишь об одном — как можно скорее последовать за ним, пусть даже пройдя через страшные мучения. Да и какое ей было дело до мучений? Силы тех, кто подвергается пыткам, имеют свой предел, и Вероника была так близка к этому пределу, что ее агония не должна была продлиться долго.

Она принялась молиться. Ей снова вспомнилось прошлое, и совершенная когда-то в юности ошибка показалась страдалице причиной всех свалившихся на нее несчастий.

Но наконец, усталая и изможденная, находясь в крайнем нервном напряжении, делавшем ее ко всему безучастной, она забылась сном.

Вероника не проснулась даже тогда, когда вер-

нулся Ворский. Ему пришлось ее растолкать.

— Час близок, моя крошка. Молись.

Тихо, чтобы не услышали приспешники, он принялся противным голосом шептать ей на ухо какие-то незначительные эпизоды из своего прошлого. Наконец он крикнул:

— Для дела еще слишком светло! Отто, пойди поищи чего-нибудь в шкафу для провизии. Я хочу есть.

Они сели за стол, но Ворский тут же вскочил:

— Не смотри на меня, моя крошка. Ты меня смущаешь. Чего тебе надо? Когда я один, совесть у меня не очень-то чувствительна, но, когда такой взгляд, как твой, проникает в самую глубь естества, она начинает шевелиться. Закрой глазки, моя красавица.

Он прикрыл глаза Веронике платком и завязал его на затылке. Но этого ему показалось мало, и он обернул ей голову тюлевой занавеской, которую сорвал с окна, а затем еще и обмотал ее вокруг шеи жертвы. Затем, удовлетворенный, он сел за стол и принялся пить и есть.

Все трое сообщников говорили очень мало и ни словом ни упомянули ни о своих походах по острову, ни о дуэли. То, о чем они беседовали, не интересовало Веронику и не могло ее рас-

шевелить, если б даже она прислушалась. Все сделалось ей чуждым. Слова достигали ее ушей, но она не понимала точного их значения. Она думала лишь о смерти.

Когда стало смеркаться, Ворский заявил, что пора идти.

— Значит, вы не изменили своего решения? — поинтересовался Отто несколько враждебным тоном.

— Ни на йоту. А почему ты спрашиваешь?

— Да так. Но все же…

— Что — все же?

— Ну, в общем, нам все это не очень-то нравится.

— Да ну? И ты заметил это, милый мой, только теперь, после того как со смехом подвесил к деревьям сестер Аршиньа?

— Тогда я был пьян. Вы заставили нас пить.

— Ну так выпей, старина. Вот, кстати, бутылка коньяка. Налей в свою флягу и отстань от меня… Конрад, ты приготовил носилки?

И Ворский повернулся к своей жертве:

— Вот, мы позаботились о тебе, моя дорогая: нашли старые ходули твоего мальчишки, а между ними протянули ремни. Практично и удобно.

Около половины девятого мрачная процессия

отправилась в путь. Впереди шел Ворский с фонарем в руке. Его сообщники несли носилки.

Грозные тучи, появившиеся еще днем, затянули небо и плыли над островом, тяжелые и черные. Быстро темнело. Сильный ветер заставлял плясать в фонаре пламя свечи.

— Брр, — поежился Ворский, — до чего тоскливо. Подходящая ночь для голгофы.

Вдруг он отскочил в сторону: какой-то черный комочек выкатился прямо ему под ноги. Ворский проворчал:

— Это еще что? Смотрите-ка! Кажется, собака…

— Это пес мальчишки, — сообщил Отто.

— А, знаменитый Дело-в-шляпе? Очень кстати! Дело действительно в шляпе, да еще в какой! Ну, погоди у меня, скотина!

Он попытался пнуть пса ногой, но тот увернулся и продолжал следовать за процессией на некотором отдалении, время от времени глухо лая.

Подъем был крут, и ежеминутно один из троих мужчин, оступившись и сойдя с плохо различимой тропинки, которая шла вокруг лужайки перед главным фасадом и вела на поляну подле Дольмена Фей, запутывался в зарослях ежевики или плюща.

— Стоп! — скомандовал Ворский. — Передохнем немного, ребята. Отто, дай-ка мне твою флягу. Что-то у меня колотится сердце.

Ворский припал к фляге и принялся пить большими глотками.

— Теперь ты, Отто. Не хочешь? Да что с тобой?

— По-моему, на острове есть люди и они нас ищут.

— Ну и пусть себе ищут!

— А вдруг они приплыли на лодке и поднялись по тропинке, что мы нашли, — по той самой, по которой нынче утром хотели убежать женщина с мальчиком?

— Нам следует бояться нападения с суши, а не с моря. А временный мост сожжен. Там не пройти.

— Если только они не найдут вход в подземелье на Черных Песках и не дойдут по туннелю досюда.

— Так ты думаешь, они нашли этот вход?

— Не знаю.

— Даже если они его нашли, что из этого? Мы же завалили выход с этой стороны, разрушили лестницу, короче, перевернули там все вверх дном. Чтобы расчистить проход, им понадобится самое малое полдня. А у нас в полночь все будет

кончено, и на рассвете мы будем уже далеко от Сарека.

— Кончено… кончено. То есть у нас на совести будет еще одно преступление. Но…

— Что «но»?

— А как же клад?

— Ах, клад! Наконец-то прозвучало главное слово! Так тебе не дает покоя клад, разбойник? Не беспокойся: считай, что причитающаяся тебе часть уже у тебя в кармане.

— Вы в этом уверены?

— Уверен ли я? Ты что же, считаешь, что я сижу здесь и делаю всю эту грязную работу за здорово живешь?

Они снова тронулись в путь. Через четверть часа на землю упали первые капли дождя. Прогремел гром. Но настоящая гроза была еще далеко.

Сообщники с трудом одолели крутой подъем, причем Ворский вынужден был им помогать.

— Ну наконец-то, — проворчал он. — Отто, дай флягу… Ага… Благодарю…

Свою жертву они положили у подножия дуба, очищенного от нижних ветвей. Луч фонаря осветил надпись: «В. д'Э.». Ворский поднял с земли принесенную заранее веревку и приставил лестницу к стволу дерева.

— Поступим так же, как с сестрами Аршиньа, — проговорил он. — Я перекину веревку через эту вот толстую ветку, которую мы нарочно оставили. Она послужит нам блоком…

Внезапно замолчав, Ворский отпрыгнул в сторону: произошло нечто непредвиденное. Он прошептал:

— Что? Что это? Вы слышали свист?

— Да, — подтвердил Конрад, — вроде бы слышал. Словно что-то пролетело.

— Идиот!

— Я тоже, — поддержал товарища Отто. — Я тоже слышал, а потом что-то как будто ударило в дерево.

— В какое дерево?

— Да в дуб, черт побери! Как будто кто-то в нас выстрелил.

— Но ведь звука выстрела не было.

— Значит, кинули камнем, который угодил в дуб.

— Это нетрудно проверить, — заметил Ворский.

Он направил на дерево фонарь, и в тот же миг с губ у него сорвалось проклятие:

— А, дьявол! Смотрите! Под надписью!

Все повернулись к дереву.

В месте, на которое он указывал, из дуба торчала стрела, ее оперение еще дрожало.

— Стрела? — воскликнул Конрад. — Не может такого быть! Откуда?

Отто забормотал:

— Мы пропали. Они целились в нас.

— Тот, кто в нас целился, должен быть где-то неподалеку, — заметил Ворский. — Надо его искать!

Он повел фонарем из стороны в сторону, пронзая лучом темноту.

— Погодите-ка, — поспешно остановил его Конрад. — Чуть правее… Видите?

— Вижу… Да, вижу…

Шагах в сорока от них, подле расколотого молнией дуба, виднелось что-то белое, какая-то фигура, которая попыталась — так, по крайней мере, им казалось — укрыться в кустах.

— Молчите и не двигайтесь, — приказал Ворский, — чтобы он не догадался, что мы его обнаружили. Конрад, пойдешь со мной. Ты, Отто, останешься здесь, достань револьвер и будь начеку. Если он попробует приблизиться и освободить дамочку, выстрели дважды, и мы тут же прибежим. Ясно?

— Ясно.

Ворский наклонился над Вероникой и отодвинул ткань, которой была обмотана ее голова. Повязка на глазах и кляп были на месте. Женщина еле дышала, пульс был слабым и медленным.

— Время еще есть, — пробормотал он, — но нужно поспешить, если мы хотим, чтобы она умерла так, как мы решили. Во всяком случае, она, похоже, не очень-то страдает. Она без сознания.

Ворский поставил на землю фонарь и, выбирая места потемнее, осторожно двинулся вместе с сообщником по направлению к фигуре в белом.

Однако вскоре он обнаружил, что фигура эта, казавшаяся ему неподвижной, на самом деле перемещается вместе с ним, так что расстояние между ними остается неизменным. К тому же рядом с нею он заметил прыгавший из стороны в сторону черный комочек.

— Опять эта мерзкая собачонка! — проворчал Ворский.

Он ускорил шаг, но расстояние не уменьшалось. Побежал — фигура тоже пустилась бегом. Но что самое странное, при движении этого таинственного субъекта не слышалось ни шороха листьев, ни топота ног по земле.

— Вот черт! — выругался Ворский. — Да он издевается над нами! Может, выстрелить по нему,

а, Конрад?

— Слишком далеко. Пулей его не достать.

— Но ведь не можем же мы вот так…

Неизвестный довел их до оконечности острова, затем спустился к выходу из туннеля, миновал Монастырь и вдоль западной скалы добрался до пропасти, где догорали доски временного моста. Потом, свернув в сторону, он обошел дом с другой стороны и поднялся на лужайку.

Пес время от времени радостно лаял.

Ворский все никак не мог успокоиться. Как он ни старался, расстояние не сократилось ни на пядь, а преследование длилось уже минут пятнадцать. Наконец он принялся поносить своего врага:

— Остановись, если ты не трус! Чего тебе надо? Заманить нас в ловушку? И что дальше? Может, ты хочешь спасти дамочку? Она в таком состоянии, что и трудиться-то не стоит. Ах ты, чертов мерзавец, погоди, доберусь я до тебя!

Внезапно Конрад схватил его за край мантии.

— В чем дело, Конрад?

— Посмотрите, кажется, он не шевелится.

И действительно — впервые фигура неизвестного вырисовывалась во мраке довольно отчетливо, и среди листвы кустарника пресле-

дователи сумели даже различить его позу: чуть расставленные в стороны руки, согбенная спина, подогнутые скрещенные ноги.

— Да он упал! — заключил Конрад.

Ворский бросился вперед с криком:

— Буду стрелять, негодяй! Ты у меня на мушке. Руки вверх, или стреляю!

Фигура не шелохнулась.

— Тем хуже для тебя! Если ты что-нибудь выкинешь, отправишься к праотцам. Считаю до трех!

Подойдя метров на двадцать к незнакомцу, он принялся считать:

— Раз… два… Ты готов, Конрад? Огонь!

Пули одновременно вылетели из обоих револьверов.

Раздался отчаянный крик.

Фигура осела на землю. Мужчины кинулись вперед.

— Попался, мерзавец! Будешь знать, как иметь дело с Ворским! Ах, негодяй, ну и заставил же ты меня побегать! Теперь твоя песенка спета!

За несколько шагов до тела Ворский замедлил шаг, опасаясь какого-нибудь сюрприза. Неизвестный не шевелился, и, подойдя ближе, Ворский убедился, что тот лежит неподвижно, словно мертвец. Теперь можно было подскочить пря-

мо к нему. Ворский так и поступил, шутливо бросив:

— Удачная охота, Конрад! Давай-ка подберем дичь.

Однако, наклонившись над добычей, они были чрезвычайно удивлены, ибо обнаружили, что она малоосязаема и состоит из одной лишь матерчатой накидки, внутри которой никого нет: ее владелец сбежал, бросив ее на колючий куст. Собака тоже исчезла.

— Дьявол его раздери! — воскликнул Ворский. — Этот подонок нас надул! Но зачем, черт возьми?

Излив свою ярость в свойственной ему глупейшей манере, он принялся было топтать кусок материи… но тут в голову ему пришла мысль:

— Зачем? Проклятье! Ведь я сам только что говорил… Ловушка… Уловка, чтобы увести нас подальше от дамочки, а тем временем его друзья нападают на Отто. Ну и болван же я!

Он бросился в темноту, и когда смог уже различить дольмен, окликнул:

— Отто! Отто!

— Стой! Кто идет? — испуганно отозвался Отто.

— Это я… Не стреляй, черт!

— Кто это — вы?

— Да я, я, дуралей.

— А кто же стрелял?

— Ерунда… Ошибка… После расскажем…

Дойдя до дуба, Ворский схватил фонарь и направил его на свою жертву. Женщина неподвижно лежала у подножия дерева, ее голова была все так же обернута материей.

— Фу-ты! — выдохнул он. — Черт, как же я испугался!

— Чего?

— Да того, что ее у нас похитили!

— Так ведь я же был здесь.

— Ты, ты!.. Ты не смелее своего дружка, и если б они напали…

— Я выстрелил бы, вы услышали бы сигнал.

— Кто знает… Ну как, тут все было тихо?

— Совершенно.

— Дамочка не очень волновалась?

— Сначала волновалась. Все жаловалась и стонала под своим капюшоном, так что я вышел из терпения.

— Ну а потом?

— Потом — дело недолгое: хватил кулаком, да и все!

— Ах, мерзавец! — воскликнул Ворский. — Если ты ее убил, прощайся с жизнью!

Он поспешно присел на корточки и приложил ухо к груди несчастной.

— Нет, — через секунду вымолвил он. — Сердце еще бьется. Но биться ему осталось недолго. За дело, друзья. Через десять минут все должно быть кончено.

Глава тринадцатая «Или́, Или́! лама́ савахфани?»[11]

Приготовления были недолгими, и Ворский принял в них деятельное участие. Прислонив лестницу к стволу дерева, он одним концом веревки обвязал жертву, другой перекинул через ветку и, сидя на верхней ступеньке, объяснил сообщникам:

— Вам остается лишь потянуть за веревку. Для начала поставьте женщину на ноги, и один из вас пусть не дает ей упасть.

Ворский замолчал. Однако, поскольку Отто и Конрад о чем-то тихо переговаривались, он окликнул их:

— Эй, вы там! Могли бы и поспешить! Если кто-нибудь захочет всадить в меня стрелу или пулю, то мишень из меня неплохая. Ну что, готовы?

Приспешники не отвечали.

— Да что там у вас? Отто! Конрад!

Ворский спрыгнул на землю и набросился на обоих:

---

[11] Сноски: 11

«Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?» (Мф. 27: 46) — согласно Евангелию, последние слова распятого Иисуса.

— Хороши, нечего сказать! Если и дальше будет так продолжаться, мы не уберемся отсюда и завтра утром… и тогда все пропало. Отвечай же, Отто!

С этими словами Ворский направил луч света ему в лицо:

— Ну что там? Отказываешься, что ли? Так и скажи! А ты, Конрад? Это что, бунт?

Отто покачал головой:

— Ну, бунт — это уж слишком. Но мы с Конрадом не рассердимся, если вы нам кое-что объясните.

— Объясню? Какие же объяснения тебе нужны, тупица? Насчет дамочки, которую мы собираемся казнить? Или насчет мальчишек? Настаивать бесполезно, друзья мои. Предлагая вам это дело, я ведь сказал: «Согласны идти со мной с закрытыми глазами? Дело будет грязное, придется пролить много крови. Но в результате — кругленькая сумма».

— В ней-то все и дело, — проговорил Отто.

— Говори яснее, балбес.

— Это вы должны говорить яснее и припомнить условия нашего соглашения. Ну-ка, что вы тогда сказали?

— Тебе это известно не хуже моего.

— Вот именно. Но я хочу освежить условия у вас в памяти и поэтому прошу повторить.

— Меня память не подводит. Клад — мне, а из него двести тысяч франков вам на двоих.

— Так, да не так. К этому мы еще вернемся. А сейчас поговорим о пресловутом кладе. Мы уже две недели выбиваемся из сил, живем среди крови и преступлений, а на горизонте — ничего!

Ворский пожал плечами:

— Ты глупеешь не по дням, а по часам, мой бедный Отто. Тебе известно, что прежде нужно кое-что сделать. Пока сделано все, кроме одного. Через несколько минут мы покончим и с этим, и тогда клад — у нас в руках.

— Откуда нам это знать?

— Неужели ты думаешь, что я стал бы делать все, что сделал, если бы не был уверен в результате так же… так же, как в том, что живу? У нас все шло строго по порядку, как было намечено заранее. Последнее действие произойдет в условленный час, и тогда дверь откроется.

— Дверь в ад, — насмешливо заметил Отто, — так, во всяком случае, называл ее Магеннок.

— Как бы ее ни называли, она ведет к кладу, который я и добуду.

— Ладно, — согласился Отто, на которого до-

воды Ворского произвели впечатление, — пусть будет так. Но кто поручится, что мы получим свою долю?

— Вы ее получите по той простой причине, что, добыв клад, я стану обладателем несметных сокровищ и не доставлю себе неприятности из-за каких-то двухсот тысяч франков.

— Даете слово?

— Ну разумеется.

— Слово, что все условия нашего договора будут соблюдены?

— Конечно. А к чему это ты клонишь?

— А к тому, что вы гнусно нас облапошили, наплевав на одно из условий нашего соглашения.

— Да что ты такое несешь? Ты понимаешь, с кем говоришь?!

— С тобой, Ворский, с тобой.

Ворский схватил сообщника за грудки:

— Это еще что?! Да как ты смеешь меня оскорблять?! Как смеешь мне тыкать?!

— А почему бы и нет, раз ты меня обобрал?

Еле сдерживаясь, Ворский сказал дрожащим голосом:

— Говори, но будь начеку, малыш, — ты затеял очень опасную игру.

— Значит, так, — начал Отто. — Кроме кла-

да, то есть наших двухсот тысяч франков, мы договорились — и ты, подняв руку, поклялся в этом, — что любые деньги, которые мы найдем, пока занимаемся этим делом, будут поделены на две половины: одна — тебе, другая — нам с Конрадом. Так?

— Так.

— Тогда давай, — потребовал Отто, протягивая руку.

— Что давать? Я ничего не нашел.

— Врешь! Когда мы отправляли на тот свет сестер Аршиньа, у одной из них под блузкой ты нашел те припрятанные деньги, которые мы не смогли отыскать в доме.

— Вот еще новости! — воскликнул Ворский тоном, в котором слышалось смущение.

— Это чистая правда.

— Докажи.

— А ты возьми да достань приколотый у тебя изнутри к рубахе пакетик, перевязанный бечевкой. — С этими словами Отто ткнул Ворского пальцем в грудь и добавил: — Доставай, доставай — и выкладывай половину.

Ворский молчал. Он был ошеломлен, как человек, который тщетно пытается догадаться, каким образом противник раздобыл оружие против

него.

— Сознаёшься? — осведомился Отто.

— Ну… да… — нехотя ответил тот. — Но я намеревался рассчитаться потом, отдать вам все сразу.

— Лучше рассчитайся сейчас.

— А если я откажусь?

— Не откажешься.

— А если все-таки откажусь?

— Тогда берегись.

— А чего мне бояться? Ведь вас всего двое.

— Нет, по крайней мере трое.

— Где же третий?

— Третий, судя по рассказам Конрада, далеко не простачок… Короче, это тот, кто только что обвел тебя вокруг пальца, — человек в белой накидке, пустивший стрелу.

— Ты что же, собираешься его позвать?

— Вот именно, черт возьми!

Ворский почувствовал, что силы неравны. Сообщники медленно приближались к нему с обеих сторон. Пришлось уступить.

— Да забирайте, ворюги, разбойники! — вскричал он, доставая сверток и разворачивая банкноты.

— Считать можешь не трудиться, — заметил

Отто и неожиданно выхватил у него всю пачку.

— Но…

— Никаких «но». Половина Конраду, половина — мне.

— Ах, скотина! Гнусный бандит! Ты за это поплатишься! На деньги мне плевать! Но ограбить меня так нагло? Не хотел бы я оказаться в твоей шкуре, дорогой мой! — И он вдруг расхохотался злобным, натянутым смехом. — Ей-богу, Отто, это было неплохо сработано! Но как ты мог узнать об этом? Ты мне расскажешь, а? Впрочем, сейчас нельзя терять ни минуты. Итак, теперь-то мы обо всем договорились? Вы готовы?

— Охотно, потому что вы отнеслись к этому правильно, — ответил Отто.

А его сообщник угодливо добавил:

— Все-таки манеры у вас, Ворский, будь здоров! Настоящий барин!

— А ты — слуга, которому платят. Тебе заплатили, так что поторапливайся. Дело спешное.

«Дело», как выразился этот страшный тип, было и впрямь сделано быстро. Поднявшись снова на лестницу, Ворский повторил распоряжение, которое на этот раз было послушно выполнено Конрадом и Отто.

Поставив жертву на ноги и не давая ей упасть,

мерзавцы стали подтягивать веревку. Ворский подхватил несчастную, и так как ноги у нее были подогнуты, грубо их выпрямил. Затем он привязал ее за талию и под мышками, и она так и повисла: спина прижата к дереву, платье облепило ноги, руки чуть разведены в стороны.

Казалось, она так и не очнулась от забытья, поскольку даже не застонала. Ворскому захотелось сказать ей напоследок несколько слов, но он смог выдавить из себя лишь какие-то неразборчивые звуки. После этого он попробовал было приподнять ей подбородок, но тут же отдернул руку, испугавшись прикоснуться еще раз к осужденной на смерть, и голова несчастной низко свесилась на грудь.

Наконец он спустился на землю и пробормотал:

— Коньяка, Отто… Фляга у тебя!.. А, черт, что за гадость!

— Но еще не поздно, — заметил Конрад.

— Не поздно? Что — не поздно? Освободить ее? Послушай, Конрад, да я скорее предпочту… предпочту занять ее место. Бросить задуманное? Ах, если бы ты знал, что я задумал, какова моя цель! — Он еще раз отпил из фляги. — Прекрасный коньяк, но для бодрости я предпочел бы ром.

У тебя нет, Конрад?

— Тут в бутылке немного осталось…

— Давай.

Из опасения, что их могут увидеть, они завесили фонарь и уселись под деревом, не испытывая ни малейшего желания разговаривать. Однако новая порция спиртного ударила им в голову. Ворский, придя в невероятное возбуждение, принялся ораторствовать:

— Никакие объяснения вам не нужны. Вы не должны даже знать имя той, что здесь умирает. Достаточно будет, если я скажу, что это — четвертая женщина, которая должна умереть на распятии, и что рок судил ей именно такую смерть. Но одно я все-таки смогу вам сообщить — в час, когда триумф Ворского ослепит вас. Я сделаю это даже с известной гордостью, потому что если все происходившее до сих пор зависело от меня и моей воли, то все, что будет происходить теперь, зависит от воли могущественнейших сил, от воли сил, работающих на Ворского! — И как будто эти два слова ласкали ему губы, он повторил несколько раз: — На Ворского!.. На Ворского!..

Он вскочил: неудержимый наплыв мыслей заставлял его расхаживать взад и вперед и жестикулировать.

— Ворский, сын короля, Ворский, избранник судьбы, готовься. Ты — или последний авантюрист и самый преступный из всех великих преступников, запятнанных чужой кровью, или действительно всевидящий пророк, которого боги венчают славой. Сверхчеловек или бандит. Таков приговор судьбы. Биения сердца священной жертвы, принесенной богам, отсчитывают последние секунды. Прислушайтесь же, вы двое!

Он взобрался на лестницу и попытался уловить стук утомленного сердца. Однако свесившаяся налево голова жертвы не позволила ему приложить ухо к ее груди, а прикоснуться к женщине он не осмелился. В тишине раздавалось лишь ее прерывистое хриплое дыхание.

Ворский тихо проговорил:

— Вероника, ты меня слышишь?.. Вероника… Вероника… — Помолчав немного, он продолжил: — Ты должна знать… Да, я сам страшусь того, что сделал. Но это — рок. Помнишь пророчество: «Твоя жена умрет на кресте»? Да одно твое имя, Вероника, вызывает к жизни это пророчество! Вспомни: святая Вероника утерла платом лицо Христа и на этом плате остался отпечаток лица Спасителя… Вероника, ты слышишь меня, Вероника?

Поспешно спустившись с лестницы, Ворский выхватил у Конрада бутылку рома и одним глотком прикончил ее.

И тут у него начался бред: он принялся бормотать что-то на непонятном его сообщникам языке. Затем стал оскорблять невидимых противников и задевать богов, изрыгая брань и святотатства:

— Ворский сильнее всех! Ворский властвует над судьбой! Все стихии и тайные силы должны ему повиноваться. Все будет так, как решит он, великая тайна откроется ему в мистических формах и по законам каббалистики. Ворского ожидают как пророка. Ворский будет встречен криками радости и восторга, и кто-то, кого он не знает и лишь предвидит, встанет перед ним с пальмовой ветвью и благословениями. Так пусть же этот некто готовится! Пусть появится из мрака, пусть восстанет из ада! Вот он — Ворский. Пусть под звон колоколов и крики «аллилуйя» вспыхнет на небесах вещий знак, а земля разверзнется и изрыгнет языки пламени!

Он помолчал, словно бы вглядываясь в пространство в ожидании пророческих знаков. Сверху донесся предсмертный хрип жертвы. Вдалеке гремел гром, молнии раздирали надвое черные тучи. Казалось, вся природа откликну-

лась на призыв негодяя.

Его напыщенные разглагольствования и мимика комедианта произвели на приспешников сильное впечатление.

Отто прошептал:

— Он меня напугал.

— Это все ром, — заметил Конрад. — Но слова он и впрямь говорит страшные.

— Слова, которые кружат около нас, — подхватил Ворский, не упустивший ни звука из их разговора, — которые принадлежат к сегодняшнему часу и завещаны нам веками. Это — словно чудесное разрешение от бремени. Говорю вам, вы будете смущенными его свидетелями. Отто и Конрад, будьте готовы: земля задрожит, а в месте, где Ворский завладеет Божьим Камнем, к небесам поднимется огненный столп.

— Он уже сам не понимает, что несет, — пробурчал Конрад.

— Опять он залез на лестницу, — вздохнул Отто. — Того и гляди в него ударит молния.

Но возбуждение Ворского уже не знало границ. Конец близился. Измученная жертва агонизировала.

Сначала тихо, чтобы слышала только она, затем все громче и громче Ворский продолжил:

— Вероника… Вероника… Ты выполняешь свое предназначение… Ты уже почти у конца восхождения… Слава тебе! Частичка моего триумфа принадлежит и тебе. Слава! Прислушайся! Ты уже слышишь, не правда ли? Раскаты грома близятся. Враги мои побеждены, тебе нечего больше рассчитывать на помощь! Это последние биения твоего сердца… Твой последний стон… *Или`, Или`! лама` савахфани?* Боже Мой, Боже Мой! Для чего Ты Меня оставил?

Ворский засмеялся как безумный, словно его рассмешило некое весьма игривое воспоминание. Затем настала тишина. Раскаты грома стихли. Ворский наклонился и внезапно возгласил с верхней ступеньки лестницы:

— Или́, Или́! лама́ савахфани? Боги оставили ее! Смерть сделала свое дело. Последняя из четырех женщин мертва. Вероника умерла. — Снова помолчав, он дважды проревел: — Вероника умерла! Вероника умерла!

И опять воцарилась напряженная тишина.

Внезапно земля вздрогнула, но не от очередного удара грома, а внутренним, глубинным содроганием, идущим из самых ее недр и прокатившимся несколько раз, словно эхо, которое отдается среди лесов и холмов.

И почти в ту же секунду неподалеку, у стоявших полукругом дубов, струя огня поднялась к небу в вихре дыма, в котором плясали красные, желтые и лиловые искры.

Ворский не произнес ни слова. Его соратники тоже остолбенело молчали. В конце концов один из них прошептал:

— Это старый трухлявый дуб, уже сожженный молнией.

И хотя пожар почти сразу погас, перед глазами у них все еще стояло фантастическое зрелище: охваченный пламенем старый дуб, изрыгающий огонь и разноцветный дым.

— Здесь выход, ведущий к Божьему Камню, — сурово проговорил Ворский. — Как я и обещал, судьба заговорила, и заставил ее заговорить я, который прежде был ее слугой, а отныне стал хозяином.

Взяв в руки фонарь, он подошел к дубу. Все трое были чрезвычайно удивлены, когда увидели, что на дереве нет никаких следов пожара, а сухие листья, скопившиеся между несколькими нижними ветвями, даже не опалены.

— Еще одно чудо, — заметил Ворский. — Все происходящее — недоступное пониманию чудо.

— Что мы теперь будем делать? — осведомился

Конрад.

— Проникнем в открывшийся перед нами вход. Принеси лестницу, Конрад, и пошарь рукой в этой куче листьев. В дереве есть дупло, и мы увидим…

— Дупло или не дупло, — возразил Отто, — но есть и корни, а лезть между корнями я не согласен.

— Еще раз говорю: мы там увидим… Да отгреби же листья, Конрад, подними их.

— Не буду, — кратко ответил Конрад.

— Как — не будешь? Почему?

— А вы помните Магеннока? Помните, что после того, как он вздумал прикоснуться к Божьему Камню, ему потом пришлось отрубить себе руку?

— Да ведь Божий Камень вовсе не здесь! — попробовал поднять его на смех Ворский.

— Откуда вам знать? Магеннок все время твердил о воротах в ад. Разве не это он имел в виду?

Ворский пожал плечами:

— И ты боишься, Отто?

Отто не ответил. Ворский тоже не спешил рисковать и поэтому проговорил:

— Впрочем, спешить нам ни к чему. Дождемся рассвета. Срубим дерево и тогда увидим, с чем

мы имеем дело и как нам быть.

На том и порешили. Но поскольку чудесное знамение могло быть замечено и другими, сообщники, не желая позволить себя опередить, решили обосноваться прямо перед деревом, в сени огромной плиты Дольмена Фей.

— Отто, — приказал Ворский, — ступай в Монастырь и принеси чего-нибудь выпить, да захвати топор, веревки и что там еще нужно.

Начался проливной дождь. Сообщники забрались под дольмен и решили по очереди дежурить: один бодрствует, остальные спят.

Ночь прошла без происшествий. Гроза разразилась не на шутку. С моря долетал рев волн. Потом буря понемногу стихла. На рассвете сообщники принялись за дуб и с помощью топора и веревки свалили его на землю.

Осмотрев пень, они обнаружили среди гнилых щепок нечто вроде лаза в песке и камнях, скопившихся между корнями.

Расчистив его киркой, они увидели полузасыпанные ступени, спускавшиеся куда-то вниз, в темноту. Когда засветили фонарь, под ними открылась пещера.

Ворский рискнул спуститься первым, остальные осторожно последовали за ним.

Первые ступени лестницы были вырезаны в земле и укреплены камнями, дальше же шли ступени, вырубленные прямо в скале. Пещера, в которую они попали, не представляла собой ничего особенного и служила, по-видимому, чем-то вроде прихожей. Она примыкала к некоему подобию склепа с круглым сводом, стены которого были сложены из крупных камней всухую, без связующего раствора.

Вокруг, словно незавершенные статуи, стояли двенадцать невысоких менгиров, увенчанных черепами лошадей. Ворский дотронулся до одного из этих черепов, и тот свалился в пыль.

— Более двадцати веков никто не входил в этот склеп, — заявил он. — Мы первыми ступаем на эту землю, первыми смотрим на сохранившиеся здесь следы прошлого. — И, опять ударившись в пафос, он добавил: — Это — усыпальница великого вождя. Таких хоронили вместе с любимыми лошадьми и оружием. Смотрите, вот топоры, кремневый нож… Кроме того, я вижу следы похоронных обрядов: вот куча древесного угля, а здесь — обугленные кости… — От волнения голос его пресекся. Он прошептал: — Я первый проник сюда. Меня здесь ждут. Уснувший мир пробуждается при моем появлении…

Конрад перебил:

— Тут есть другой ход, он куда-то ведет; вдалеке виден свет.

По узкому коридору они пробрались во второй зал, а через него — в третий.

Все три склепа, как три капли воды, походили один на другой. Та же каменная кладка, те же стоящие вертикально камни, те же лошадиные черепа.

— Три гробницы великих вождей, — подытожил Ворский. — Очевидно, за ними должна быть усыпальница короля. При жизни они были его соратниками и после смерти продолжали стеречь его покой. Король, наверное, в следующем склепе.

Войти туда Ворский никак не мог решиться — и не из страха, а из-за чрезмерного возбуждения и чувства непомерного тщеславия, которое его распирало.

— Скоро я все узнаю, — разглагольствовал он. — Ворский дошел до цели, ему осталось лишь протянуть руку, чтобы получить царское вознаграждение за свои труды и битвы. Божий Камень здесь. На протяжении многих веков люди пытались похитить у этого острова его секрет, но это не удалось никому. Явился Ворский, и Божий

Камень — его. Пусть же он предстанет передо мной и наградит меня обещанным могуществом. Меж ним и Ворским — ничего… Ничего, кроме моей воли. И я ее изъявляю! Из мрака появился пророк. Вот он. Если в этом царстве мертвых есть призрак, которому поручено отвести меня к волшебному камню и возложить мне на чело золотую корону, пусть он явится! Ворский здесь!

И с этими словами он вошел.

Четвертый зал оказался куда просторнее других и был увенчан куполом, несколько приплюснутым сверху. Посреди плоской части купола находилось круглое отверстие, нечто вроде узкой трубы, сквозь которую падал сноп приглушенного света, образовывавший на полу четкий круг.

Центр этого круга занимал сложенный из камней постамент. На нем, словно в выставочном зале, лежал металлический жезл.

В остальном зал не отличался от предыдущих: в нем были и менгиры с лошадиными черепами, и остатки жертвоприношений.

Ворский не сводил взгляда с металлического жезла. Странное дело: он блестел, словно на нем не было ни пылинки. Ворский протянул к нему руку.

— Нет-нет, — поспешно проговорил Конрад.

— Почему это?

— А может, именно к нему Магеннок притронулся и сжег себе руку.

— Глупости.

— И все же…

— Я не боюсь! — воскликнул Ворский и схватил жезл.

Это был свинцовый скипетр, сделанный довольно грубо, однако не без потуг на некоторое изящество. Ручку жезла украшала вырезанная в свинце змея. Ее непропорционально большая голова ощетинилась серебряными гвоздиками и маленькими зеленоватыми прозрачными камешками, напоминавшими изумруды.

— Неужели Божий Камень? — прошептал Ворский.

С почтительным страхом он принялся вертеть в руках жезл, разглядывая его со всех сторон, и вскоре обнаружил, что головка змеи чуть шатается. Он принялся ее раскачивать, пытался повернуть влево или вправо, и наконец что-то щелкнуло, и она отделилась от жезла.

Внутри жезл оказался полым. А в отверстии лежал камень — небольшой, красноватый, с желтыми, похожими на золотые, прожилками.

— Это он! Он! — воскликнул потрясенный

Ворский.

— Не прикасайтесь к нему! — испуганно предупредил Конрад.

— То, что обожгло Магеннока, Ворского не обожжет, — степенно ответил тот.

Хвастливым жестом, переполненный гордостью и счастьем, он схватил таинственный камень и изо всех сил сжал его в ладони:

— Пусть он обожжет меня, я согласен! Пусть въестся в мою плоть, я буду только счастлив!

Вдруг Конрад подал какой-то знак и приложил палец к губам.

— В чем дело? — осведомился Ворский. — Ты что-то услышал?

— Да, — подтвердил Конрад.

— Я тоже, — добавил Отто.

Действительно, где-то неподалеку раздавался ровный, ритмичный звук, который то повышался, то понижался, напоминая какую-то странную мелодию.

— Но это ж совсем рядом! — негромко сказал Ворский. — Похоже, что даже в этом зале.

Как они вскоре убедились, звук и в самом деле раздавался где-то в зале и, вне всякого сомнения, больше всего походил на храп.

Конрад, первым высказавший это предпо-

ложение, первым и рассмеялся. Но Ворский признался:

— Ей-богу, я уже начинаю думать, что ты прав. И впрямь кто-то храпит. Неужели тут кто-то есть?

— Звук идет оттуда, из того вот темного угла, — определил Отто.

Свет в зале доходил только до менгиров. Позади них в стене было несколько темных углублений. Ворский направил в одно из них свет фонаря и тут же изумленно воскликнул:

— Там… там кто-то есть! Смотрите!

Сообщники приблизились. На куче щебня, возвышавшейся у стены, спал человек — седобородый старик с длинными, тоже седыми волосами. Кожу его лица и рук прорезывали тысячи морщин. Вокруг глаз синели круги. На вид ему было не менее ста лет. Латаный-перелатаный льняной хитон укрывал его с головы до ног. С шеи на грудь свисали четки из священных шариков морских ежей, которым галлы дали прозвище «змеиных яиц». Рядом с ним виднелся красивый топорик из жадеита, покрытый неразборчивыми письменами. Далее лежали в ряд острые куски кремня, большие плоские кольца, две зеленые яшмовые подвески и два ожерелья из голубой

перегородчатой эмали.

Старик как ни в чем не бывало продолжал храпеть.

Ворский прошептал:

— Чудеса продолжаются. Это жрец… как те, что были когда-то во времена друидов.

— Ну и что? — осведомился Отто.

— А то, что он ждет меня.

Конрад высказал довольно жестокое предложение:

— Я проломил бы ему голову топором, да и вся недолга.

Но Ворский разгневался:

— Если тронешь хоть волосок у него на голове, считай, что ты покойник.

— Но ведь…

— Что ты хочешь сказать?

— А вдруг это враг? Вдруг это тот, за кем мы гонялись вчера вечером? Вспомните: на том тоже была белая накидка.

— Болван! Неужели ты думаешь, что в своем возрасте он смог бы так бегать?

Ворский наклонился, нежно взял старика за руку и проговорил:

— Просыпайтесь. Это я.

Никакого ответа. Старик продолжал спать.

Ворский повторил попытку.

Старик повернулся на своем каменном ложе, что-то пробормотал и уснул опять.

Начиная проявлять нетерпение, Ворский возобновил свои попытки, но уже энергичнее и в повышенных тонах:

— Эй, вы, послушайте! Не можем же мы торчать тут до бесконечности! Вставайте!

С этими словами он сильно потряс старика. Тот раздраженно оттолкнул надоедливую руку, вновь на несколько секунд погрузился в сон, потом устало повернулся и злобно бросил:

— Катись ты!

Глава четырнадцатая
Старый друид

Трое сообщников, которые знали французский до тонкости, включая и жаргонизмы, ни на секунду не усомнились в подлинном значении столь неожиданного восклицания. Они буквально остолбенели.

Ворский обратился к Конраду и Отто:

— А? Что он сказал?

— Да то, что вы слышали, то и сказал, — отозвался Отто.

После этого Ворский предпринял еще одну попытку и снова потряс незнакомца за плечо. Тот повернулся на своем ложе, потянулся, зевнул, попробовал опять погрузиться в сон, но потом вдруг сдался и, сев, проговорил:

— Какого черта! Неужели даже в этой дыре нельзя спокойно выспаться? — Жмурясь от слепящего света фонаря, он добавил: — В чем дело? Что вам от меня нужно?

Ворский поставил фонарь на выступ в стене, и свет упал ему на лицо. Старик, продолжавший изливать свое дурное настроение в нечленораз-

дельных восклицаниях, взглянул на собеседника, успокоился, весь озарился дружелюбной улыбкой и, протянув вперед руки, воскликнул:

— Ах вот оно что! Это ты, Ворский? Как дела, дружище?

Ворский так и отпрянул. Его вовсе не удивило, что старик знает его и даже называет по имени, поскольку он испытывал некое мистическое убеждение, что его ждут здесь как пророка. Но ему — пророку, славному и причастному тайнам миссионеру, представшему перед старцем, обремененным как возрастом, так и священническим саном, — было обидно услышать в свой адрес слово «дружище».

Полный колебаний и тревоги, не понимая, с кем имеет дело, Ворский осведомился:

— Кто вы? Почему вы здесь? Как вы сюда попали? — И поскольку собеседник удивленно уставился на него, Ворский добавил уже резче: — Отвечайте же, кто вы такой?

— Кто я такой? — повторил хриплым и дрожащим голосом старик. — Стало быть, кто я такой? Клянусь Тевтом, божеством галлов, он еще спрашивает! Так ты меня не узнаешь? Ну-ка,

вспомни: Сегенаг, а? Помнишь? Отец Веледы?[12] Добряк Сегенаг, почтенный судья у редонцев, о котором Шатобриан говорит в первом томе своих «Мучеников»? А, я вижу, ты начинаешь что-то припоминать.

— Да что это вы несете? — вскричал Ворский.

— Я ничего не несу, а просто объясняю, почему я здесь и какие печальные события когда-то привели меня сюда. Оскорбленный скандальным поведением Веледы, которая согрешила с мрачным Евдором[13], я подался, как теперь говорят, в трапписты[14], то есть блистательно сдал экзамен на друида. Потом, после кое-каких шалостей… право, тут и говорить-то не о чем, так, сущая безделица… короче, после загулов в столице, где меня привлекали «Мабиль»[15], а позже

---

[12] Сноски: 12

Веледа — жрица и пророчица у кельтов во времена императора Веспасиана. Подняла восстание в Северной Галлии, но потерпела поражение и погибла в плену в Риме.

[13] Сноски: 13

Евдор — один из главных героев поэмы в прозе Шатобриана «Мученики».

[14] Сноски: 14

Трапписты — монашеский орден, славившийся особой суровостью правил.

[15] Сноски: 15

«Мабиль» — известный парижский танцевальный зал XIX в.

«Мулен Руж», мне пришлось согласиться на это место — тихое и спокойное, как видишь, — место хранителя Божьего Камня. В общем, я попал в глубокий тыл.

С каждым словом старика беспокойство и ошеломление Ворского росли. Он решил посоветоваться со своими спутниками.

— Да проломите вы ему голову, говорю вам, — настаивал Конрад.

— А ты как думаешь, Отто?

— Думаю, нужно быть поосторожнее.

— Вот именно, нужно быть поосторожнее.

Но Старый Друид услышал эти последние слова. Опершись на палку, он встал и воскликнул:

— Что это значит? Быть со мною поосторожнее? Ничего себе! Значит, по-вашему, я враль? Ты что, не видел моего топорика с каббалистическим знаком солнца на рукоятке? А это, по-твоему, что такое? — Старик указал на свои четки из морских ежей. — Кроличий помет, что ли? Ну вы и наглецы! Назвать кроличьим пометом яйца змеи, «которым она придает форму своею слюной и пеной и которые потом вместе с шипением выбрасывает в воздух». Это сказал Плиний, не кто-нибудь! Надеюсь, ты не считаешь, что Плиний тоже враль? Ну ты и тип! Быть со мною

поосторожнее, когда у меня целая куча дипломов друида, патентов, аттестатов, свидетельств, подписанных Плинием и Шатобрианом! Какая наглость! Да где ты еще найдешь такого Старого Друида, как я, — настоящего, из тех времен, с патиной лет и вековой бородой? Я — враль? Я, знающий как свои пять пальцев все древние обычаи и традиции? Хочешь, я станцую тебе пляску Старого Друида — ту, какую танцевал перед Юлием Цезарем? Хочешь?

И, не дожидаясь ответа, старик отбросил свою клюку и принялся с необычайной ловкостью откалывать неистовые и фантастические коленца. Зрелище было невероятно комичное: согбенный старик подпрыгивал и вертелся, размахивал руками, выкидывал ноги из-под хитона то вправо, то влево, борода его повторяла все повороты тела, а хриплый голос объявлял па одно за другим:

— Шаг Старого Друида, или Отрада Юлия Цезаря! Оп!.. Танец священной омелы, в просторечии называемый просто па-д'омела!.. Вальс змеиных яиц на музыку Плиния… Оп! Оп! Что за линия!.. «Ворская», или «Танго Тридцати Гробов»!.. Гимн Алого пророка! Аллилуйя! Слава пророку!

Старец еще несколько минут продолжал свои неистовые прыжки, а потом вдруг резко остано-

вился перед Ворским и без тени улыбки сказал:

— Ладно, хватит болтать. Поговорим серьезно. Мне поручено вручить тебе Божий Камень. Теперь, когда я тебя убедил, ты готов получить товар?

Трое сообщников вконец оторопели. Ворский не знал, что ему делать, будучи не в силах понять, что это за престранная личность.

— Да чего вам от меня надо?! — со злостью вскричал он. — Чего вы хотите?

— Как это — чего я хочу? Да я же только что сказал: вручить тебе Божий Камень.

— Но по какому праву? Кто вас уполномочил?

Старый Друид закивал:

— А, теперь я понял. Все идет не так, как ты предполагал. Ты ведь явился сюда трепещущий, гордый и счастливый, что сделал свое дело. Ну посуди сам: за тобой — начинка для тридцати гробов, четыре распятые женщины, кораблекрушения. У тебя руки по локоть в крови, а карманы полны злодейств. Это ведь все не шуточки, так что ты ждал торжественного приема с официальной церемонией, человеческими жертвоприношениями, звуками фанфар, античным хором, процессией священников, ученых и бардов с дароносицами в руках — короче гово-

ря, всяких фиглей-миглей, истинных галльских увеселений! А вместо этого — какой-то дурацкий Старый Друид, который дрыхнет себе в углу и без обиняков предлагает тебе принять товар. Какой провал, судари мои! Но что тут скажешь: каждый делает что может и в соответствии со средствами, которыми располагает. Я, Ворский, в золоте не купаюсь и уже потратил на тебя, если не считать платы за стирку нескольких белых хитонов, тринадцать франков сорок сантимов, которые отдал за бенгальские свечи, фонтаны пламени и ночное землетрясение.

Внезапно все поняв, Ворский содрогнулся:

— Что вы такое говорите? Как? Это были…

— Ну конечно это был я! А ты кого бы хотел? Святого Августина? Или, может, ты ожидал божественного вмешательства и решил, что вчера вечером боги послали на остров архангела в белом хитоне, чтобы тот проводил тебя к дубу с дуплом? Право, Ворский, это уж слишком.

Ворский сжал кулаки. Значит, человек в белом, за которым он носился накануне, — не кто иной, как этот обманщик!

— Ну вот что! — прорычал он. — Я не очень-то люблю, когда мне дурят голову!

— Дурят голову? — воскликнул старик. — Хо-

рошенькое дело! А кто вчера гонял меня, словно дикого зверя, так что я чуть дух не испустил? А кто всадил две пули в мой хитон номер один? Ну ты и субчик! Что ж, будет мне впредь наука! Вот не стоит всякой ерундой заниматься!

— Ну хватит, хватит, — проговорил вконец измученный Ворский. — Довольно! Последний раз спрашиваю: чего вам от меня нужно?

— Я уже устал тебе объяснять. Мне поручено передать тебе Божий Камень.

— Кем поручено?

— Да понятия не имею! Просто я всегда знал, что в один прекрасный день на Сареке появится некий Ворский, немецкий принц, который сразит тридцать жертв, и, когда тридцатая испустит последний вздох, я должен буду дать сигнал. Ну и поскольку я обязан был выполнить это поручение, то я и подготовил все, что нужно: купил в Бресте в скобяной лавке две бенгальские свечи по три франка семьдесят пять сантимов штука и несколько превосходных петард, а в назначенный срок залез на свой наблюдательный пункт со свечой наготове. Когда ты проорал с дерева: «Она умерла! Она умерла!», я решил, что момент настал, зажег бенгальские свечи и с помощью петард устроил землетрясение. Вот и все. Теперь

ты все знаешь.

Сжав кулаки, Ворский двинулся на старика. Многословие Старого Друида, его несокрушимое спокойствие, краснобайство, насмешливый тон — все это вывело Ворского из себя.

— Еще одно слово, и я тебя прикончу! — заорал он. — С меня хватит!

— Тебя зовут Ворский?

— Да, и что дальше?

— Ты немецкий принц?

— Да, да, и что же?

— Ты сразил тридцать жертв?

— Да, да, да!

— Стало быть, ты тот, кто мне нужен. Я должен вручить тебе Божий Камень и вручу, чего бы мне это ни стоило. Уж таков я! Можешь теперь подавиться своим волшебным камнем!

— Да плевать я хотел на Божий Камень! — затопав ногами, взвыл Ворский. — И на тебя мне плевать! Никто мне не нужен. Божий Камень! Да он уже у меня!

— Ну-ка, покажи.

— А это, по-твоему, что? — осведомился Ворский, доставая из кармана шарик, найденный в ручке жезла.

— Это? — с удивлением переспросил старик. —

Откуда ты это выудил?

— Из ручки скипетра, которую мне пришло на ум отвинтить.

— И что же это такое?

— Кусочек Божьего Камня.

— Ну ты и болван!

— А по-твоему, что это?

— Это? Пуговица от штанов.

— Что-что?

— Пуговица от штанов.

— Откуда ты знаешь?

— Пуговица от штанов с отломанным ушком, какими пользуются негры в Сахаре. У меня есть еще одна такая же.

— Да откуда ты знаешь, черт бы тебя подрал?

— Я сам ее туда положил.

— Зачем?

— Вместо драгоценного камня, стянутого Магенноком, — того самого, что обжег ему руку так, что ее потом пришлось отрубить.

Ворский умолк. Он ровным счетом ничего не понимал. Он не знал, что ему делать и как себя вести с этим странным человеком.

Старый Друид подошел и нежно, отеческим тоном проговорил:

— Нет, дружок, без меня ты отсюда не выйдешь.

Только у меня есть ключ, только мне известно волшебное слово. Почему ты колеблешься?

— Я вас не знаю.

— Дитя мое! Если бы я предложил тебе что-нибудь непорядочное, несовместимое с твоими понятиями о чести, тогда мне были бы понятны твои сомнения. Но мое предложение не может задеть даже самую щепетильную совесть. Ну что, согласен? Нет? Великий Тевт! Что же тебе еще нужно, о недоверчивый Ворский? Может, чудо? Господи, да чего ж ты раньше не сказал? Я ж могу творить их сколько влезет! Угощаясь каждое утро чашечкой кофе с молоком, я делаю маленькое чудо. Подумай только: Старый Друид пьет кофе! Да у меня лавочка битком набита всякими чудесами, даже сесть некуда. Что ты предпочитаешь? Воскрешающие лучи? Или лучи для роста волос? А может, лучи для угадывания будущего? Что угодно — на выбор. Да вот, кстати: в котором часу тридцатая жертва испустила последний вздох?

— Откуда я знаю!

— В одиннадцать пятьдесят две. Ты так разволновался, что в этот миг у тебя стали часы. Посмотри-ка!

Это была какая-то нелепость. Потрясение, вызванное сильными переживаниями, никак

не может отразиться на часах переживающего. Однако Ворский, сам того не желая, вытащил часы: они показывали одиннадцать пятьдесят две. Он попробовал было их завести, но увидел, что часы сломались.

Не давая ему опомниться, Старый Друид продолжил:

— Ты изумлен, да? А между тем для мало-мальски знающего друида это пустяк. Друид видит невидимое. Более того, он, если нужно, может сделать это видимым. Ворский, хочешь увидеть то, чего не существует? Как тебя зовут? Я не имею в виду твою фамилию — Ворский, я имею в виду твою настоящую фамилию — фамилию твоего папочки.

— Об этом — ни слова, — прошипел Ворский. — Эту тайну я не раскрою никому.

— Тогда зачем ты ее записал?

— Я ее не писал.

— Ворский, фамилия твоего папочки записана красным карандашом на четырнадцатой странице записной книжки, которая у тебя с собой. Посмотри.

Машинально, словно автомат, движения которого направляются чужою волей, Ворский достал из внутреннего кармана жилета бумажник,

в котором лежала тетрадочка из сшитых вместе чистых листков. Дойдя до четырнадцатой страницы, он с неописуемым ужасом пробормотал:

— Но это невозможно! Кто это написал? И вам известно, что здесь написано?

— Доказать?

— Нет-нет, ни слова! Я запрещаю…

— Как хочешь, старина. Я только хотел, чтоб ты понял. А мне это ничего не стоит! Когда я начинаю творить чудеса, то не знаю удержу. А, вот еще забавная штука! Ты ведь носишь под рубахой медальон на серебряной цепочке?

— Ношу, — с лихорадочно горящими глазами ответил Ворский.

— И он пуст, там сейчас нет фотографии, которую ты носил в нем прежде?

— Да. Там был портрет…

— Твоей матери, знаю, и ты его потерял.

— Потерял… В прошлом году.

— Точнее, считаешь, что потерял.

— Вот еще! Медальон же пуст.

— Ты считаешь, что он пуст. Это не так. Взгляни-ка.

Вытаращив глаза, Ворский так же механически расстегнул пуговицу и потянул за цепочку. Появился медальон. В круглой золотой рамке

виднелся женский портрет.

— Это она, она… — ошарашенно прошептал Ворский.

— Точно?

— Да.

— Ну и что ты обо всем этом скажешь? Никакой фальши, никакого жульничества. Старый Друид всегда в форме! Готов ли ты теперь следовать за ним?

— Готов.

Ворский сдался. Этот человек его покорил. Суеверность Ворского, его атавистическая вера в таинственные силы, вся его беспокойная и неуравновешенная натура вынуждали его к безусловному повиновению. Недоверие в нем осталось, но оно уже не мешало ему подчиниться. Он спросил:

— Это далеко?

— Рядом. В большой гостиной.

Отто и Конрад, вконец опешив, молча слушали этот диалог. Конрад попробовал было что-то возразить, но Ворский оборвал его:

— Если ты боишься, проваливай. Однако… — с нажимом добавил он, — однако мы пойдем с револьверами наготове. При малейшей опасности стреляй.

— Стрелять в меня? — насмешливо поинтересовался Старый Друид.

— Мы выстрелим в любого врага, будьте покойны.

— Ладно, иди вперед, покойный Ворский.

Тот не двигался с места, и старик расхохотался:

— Покойный Ворский! Ты, кажется, находишь, что это не смешно? Впрочем, я тоже. Но пошутить-то можно… Ну так что, идешь ты или нет?

Он повел их в дальний конец склепа, и там луч фонаря выхватил из темноты узкое отверстие в нижней части стены, уходившее куда-то вниз.

Немного помявшись, Ворский нырнул в отверстие. Он прополз на четвереньках по узкому и неудобному лазу и через минуту оказался в большом зале.

Остальные последовали за ним.

Старый Друид торжественно объявил:

— Зал Божьего Камня.

Зал был просторным и величественным и своими размерами и формой напоминал площадку, находившуюся на поверхности прямо над ним. Вертикально поставленные камни, походившие на колонны громадного храма, располагались такими же рядами, как менгиры наверху, и были вырублены таким же допотопным топором

без каких бы то ни было забот об изяществе и симметрии. Пол был выложен огромными, неправильной формы плитами, которые прорезала целая система канавок и на которых сверкали круги света, лившегося откуда-то сверху.

В центре зала, прямо под садом Магеннока, стоял сложенный всухую постамент метров пяти высотой. Над ним вздымался дольмен, состоявший из мощных вертикальных колонн и лежащей на них продолговатой овальной плиты из гранита.

— Это *он*? — выдавил Ворский.

Не отвечая ему, Старый Друид заговорил:

— Что скажешь? Здорово строили наши предки, верно? А какая изобретательность! А какие меры предосторожности против нескромных взглядов разных невежд! Знаешь, откуда проникает свет? Мы ведь в подземелье, и никаких окон тут нет. В верхних менгирах сверху донизу прорезаны расширяющиеся каналы, через которые сюда и поступает много света. Солнечным днем в полдень зрелище просто феерическое. При своей художественной натуре ты завыл бы от восхищения.

— Так это он? — повторил Ворский.

— Это, безусловно, священный камень, — невоз-

мутимо подтвердил Старый Друид, — потому что он господствует над подземным жертвенником, который здесь самый главный. А под ним есть другой, защищенный дольменом, — его тебе отсюда не видно, — на нем-то и совершались самые важные жертвоприношения. Кровь стекала с постамента и через эти вот канавки попадала прямо в море.

Волнуясь все сильнее, Ворский спросил:

— Значит, это он? Давайте подойдем.

— Не стоит, — с раздражающим спокойствием остановил его старик, — это еще не тот. Есть тут и третий камень — чтобы его увидеть, тебе достаточно немного поднять голову.

— Где? Вы знаете это точно?

— Проклятье! Посмотри получше: на верхней плите, под самым сводом, который выложен чем-то вроде плит. Ну что, узрел? Та плита, что чуть сбоку и так же вытянута, как верхняя плита? Похожи как две капли воды… Но настоящая лишь одна, с фабричным клеймом, все честь по чести.

Ворский чувствовал себя обманутым. Он ожидал, что все будет гораздо сложнее, что хранилище камня будет более таинственным.

— Это — Божий Камень? — осведомился он. — Но в нем нет ничего особенного!

— Это издали, а рассмотри ты его поближе… Он с разноцветными прожилками, всякими светлыми ниточками, необычный… Одним словом, Божий Камень — он и есть Божий Камень. Но ведь ценится он не столько за внешний вид, сколько за чудесные свойства.

— О каких свойствах ты говоришь? — спросил Ворский.

— Он дарует жизнь или смерть, сам знаешь, и еще всякое другое.

— Да что же именно?

— Ты слишком много от меня хочешь, черт возьми!

— Как! Вы не знаете…

Старый Друид наклонился к Ворскому и доверительно произнес:

— Послушай, Ворский, должен тебе признаться, что я немного прихвастнул и что моя роль при всей своей неизмеримой важности… хранитель Божьего Камня — это тебе не шутка!.. — моя роль ограничена более могущественной силой, чем моя.

— Какой еще силой?

— Силой Веледы.

Ворский взглянул на старика с новым беспокойством:

— Веледы?

— Ну, в общем, той, кого я называю Веледой, последней жрицей кельтов, а как ее зовут на самом деле, я не знаю.

— А где она?

— Здесь.

— Здесь?

— Да, на камне для жертвоприношений. Она спит.

— Как — спит?

— Она спит уже многие века, уснула давным-давно. Я всегда видел ее лишь спящей целомудренным, мирным сном. Подобно Спящей красавице, Веледа ждет человека, которому назначено богами разбудить ее, и этот человек…

— Этот человек?..

— Ты, Ворский!

Ворский нахмурился. Что значит вся эта невероятная история? К чему клонит этот загадочный субъект?

Между тем Старый Друид продолжил:

— Тебе, кажется, это не по вкусу? Да брось ты, раз у тебя руки в крови, а за спиной тридцать гробов, значит только ты и имеешь право быть тем самым сказочным принцем. Уж больно ты скромен, дружок. Слушай, хочешь, я тебе скажу

кое-что? Веледа невыразимо хороша, но другой, нечеловеческой красотой. Ну как, парень, ты уже воспарил духом? Отвечай!

Ворский колебался. Он чувствовал, что опасность сгущается вокруг него, словно волна, которая вздымается, чтобы потом с силой обрушиться вниз. Но старик не унимался.

— Еще одно слово, Ворский, — я говорю тихо, чтобы твои дружки не услышали. Когда ты завернул свою мать в саван, ты оставил у нее на указательном пальце, согласно ее воле, перстень, который она никогда не снимала, волшебный перстень с большой бирюзой, окруженной маленькими камешками бирюзы, оправленными в золото. Я не ошибаюсь?

— Нет, — потрясенно прошептал Ворский, — нет, но ведь я тогда был один, этого секрета не знает никто.

— Ворский, если этот перстень окажется на указательном пальце у Веледы, тогда ты поверишь? Ты поверишь, что твоя мать из мрака могилы поручила Веледе принять тебя и вручить тебе волшебный камень?

Но Ворский уже шел к постаменту. Он быстро поднялся по ступеням, и его голова оказалась над площадкой для жертвоприношений.

— Перстень! — покачнувшись, воскликнул он. — У нее на пальце перстень!

Между двумя столбами дольмена на жертвенном столе лежала жрица в длинном белоснежном одеянии. Она лежала несколько на боку, грудью и лицом в противоположную от Ворского сторону; наброшенная на лоб ткань скрывала волосы женщины. Ее прекрасные полуобнаженные руки свешивались со стола. На указательном пальце сиял перстень с бирюзой.

— Это действительно перстень твоей матери? — поинтересовался Старый Друид.

— Да, вне всякого сомнения.

Ворский поспешно пересек пространство, отделявшее его от женщины, и, низко склонившись, почти что став на колени, всматривался в камни на перстне.

— Все сходится. У одного камня отколот кусочек, другой наполовину скрыт под загнувшимся золотым листком.

— Можешь говорить громче, — заметил старик, — она не слышит и от твоего голоса не проснется. Лучше встань и легонько проведи рукой по ее лбу. Эта магическая ласка должна вывести ее из сна.

Ворский поднялся, однако прикоснуться

к женщине не решался. Она внушала ему страх и непреодолимое почтение.

— Вы двое, не подходите, — приказал Старый Друид Отто и Конраду. — Когда Веледа откроет глаза, ее взгляду должен предстать лишь Ворский, ничто не должно отвлекать ее. Ну что, Ворский, боишься?

— Нет, не боюсь.

— Ну да, просто ты не в своей тарелке. Убивать легче, чем воскрешать, а? Ну же, не трусь! Отогни покрывало и прикоснись ко лбу. Божий Камень рядом. Действуй — и станешь властелином мира!

И Ворский, стоявший у самого жертвенного алтаря и возвышавшийся над жрицей, принялся действовать. Он медленно наклонился над недвижной фигурой. Белое покрывало мерно поднималось и опускалось от дыхания женщины. Нетвердою рукой Ворский откинул его, нагнулся и другой рукой прикоснулся к открытому лбу.

Но в этот миг рука его замерла и сам он застыл, словно человек, который чего-то не понимает и тщетно пытается понять.

— Ну что ты остолбенел, малыш? — воскликнул Друид. — Опять что-то помешало? Что-нибудь

не так? Может, тебе помочь?

Ворский молчал. Он растерянно смотрел перед собой. Ошеломление и страх на лице у него постепенно переходили в дикий ужас. На лбу у него выступили капли пота. Казалось, его глазам открылось какое-то жуткое зрелище.

Старик расхохотался:

— О боже, видел бы ты себя сейчас! Только бы последняя жрица не открыла свои божественные очи и не взглянула на твою отвратительную рожу! Спите, Веледа. Спите своим чистым сном без сновидений.

Начиная приходить в ярость, Ворский забормотал нечто нечленораздельное. Ему внезапно открылась часть правды. На губах у него вертелось слово, но он отказывался его произнести, словно боясь таким образом вдохнуть жизнь в человека, который более не существовал, в эту мертвую женщину — да-да, мертвую, хотя она и дышала, она не могла не быть мертвой, поскольку он сам ее убил. В конце концов он против своей воли, испытывая невыразимую муку, прошептал:

— Вероника… Вероника…

— Ах, ты тоже находишь, что она похожа? — ехидствовал Старый Друид. — Что ж, может быть,

ты и прав: какое-то семейное сходство. Да что там! Если бы ты своими руками не распял ту, другую, если бы своими ушами не слышал ее последний вздох, то готов был бы поклясться, что это — одна и та же женщина, что Вероника д'Эржемон жива и даже не ранена. Ни единой царапины, даже следов от веревки на руках — и тех нет. Ну посмотри же, Ворский: какое мирное лицо! Какое безмятежное спокойствие! Право слово, я начинаю думать, что ты ошибся и распял не ту женщину. Подумай-ка… Ну вот, ты уже на меня сердишься! О Тевт, приди мне на помощь! Пророк собирается меня сразить.

Искаженное лицо Ворского, должно быть, впервые выражало такие ненависть и гнев. Ведь Старый Друид не только целый час потешался над ним, как над малым ребенком, но и совершил нечто невероятное и внезапно сделался самым его опасным и неумолимым врагом. От этого человека нужно избавиться немедленно, тем более что возможность такая есть.

— Я пропал, пропал! — продолжал зубоскалить старик. — С каким соусом ты собираешься меня съесть? Людоед, да и только! На помощь! Убивают! О эти железные пальцы, что вопьются мне в глотку! Или ты воспользуешься кинжалом?

А может, веревкой? Нет, это будет револьвер. Так мне нравится больше, как-то опрятнее. Ну вперед, Алексис! Из семи пуль две уже продырявили мой хитон номер один. Остается пять. Ну давай, Алексис!

Каждое слово старика только сильнее разжигало ярость Ворского. Желая как можно скорее сбежать из подземелья, он скомандовал:

— Отто, Конрад! Вы готовы?

С этими словами он вскинул руку с револьвером. Оба приспешника тоже взяли оружие на изготовку. В четырех шагах от них Друид со смехом просил пощады:

— Прошу вас, судари мои, пожалейте бедного старца. Я больше не буду. Я буду паинькой, как с картинки. Ну пожалуйста, судари мои…

Ворский повторил:

— Отто, Конрад! Внимание! Считаю: раз, два, три. Огонь!

Три выстрела прогремели одновременно. Друид сделал немыслимый пируэт, затем встал лицом к лицу с противниками и трагически завопил:

— Я готов! Пронзен пулями насквозь! Смерть моя пришла! Капут тебе, Старый Друид! Что за роковой конец! Бедный Старый Друид, который так любил поболтать!

— Огонь! — снова зарычал Ворский. — Да стреляйте же, болваны. Огонь!

— Огонь! Огонь! — передразнил его Старый Друид. — Бах! Бах! Бах! В самое яблочко! В два яблочка! В три яблочка! Давай, Конрад, бабах! Теперь ты, Отто!

Грохотали выстрелы, отражаясь от стен огромного зала. Сообщники, одуревшие и злобные, метались перед своею мишенью, а неуязвимый старичок приплясывал и дрыгал ногами, то чуть не садясь на корточки, то необычайно бойко подпрыгивая вверх.

— Ну и весело у нас в подземелье, черт возьми! Ну и туп же ты, Ворский! Святой пророк, как же! Дурак ты набитый, а не пророк! Нет, но как ты мог клюнуть на все это? Бенгальские свечи, петарды! А пуговица от штанов! А перстень твоей матушки! Силы небесные, что за остолоп!

Ворский остановился. Он понял, что все револьверы были заряжены холостыми патронами, но каким образом? Каким таким чудом? Что кроется за всей этой фантастической неразберихой? Что за демон стоит перед ним?

Он отбросил бесполезное оружие и взглянул на старика. Может, схватить его и задушить голыми руками? Затем перевел взгляд на женщину,

готовый броситься на нее. Однако Ворский был явно уже не в состоянии сражаться с этим непонятным человеком, который, казалось, ломал все рамки разумного и реального.

Он быстро повернулся и, подозвав сообщников, пошел прочь из зала, преследуемый насмешками Старого Друида:

— Ага, пустился наутек? А что я, по-твоему, должен делать с Божьим Камнем? Нет, вы посмотрите, как он улепетывает! Уж не загорелись ли у тебя штаны? Ату его! Ату! Ступай, ступай, горе-пророк!

Глава пятнадцатая
Подземный зал жертвоприношений

Ворский с младенчества не испытывал страха, и, когда он уходил из подземелья, его гнал не испуг. Просто он не знал, что ему делать дальше. В голове у него вертелись противоречивые и бессвязные мысли, из которых главной была мысль о полном и в некотором роде сверхъестественном поражении.

Поскольку Ворский верил в чудеса и колдовство, у него создалось впечатление, что он уже не избранник судьбы и на его место встал новый посланец рока. Друг с другом столкнулись две волшебные силы: одна — он, Ворский, другая — Старый Друид, и вторая взяла верх над первой. Воскресение Вероники, сам Старый Друид, его разговоры, шуточки, пируэты — все поведение этого неуязвимого и смехотворного субъекта казалось Ворскому сказочным и волшебным и в этих древних пещерах варваров создавало особую атмосферу, которая выводила его из себя и буквально не давала дышать.

Он спешил выбраться на поверхность. Он хотел дышать и видеть. Видеть дерево без нижних ветвей, к которому он привязал Веронику и на котором она рассталась с жизнью.

— Она же мертва, — скрипел он зубами, карабкаясь по узкому лазу, ведущему в третий, самый большой склеп. — Конечно мертва. Я знаю, что такое смерть. Она так часто была моей гостьей, что ошибиться я не могу. Так как же этот демон сумел ее воскресить?

У пьедестала, с которого он взял жезл, Ворский резко остановился.

— Разве что… — прошептал он.

Шедший за ним Конрад крикнул:

— Ну же, поторапливайтесь!

Ворский позволил увлечь себя дальше, продолжая говорить на ходу:

— Знаешь, что я думаю, Конрад? Спящая женщина, которую нам показали, — это была не она. Но жива она была или нет? Ах, этот старый чародей на все способен. Наверное, он сделал какую-то фигуру, восковую куклу и придал ей сходство…

— Вы с ума сошли! Идите же!

— Нет, не сошел. Это была не живая женщина. А та, что умерла на дереве, действительно умерла. И ты найдешь ее там же, будь уверен.

Чудеса — да, но не такое же чудо!

Оставшись без фонаря, трое сообщников натыкались на стены и торчащие камни. Их шаги гулко отдавались под сводами. Конрад не переставая ворчал:

— Я вас предупреждал: нужно было проломить ему башку.

Отто, запыхавшись от трудной ходьбы, молчал.

Наконец они добрались на ощупь до самой первой пещеры, через которую недавно попали в склеп, и с удивлением обнаружили, что там темно, хотя через лаз, проделанный ими между корнями сухого дуба, должен был проникать свет.

— Странно, — заметил Конрад.

— Ерунда! — возразил Отто. — Нужно только отыскать лестницу, где-то здесь, в стене. А, вот… ступенька… еще одна…

Он полез вверх, но почти сразу вынужден был остановиться:

— Дальше никак. Дальше, похоже, обвал.

— Этого не может быть! — возразил Ворский. — Впрочем, погоди, я совсем забыл: у меня есть зажигалка.

Едва Ворский чиркнул зажигалкой, как у всех

троих вырвался яростный крик: вся верхняя часть лестницы и половина пещеры были засыпаны камнями и песком, среди которых торчал ствол мертвого дуба. Выхода на поверхность не было.

Силы вконец оставили Ворского, и он тяжело опустился на нижнюю ступеньку:

— Мы пропали. Это придумал чертов старик, а значит, он не один.

Он принялся причитать и нести какую-то околесицу, не в силах более продолжать столь неравную борьбу. Но тут разъярился Конрад:

— Ей-богу, Ворский, я вас не узнаю!

— Но с этим типом мы ничего не можем поделать!

— Как — ничего? Нужно сделать одно, и я уже двадцать раз говорил — что: свернуть ему шею. Если б вы тогда меня не удержали…

— Да ты и дотронуться до него не сумел бы. Разве наши пули причинили ему вред?

— Наши пули, наши пули… — передразнил Конрад, — тут дело очень нечисто. Дайте-ка мне вашу зажигалку… У меня есть еще один револьвер, я взял его в Монастыре и вчера утром собственноручно зарядил. Сейчас посмотрим.

Взглянув на оружие, он тут же убедился, что все патроны в барабане заменены на патроны

без пуль, то есть попросту холостые.

— Вот вам и объяснение, — проворчал он, — и Старый Друид никакой не чародей. Будь наши револьверы заряжены по-настоящему, мы бы пристрелили его как собаку.

Но это объяснение лишь усилило смятение Ворского.

— А как же он их разрядил? Когда ему удалось вытащить револьверы у нас из карманов, обезвредить их и положить обратно? Я, например, не расставался со своим ни на секунду.

— Я тоже, — признал Конрад.

— И я не верю, что он мог прикасаться к нему, а я даже не заметил. И значит… Значит, этот дьявол все же наделен сверхъестественной силой. Чего уж там! Нужно видеть вещи такими, какие они есть. У этого человека имеются свои секреты и средства.

Конрад пожал плечами:

— Ворский, происшедшее вас подкосило. Вы были уже близки к цели, но при первой же трудности пошли на попятный. Теперь вы просто жалки. А я не хочу покоряться, как вы. Мы пропали? Почему это? Если он станет нас преследовать, нас здесь трое.

— Он не придет. Оставит нас здесь и запрет

в этой норе без выхода.

— Тогда, если он не придет, я сам пойду туда. У меня с собой нож, этого мне хватит.

— Заблуждаешься, Конрад.

— В чем это я заблуждаюсь? С одним человеком я уж как-нибудь да справлюсь, тем более со стариком, а с ним ведь только спящая женщина.

— Конрад, он не просто человек, а она не просто женщина. Поберегись.

— Поберегусь, но все равно пойду.

— «Пойду, пойду»… Но как ты намерен действовать?

— А никак, просто прикончу этого типа, и все.

— Но будь внимателен. Не нападай в лоб, попробуй захватить их врасплох.

— Проклятье! — уже уходя, заметил Конрад. — Я не такой дурак, чтобы подставлять себя под его удары. Будьте спокойны, я с этим мерзавцем разделаюсь!

Отвага Конрада несколько подбодрила Ворского.

— Вообще-то, он прав, — проговорил он, когда сообщник ушел. — Раз Старый Друид не стал нас преследовать, значит у него на уме что-то другое. Он явно не ждет, что мы перейдем в наступление, и Конрад может застать его врасплох. А ты что

скажешь, Отто?

Отто не возражал.

— Остается лишь набраться терпения, — заметил он.

Прошло четверть часа. К Ворскому постепенно возвращалась присущая ему самоуверенность. Его временная слабость была лишь реакцией на смену столь больших надежд столь жестоким разочарованием. Кроме того, после выпитого накануне он чувствовал себя усталым и разбитым. Однако теперь он был вновь полон желания вступить в бой и стремился поскорее разделаться со своим противником.

— Как знать, — проговорил он, — быть может, Конрад уже вывел его из игры?

Теперь Ворский был настроен весьма воинственно, что лишний раз подтверждало его неуравновешенность. Он решил немедленно двинуться вслед за Конрадом:

— Пошли, Отто, конец пути уже близок. Разделаемся со старым хрычом — и все. У тебя нож с собой? Впрочем, он ни к чему. Я справлюсь с ним голыми руками.

— А вдруг у этого друида есть приятели?

— Вот и посмотрим.

И они двинулись в обратный путь, соблю-

дая осторожность и внимательно вглядываясь в проходы, соединявшие склепы между собой. Ни малейший звук не долетал до них. Вдали показался свет, проникавший из третьего склепа.

— Должно быть, у Конрада все хорошо, — заметил Ворский, — иначе он не стал бы ввязываться в борьбу и вернулся бы к нам.

Отто согласился:

— Да, то, что его нигде не видно, — добрый знак. За последние четверть часа Старому Друиду наверняка досталось. Конрад — парень не промах.

Спутники вошли в третий склеп. Там все было на своем месте: жезл лежал на пьедестале, а его ручка, открученная Ворским, валялась рядом на земле. Однако когда он посмотрел в сторону темного угла, где спал Старый Друид во время их первого появления, то изумился, вновь увидев старика — правда, не на том же месте, а между темным углом и входом в коридор.

— Дьявол! Что он там делает? — пробормотал Ворский, взволнованный необычной позой друида. — Ей-богу, можно подумать, что он спит!

Старый Друид и впрямь, похоже, спал. Но почему в столь странном положении — ничком, со скрещенными над головой руками, уткнувшись носом в землю?

Если человек остерегается чего-то, знает о грозящей ему опасности — разве станет он так подставлять себя под удары врага? И почему… — взгляд Ворского постепенно привыкал к полумраку последнего склепа, — почему его белый хитон заляпан чем-то, кажется, красным? Да, точно, красным! Почему?

Отто тихо проговорил:

— Странная у него поза.

Та же мысль пришла в голову и Ворскому, и, чуть помедлив, он уточнил:

— Да, поза трупа.

— Поза трупа, — согласился Отто. — Сказано точно.

Вдруг Ворский попятился:

— Это невероятно!

— Что? — спросил Отто.

— Между лопатками… Смотри…

— Да что там?

— Нож.

— Какой нож?

— Нож Конрада. Да, я узнаю его, торчит прямо между лопатками. — И, вздрогнув, он добавил: — Оттуда и красные пятна. Это кровь… Кровь течет из раны.

— В таком случае он мертв? — осведомился

Отто.

— Да, мертв. Старый Друид мертв. Должно быть, Конрад подкрался и убил его. Старый Друид мертв!

Несколько довольно долгих мгновений Ворский пребывал в нерешительности, готовый броситься на неподвижное тело и тоже нанести удар. Однако даже к мертвому Друиду он не осмеливался прикоснуться и потому ограничился тем, что, подскочив к нему, вытащил нож из раны.

— Разбойник, наконец-то ты получил по заслугам, а Конрад молодец! Будь уверен, Конрад, я тебя не забуду.

— А где же Конрад?

— В зале Божьего Камня. Ах, Отто, мне не терпится снова увидеть женщину, которую положил там Старый Друид, и рассчитаться заодно и с нею!

— Так теперь, значит, вы полагаете, что это была живая женщина? — с насмешкой осведомился Отто.

— Еще какая живая! Не хуже Старого Друида! Это был лишь шарлатан, который умел делать всякие штучки, но настоящим могуществом не обладал. Вот оно, доказательство!

— Может, и шарлатан, — возразил Отто. —

Но ведь он дал вам сигнал, и вы смогли отыскать эти пещеры. А зачем? И что он тут делал? Знал ли он на самом деле тайну Божьего Камня — где тот точно находится и как его заполучить?

— Загадок много, ты прав, — согласился Ворский, который предпочитал не слишком-то вдаваться в подробности, — но все они решатся сами собой, а я не желаю забивать себе ими голову, тем более что этот мерзкий тип больше мне их не задает.

Сообщники в третий раз пролезли по узкому лазу. В большой зал Ворский вступил победителем, с высоко поднятой головой и уверенным взором. Конец препятствиям, враги повержены. Висит ли Божий Камень там, под сводом, или находится где-нибудь еще — не важно, он обязательно его найдет. Остается эта таинственная женщина, похожая на Веронику, но не Вероника: очень скоро он узнает, кто она такая на самом деле.

— Если, конечно, она еще там, — прошептал Ворский. — А я сильно подозреваю, что ее там нет. Она сыграла свою роль в темных махинациях Старого Друида, и тот, решив, что провел меня…

Он поднялся на несколько ступеней.

Женщина была там.

Она лежала на нижней плите дольмена, за-

кутанная, как и прежде, в покрывало. Рука ее больше не свисала вниз. Из-под покрывала высовывалась только кисть с бирюзовым перстнем на пальце.

Отто заметил:

— Не двигается, так и спит.

— Может, и вправду спит, — ответил Ворский. — Нужно посмотреть внимательнее. Я сейчас.

Он подошел поближе. Он все еще не выбросил нож Конрада, и, вероятно, поэтому ему пришла мысль об убийстве: взгляд его упал на оружие, и он понял, что все еще держит его в руке и может им воспользоваться.

Он был уже шагах в трех от женщины, когда вдруг заметил, что ее открытые кисти истерзаны и испещрены черными пятнами — явно следами от веревок. А ведь часом раньше Старый Друид нарочно обратил его внимание на то, что на кистях нет никаких следов насилия.

Эта мелочь потрясла его: во-первых, она доказывала, что перед ним распятая им женщина, которую сняли с креста и положили сюда, а во-вторых, Ворский внезапно снова погрузился в сферу колдовства. Руки Вероники чередовались перед его мысленным взором в двух разных ипо-

стасях: как целехонькие руки живой женщины и как руки неподвижной, измученной жертвы.

Дрожащими пальцами он сжал нож, вцепившись в него так, словно от этого оружия зависело его спасение. В его помутившемся рассудке снова сверкнула мысль нанести удар — не для того, чтобы убить, поскольку женщина была явно мертва, но чтобы поразить невидимого врага, который ополчился на него, чтобы одним ударом покончить со всем этим колдовством.

Он занес руку… Наметил место. Лицо его сделалось зверским, осветилось радостью убийства. И внезапно, как сумасшедший, он принялся наносить удары — наугад, десять раз, двадцать, со всем неистовым ожесточением своей бешеной натуры.

Наконец он остановился и перевел дух. Он изнемог. Невидящим, блуждающим взглядом смотрел он на страшно изуродованный труп, как вдруг почувствовал нечто странное: какая-то тень заслонила от него солнечный свет, проникавший через отверстия в своде.

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь? — раздался голос.

Ворский с удивлением насторожился. Говорил не Отто. А голос продолжал, в то время как Вор-

ский стоял с опущенной головой и неловко держался за рукоятку ножа, торчащего из трупа.

— Знаешь, кого ты мне напоминаешь, Ворский? Быков из моей страны — да будет тебе известно, я испанец и большой поклонник боя быков. Так вот, когда бык продырявит рогами какую-нибудь старую, ни на что не годную клячу, он отойдет от нее, потом снова приблизится к трупу, повернет его и опять проткнет рогами — короче, убивает ее снова и снова без всякого смысла. Ты словно такой бык, Ворский. Ты приходишь в бешенство. Вместо того чтобы защищаться от живого врага, ты ополчаешься на врага мертвого, как будто сама смерть заставляет тебя убивать. Ну и тупица же ты!

Ворский поднял голову.

Недалеко от него, опираясь об один из столбов дольмена, стоял человек. Среднего роста, довольно худощавый и хорошо сложенный, он, несмотря на седые виски, казался молодым. На нем была темно-синяя голландка с золотыми пуговицами[16] и морская фуражка с черным козырьком.

— Даже не пытайся вспомнить, — посоветовал

---

[16] Сноски: 16

Голландка — форменная верхняя рубашка матросов.

он. — Ты меня не знаешь. Дон Луис Перенна, испанский гранд, владелец имений во многих странах и принц Сарека. Да, не удивляйся: я совсем недавно даровал себе титул принца Сарека, у меня есть на него право.

Ворский смотрел на мужчину и ничего не понимал. Тот продолжил:

— Похоже, ты не слишком хорошо знаешь испанское дворянство. Но припомни-ка — я человек, что должен был прийти на помощь семейству д'Эржемон и обитателям Сарека, тот самый, которого твой сын Франсуа так доверчиво поджидал. Ну как, вспомнил? Гляди-ка, твой приятель, верный Отто, кажется, что-то припоминает… Впрочем, возможно, тебе что-нибудь скажет мое другое имя. Оно пользуется доброй славой… Люпен, Арсен Люпен.

Ворский смотрел на мужчину с растущим ужасом и подозрением, которое с каждым словом и жестом нового противника превращалось в уверенность. Он вроде бы не знал ни этого человека, ни его голоса, но чувствовал, что его твердую волю и могущество он уже успел испытать, что его раздражает откуда-то знакомая едкая ирония. Но возможно ли это?

— Все возможно, даже то, о чем ты думаешь, —

снова заговорил дон Луис Перенна. — Но повторяю, какой же ты тупица! Строишь из себя великого разбойника, авантюриста с размахом, а сам не можешь разобраться даже в собственных преступлениях! Нет, когда речь идет о том, чтобы наобум убить кого-нибудь, тут ты не колеблешься. Но при первом же затруднении теряешь голову. Ворский убивает — но кого он убил? Это ему неизвестно. Жива Вероника д'Эржемон или нет? Привязана она к дубу, на котором ты ее распял, или нет? А может быть, она лежит здесь, на жертвеннике? Убил ты ее там, наверху, или здесь, в этом зале? Загадка. Тебе даже не пришло в голову, прежде чем ударить, посмотреть, кому ты наносишь удар. Для тебя главное — ударить с размаху, опьянев от вида и запаха крови, и превратить живую плоть в омерзительную кашу. Да нет, ты все-таки взгляни, болван! Когда человек убивает, он, как правило, не боится этого и не прячет лицо своей жертвы. Взгляни же, тупица.

Он сам наклонился над трупом и снял покрывало.

Ворский закрыл глаза. Коленопреклоненный, прижавшись грудью к ногам мертвого тела, он застыл с упрямо закрытыми глазами.

— Ну что? — насмешливо осведомился дон Луис. — Ты не осмеливаешься взглянуть, но только потому, что уже догадался или вот-вот догадаешься, не так ли, негодяй? Твой мозг дурачка лихорадочно соображает, верно? На острове Сарек находились две женщины, только две — Вероника и та, другая. Другую звали Эльфридой — я не ошибся? Эльфрида и Вероника, две твои жены: одна — мать Райнхольда, другая — Франсуа… Раз ты распял и исполосовал ножом не мать Франсуа, выходит, это была мать Райнхольда. Раз лежащая перед тобою женщина с истерзанными запястьями не Вероника, значит это Эльфрида. Ошибка исключается. Эльфрида, твоя супруга и сообщница… Эльфрида, твоя проклятая душа… И тебе это известно настолько хорошо, что ты предпочитаешь лучше поверить мне на слово, чем собраться с силами и взглянуть на белое лицо покойницы, твоей покорной сообщницы, которую ты предал мучениям. Ну, заячья душонка, смотри же!

Но Ворский спрятал лицо в ладони. Он не плакал! Ворский не мог плакать. Однако плечи его сотрясались, а поза говорила о жестоком отчаянии.

Это длилось довольно долго. Наконец Ворский несколько успокоился, но был все так же недви-

жен.

— Ей-богу, дружище, ты вызываешь у меня жалость, — заметил дон Луис. — Значит, ты до такой степени был привязан к Эльфриде? Должно быть, привычка? Или она была для тебя чем-то вроде талисмана? Ну, что поделать, зато теперь ты знаешь, что натворил. Кой-чему научился. Мало того — начал размышлять! Итак, ты барахтаешься в преступлениях, словно новорожденный, которого бросили в воду. Поэтому ничего удивительного, что ты погрязаешь в том, что тебя окружает. Так как же, жив Старый Друид или нет? Конрад все-таки всадил ему нож в спину — или же это я сыграл роль сей демонической личности? Короче, существуют ли Друид и испанский гранд по отдельности, или это одно и то же лицо? Для тебя, мой бедный мальчик, это — темный лес. Поэтому нам следовало бы объясниться. Хочешь, я тебе помогу?

Если до сих пор Ворский действовал механически, то теперь, когда он поднял голову, было заметно, что он хорошенько поразмыслил и прекрасно знает, на какой отчаянный шаг толкают его обстоятельства. Он, безусловно, был готов объясниться, как призывал его дон Луис, но объясниться с кинжалом в руке и с непреодолимым

желанием им воспользоваться.

Не спеша, вперив взор в дона Луиса и отнюдь не скрывая своих намерений, Ворский вытащил нож из тела женщины и выпрямился.

— Имей в виду, — заметил дон Луис, — нож тоже ненастоящий, как и твой револьвер. Он из серебряной бумаги.

Но шутка не подействовала. Ничто не могло ускорить или же замедлить того расчетливого порыва, который толкал Ворского на последнюю схватку. Он обошел жертвенник и остановился перед доном Луисом.

— Значит, это ты, — осведомился он, — уже несколько дней мешаешь мне во всем?

— Только сутки, не больше. Сутки назад я прибыл на Сарек.

— И ты готов идти до конца?

— Во всяком случае, как можно дальше.

— Зачем? Что тобою движет?

— Я занимаюсь этим как любитель. Ты мне противен.

— Значит, договориться мы не сможем?

— Нет.

— Ты отказываешься принять участие в моей игре?

— Он еще спрашивает!

— Я дам тебе половину.
— Предпочитаю все.
— То есть Божий Камень?
— Божий Камень принадлежит мне.

Разговаривать дальше не имело смысла. Соперника такого калибра следует уничтожить, иначе он уничтожит тебя. Возможен только один из этих исходов, третьего не дано.

Дон Луис все так же невозмутимо стоял, опершись о столб. Ворский был выше его на голову и глубоко уверен, что во всех отношениях — по силе, мускулатуре, весу — превосходит соперника. Чего же тут колебаться? К тому же было ясно видно, что дон Луис в состоянии лишь защищаться, лишь уклоняться от ударов. И если он будет и дальше так стоять, то, увы, не успеет принять оборонительную позицию. Но он не двигался. Поэтому Ворский нанес удар уверенно, как бьют жертву, участь которой предрешена.

Все дальнейшее произошло столь молниеносно и непостижимо, что Ворский не смог бы сказать, в результате каких действий противника он был побежден и через несколько секунд оказался на земле, обезоруженный, с таким ощущением в ногах, словно их перебили палкой, и с неподвижной правой рукой, болевшей так, что хоть

кричи.

Дон Луис даже не дал себе труда связать его. Поставив ногу на беспомощного противника, он наклонился к нему и проговорил:

— Пока объяснений довольно. Я сделаю это потом, по-своему: рассказ мой может показаться тебе длинноватым, но зато ты поймешь, что я знаю все от начала и до конца, то есть гораздо лучше тебя. Есть лишь одна неясность, и тут ты можешь мне помочь. Где твой сын Франсуа д'Эржемон?

Не получив ответа, дон Луис повторил:

— Где Франсуа д'Эржемон?

Ворский хранил молчание, очевидно полагая, что случай дает ему в руки неожиданный козырь и, значит, партия еще не проиграна.

— Отказываешься отвечать? — осведомился дон Луис. — Считаю до трех: раз… два… три! Прекрасно.

И он тихонько свистнул.

Мгновенно из уголка зала вынырнули четверо — четверо смуглолицых мужчин, похожих на марокканских арабов. Как и дон Луис, они были одеты в голландки и фуражки с блестящими козырьками.

Почти сразу же появился еще один персо-

наж — искалеченный французский офицер с деревяшкой на месте правой ноги.

— А, Патрис, это вы! — заметил дон Луис.

И в полном соответствии с этикетом представил:

— Капитан Патрис Бельваль, мой добрый друг. Господин Ворский, бош.

Затем дон Луис обратился к моряку:

— Что новенького, капитан? Франсуа не нашли?

— Нет.

— Не позже чем через час отыщем и отправимся в путь. Все люди на корабле?

— Да.

— Пока все в порядке?

— Безусловно.

Дон Луис приказал марокканцам:

— Берите Ворского и отнесите его наверх, к дольмену. Можете не связывать, он не в силах шевельнуть ни рукой, ни ногой. Да, еще минутку!

Наклонившись к Ворскому, он проговорил:

— Перед уходом посмотри хорошенько на Божий Камень, там, между плитами потолка. Старый Друид тебе не соврал. Это действительно чудесный камень, который люди ищут на протя-

жении веков, а я нашел его издали, по переписке. Попрощайся с ним, Ворский! Ты его больше не увидишь, как не увидишь и еще кое-чего в нашем подлунном мире.

И он махнул рукой.

Четверо марокканцев ловко подхватили Ворского и понесли вглубь зала, в сторону, противоположную той, в которой находился лаз.

Дон Луис повернулся к Отто, неподвижно наблюдавшему за всей этой сценой:

— Ты, я вижу, разумный парень, Отто, и все понял. Скажи, ты не будешь ни во что вмешиваться?

— Не буду.

— Тогда мы оставим тебя в покое. Можешь смело следовать за нами.

Дон Луис взял капитана под руку, и они, дружески болтая, двинулись в путь.

Из зала Божьего Камня они прошли через три других склепа, причем каждый из них находился несколько выше предыдущего, а последний выходил еще в одну пещеру. В ее дальнем конце к стене была прислонена лестница, над которой виднелось отверстие: там недавно разобрали кладку, кое-как державшуюся на растворе из песка и извести.

Через это отверстие они выбрались наружу, прямо на крутой склон, в котором были прорезаны ступени, опоясывающие скалу и ведущие к тому месту, куда накануне утром Франсуа отвел Веронику. Это был выход из потерны. Сверху виднелась подвешенная на двух железных брусьях лодка, на которой собирались сбежать с острова Вероника с сыном. Неподалеку, в маленькой бухточке, вырисовывался продолговатый силуэт субмарины.

Повернувшись спиной к морю, дон Луис и Бельваль направились к стоявшим полукругом дубам и остановились у Дольмена Фей. Там их уже поджидали марокканцы. Они усадили Ворского к подножию того самого дерева, на котором погибла его последняя жертва. От жуткой казни на дереве осталась лишь надпись: «В. д'Э.».

— Не очень устал, Ворский? — полюбопытствовал дон Луис. — Как ноги, получше?

Ворский презрительно пожал плечами.

— Да, я знаю, — продолжил дон Луис, — ты веришь в свою последнюю карту. Однако да будет тебе известно, что у меня тоже есть козыри, а играю я весьма недурно. Дерево, у которого ты сидишь, доказывает это более чем убедительно. Хочешь другой пример? С головою увязнув в сво-

их преступлениях, ты потерял счет мертвецам, а я точно знаю, сколько их на самом деле. Ну-ка, посмотри, кто там идет со стороны Монастыря? Видишь? На нем такая же голландка с золотыми пуговицами, как на мне. Тоже одна из твоих жертв, а? Ты запер его в одной из пыточных камер, решив сбросить потом в море, а твой херувимчик Райнхольд на глазах у Вероники столкнул его вниз. Вспоминаешь? Стефан Мару, верно? Он ведь мертв, не так ли? Выходит, вовсе нет. Стоило мне взмахнуть волшебной палочкой, как он тут же ожил. Вот он. Я пожимаю ему руку. И говорю с ним.

Дон Луис и вправду приблизился к вновь пришедшему и сказал:

— Видите, Стефан, я же говорил, что ровно в полдень все будет кончено и мы все будем у дольмена. Сейчас ровно полдень.

Выглядел Стефан отменно. Ни единой царапины. Ворский с ужасом взглянул на него и прошептал:

— Учитель… Стефан Мару…

— Собственной персоной, — подтвердил дон Луис. — А чего же ты хотел? Ты и здесь действовал как олух. Вы вместе с обожаемым Райнхольдом бросаете человека в море, и вам даже в голову

не приходит наклониться и посмотреть, что с ним стало. А я его подобрал. И нечему тут удивляться, мой милый. Это только начало, у меня в запасе есть еще кое-что. Не забывай, я ведь ученик Старого Друида!.. Ну что, Стефан, как дела? Как ваши поиски?

— Безуспешны.

— А Франсуа?

— Никак не найдем.

— Вы пустили Дело-в-шляпе по следу его хозяина, как мы с вами условились?

— Да, но он лишь вывел меня через потерну к лодке Франсуа.

— Там ведь нет никаких тайников?

— Никаких.

Дон Луис замолчал и принялся расхаживать перед дольменом. Казалось, он что-то обдумывает, прежде чем приступить к решительным действиям.

Наконец он обратился к Ворскому:

— Я не могу терять время. Через два часа я должен покинуть остров. Сколько ты возьмешь за немедленное освобождение Франсуа?

Ворский ответил:

— Франсуа дрался на дуэли с Райнхольдом и потерпел поражение.

— Врешь, верх взял Франсуа.

— Откуда ты знаешь? Ты что, при этом присутствовал?

— Нет, иначе бы непременно вмешался. Но мне известно, что победитель — он.

— Этого никто, кроме меня, не знает. Они были в масках.

— В таком случае, если Франсуа мертв, ты погиб.

Ворский задумался.

Аргумент его противника был достаточно весом. Наконец он в свою очередь спросил:

— И что же ты мне предлагаешь?

— Свободу.

— А еще?

— Это все.

— Нет, не все. Мне нужен Божий Камень.

— Ни за что!

Дон Луис произнес эти слова резко, сопроводив их жестом, не терпящим возражений, после чего объяснил:

— Свобода — еще куда ни шло. Я знаю тебя и твои скудные возможности, поэтому не сомневаюсь, что все равно тебя скоро повесят. Но Божий Камень — это для тебя спасение, богатство, могущество, возможность творить зло.

— Потому-то он мне так и нужен, — ответил Ворский, — а подтвердив его ценность, ты сделал меня еще более требовательным в вопросе о Франсуа.

— Франсуа я найду. Тут дело лишь в терпении, и я, если понадобится, останусь здесь еще на два-три дня.

— Ты его не найдешь, а если и найдешь, будет слишком поздно.

— Почему это?

— Потому что Франсуа со вчерашнего дня ничего не ел.

Ворский произнес это ледяным, злым тоном. После короткого молчания дон Луис сказал:

— Тогда говори, если не хочешь, чтобы он погиб.

— А мне-то что за дело? Я готов на все, только бы выполнить свою задачу и не остановиться на полпути. Я уже у цели — тем хуже для тех, кто становится между мной и ею.

— Лжешь! Ты не дашь умереть собственному сыну.

— Другому же дал…

Патрис и Стефан в ужасе вздрогнули, но дон Луис искренне рассмеялся:

— В добрый час! С тобою притворяться нече-

го. Только ясные, убедительные доводы. Этот бош раскрыл перед нами всю свою душу. Что за немыслимая смесь тщеславия и жестокости, циничности и мистицизма! Бош должен обязательно выполнить свою миссию, пусть даже ему придется для этого грабить и убивать. О, ты не просто бош, ты сверхбош! — Не переставая смеяться, дон Луис добавил: — Теперь я и обращаться буду с тобой как со сверхбошем. Последний раз спрашиваю: скажешь ты, где Франсуа, или нет?

— Нет.

— Прекрасно.

Дон Луис спокойно повернулся к марокканцам и проговорил:

— Давайте, дети мои.

Дальнейшее произошло мгновенно. Невероятно точными движениями, как будто весь маневр был сначала разделен на отдельные приемы и разучен по частям, как это делают солдаты, марокканцы подняли Ворского, обвязали его свешивающейся с дерева веревкой, подняли, не обращая внимания на его крики, угрозы и рев, и надежно примотали к дереву — точно так же, как он проделывал это со своими жертвами.

— Ори, любезнейший, — безмятежно прогово-

рил дон Луис, — ори сколько влезет. Ты можешь разбудить лишь сестер Аршиньа да тех, что в тридцати гробах. Ори, если это тебе нравится. Господи, какой же он все-таки урод! Что за гримаса!

С этими словами дон Луис отошел на несколько шагов, чтобы полюбоваться зрелищем:

— Великолепно! Ты прекрасно смотришься, и вокруг все как надо, вплоть до надписи «В. д'Э.» — Ворский д'Эрманарих![17] Ведь, как сын короля, ты, должно быть, связан с этим благородным домом. А теперь, Ворский, тебе остается лишь навострить уши и внимательно слушать: я собираюсь прочесть обещанную тебе небольшую лекцию.

Извиваясь на дереве, Ворский пытался разорвать путы. Но так как все его старания лишь усиливали боль, он успокоился и, чтобы выплеснуть обуревавшую его ярость, принялся злобно чертыхаться и поносить дона Луиса:

— Вор! Убийца! Это ты убийца! Это ты обрек Франсуа на смерть! Брат ранил Франсуа, рана нехорошая и может воспалиться.

Стефан и Патрис решили вмешаться. Стефан

---

[17] Сноски: 17

Эрманарих (?–375) — король германского племени остготов.

испугался.

— Кто знает? — заговорил он. — С этим чудовищем все возможно. Вдруг мальчик и впрямь нездоров?

— Вздор! Шантаж! — отозвался дон Луис. — Ребенок чувствует себя хорошо.

— Вы уверены?

— Вполне; во всяком случае, подождать еще час он сможет. Сверхбош вот-вот заговорит. Такая позиция развяжет ему язык.

— А вдруг он не выдержит?

— Как так?

— Вдруг сам издохнет? Какое-нибудь слишком резкое усилие — и лопнет аневризма, случится кровоизлияние?

— Ну и что?

— Как — что? Его смерть лишит нас последней надежды узнать, где спрятан Франсуа.

Однако дон Луис оставался тверд как скала.

— Не умрет! — воскликнул он. — Люди покроя Ворского от разрыва сердца не умирают! Нет-нет, он будет говорить. И часа не пройдет. А мне как раз хватит этого времени на лекцию.

Патрис Бельваль невольно рассмеялся:

— Значит, вы собираетесь прочесть нам лекцию?

— Да еще какую! — вскричал дон Луис. — Обо всех злоключениях Божьего Камня! Исторический трактат, обзор — от доисторических времен вплоть до тридцати преступлений сверхбоша. Черт возьми, не часто ведь выдается случай прочесть подобную лекцию, и уж я-то этот случай не упущу ни за какие деньги! На кафедру, дон Луис, и приступай к своему повествованию!

Он встал перед Ворским:

— Счастливчик! Ты у меня в первом ряду и не пропустишь ни звука. Неужели не приятно хоть немного рассеять мрак в голове? Ты ведь совсем запутался и нуждаешься в твердой руке, которая выведет тебя на путь истинный. Уверяю тебя, я начинал, ничегошеньки не зная. Представляешь? Загадку не могли разгадать на протяжении веков, а ты к тому же ее только больше запутал.

— Разбойник! Грабитель! — проскрипел Ворский.

— Ну зачем же оскорблять? Если тебе неудобно, расскажи нам о Франсуа.

— Никогда! Он умрет.

— Да нет же, ты заговоришь. Я позволяю тебе перебить меня. Чтобы я остановился, тебе будет достаточно насвистать мелодию «Как-то раз мне дали в рожу» или «Мамочка, мамочка, лодочки

плывут». Я сразу отправлю людей на поиски, и если ты не соврешь, то останешься здесь. Отто тебя отвяжет, и вы сможете воспользоваться лодкой Франсуа. Договорились?

Дон Луис повернулся к Стефану Мару и Патрису Бельвалю и пригласил:

— Рассаживайтесь, друзья мои, лекция будет несколько длинноватой, но для красноречия мне нужны слушатели, которые будут и судьями тоже.

— Но нас только двое, — проговорил Патрис.

— Нет, трое.

— Где же третий?

— А вот он.

Третьим оказался Дело-в-шляпе. Он прибежал мелкими шажками, торопясь не более обычного. Поприветствовал Стефана, помахал хвостом дону Луису, словно говоря: «Я тебя знаю, мы с тобой приятели», после чего уселся с таким видом, точно не хотел никому мешать.

— Отлично, Дело-в-шляпе, — воскликнул дон Луис, — ты, я вижу, тоже хочешь узнать обо всем! Такая любознательность делает тебе честь. Надеюсь, ты будешь мною доволен.

Дон Луис был в восторге. У него оказались и аудитория, и трибунал. Ворский продолжал

корчиться на дереве. Миг был и впрямь восхитительным.

Проделав нечто вроде пируэта, который мог напомнить Ворскому коленца Старого Друида, дон Луис выпрямился, слегка поклонился, сделал вид, что подносит к губам стакан воды, после чего оперся руками о воображаемую трибуну и хорошо поставленным голосом начал:

— Дамы и господа! Двадцать пятого июля семьсот тридцать второго года до Рождества Христова…

Глава шестнадцатая
Надгробие богемских королей

Начав таким образом фразу, дон Луис остановился, наслаждаясь произведенным эффектом. Капитан Бельваль, хорошо знавший своего друга, рассмеялся от всего сердца. Стефан продолжал выказывать озабоченность. Дело-в-шляпе сохранял спокойствие.

Дон Луис Перенна продолжил:

— Должен признаться, дамы и господа, что столь точную дату я назвал отчасти для того, чтобы привести вас в изумление. В сущности, дату, когда происходила сцена, которую я буду иметь честь вам описать, я могу назвать лишь с точностью до нескольких веков. Но зато я знаю наверное, что происходила она в том уголке Европы, что зовется сейчас Богемией, а конкретнее — в том месте, где находится теперь небольшой промышленный городок Иоахимшталь[18]. А вот и подробности сцены, как я их себе представляю. Утром того дня в одном из кельтских племен, что

---

[18] Сноски: 18

Иоахимшталь — нынешний чешский городок Яхимов. В Средние века — центр добычи серебра.

год или два назад осели между берегами Дуная и верховьями Эльбы, в Герцинском лесу, царила суматоха. Воины с помощью своих жен заканчивали снимать шатры, укладывать священные топоры, луки и стрелы, собирать глиняную посуду, бронзовую и медную утварь, нагружать лошадей и волов.

Вожди разрывались на части, стараясь ничего не упустить. Ни беспорядка, ни толчеи не было. Еще не наступил день, когда племя снялось с места и двинулось в сторону Эгера[19], притока Эльбы, куда и добралось к концу дня. Там их поджидали лодки, находившиеся под охраной сотни лучших воинов, заранее посланных вперед. Одна из лодок привлекала внимание своею внушительностью и богатым убранством. От одного борта до другого была растянута длинная завеса цвета охры. На заднее сиденье лодки поднялся вождь вождей — король, если угодно, — и произнес речь, от которой я вас избавлю, так как не хочу сокращать свою, и которая вкратце сводилась к следующему: «Племя переселяется, чтобы избежать притязаний соседей. Всегда печально

[19] Сноски: 19

Имеется в виду река, которая на территории Чехии называется Огрже, а в Германии — Эгер. Возле чешского города Литомержице она впадает в Лабу (Эльбу).

оставлять место, где ты жил. Но какое дело до этого мужчинам нашего племени, раз они забирают с собой самое ценное имущество, священное наследие предков, божество, которое их защищало и сделало их грозными, великими из великих, — одним словом, камень, что покрывал гробницу их короля?»

И вождь вождей торжественным жестом отодвинул в сторону завесу цвета охры и открыл взорам собравшихся гранитную плиту размерами приблизительно два метра на метр, шероховатую, темную, с несколькими светлыми прожилками.

Толпа мужчин и женщин вскрикнула, и все, вытянув вперед руки, пали ниц, носом в самую пыль.

Тогда вождь вождей взял металлический жезл с драгоценной рукоятью, лежавший на гранитной плите, потряс им и провозгласил: «Я не расстанусь со всемогущим жезлом, пока чудесный камень не будет в безопасности. Этот жезл заключает в себе небесный огонь, который дарует жизнь или смерть. Если чудесный камень закроет могилу моих отцов, всемогущий жезл останется у них в руках в дни несчастий и побед! Да ведет нас небесный огонь! Да осветит нас бог

солнца!» Он закончил, и все племя снова снялось с места.

Дон Луис сделал паузу и с удовольствием повторил:

— Он закончил, и все племя снова снялось с места.

Патриса Бельваля очень позабавил рассказ друга, и даже Стефан, увлеченный его оживлением, повеселел. Но дон Луис прервал их:

— Нечего смеяться, все это очень серьезно. То, что я рассказываю, — не сказочка для детишек, которые верят во всякие фокусы и плутовство; это правдивая история, подробности которой — сами увидите — позволят все объяснить верно, точно и, можно сказать, научно. Да, научно, я не боюсь этого слова, дамы и господа. Мы вторгаемся в область науки, и даже Ворский пожалеет, что был так весел и недоверчив.

Еще один стакан воды, и дон Луис продолжил:

— Недели и месяцы продвигалось племя по течению Эльбы и однажды вечером, ровно в половине десятого, вышло к морю, в страну, которая впоследствии стала носить название Фрисландия. Оно пробыло там недели и месяцы, но так и не обрело необходимой безопасности и решилось поэтому на новый исход.

На этот раз он совершался по морю. Тридцать лодок вышли в море — обратите внимание на цифру тридцать, именно столько семей составляли племя, — они недели и месяцы странствовали от берега к берегу. Обосновались сперва в Скандинавии, потом в Саксонии, а когда и оттуда их выгнали, опять пустились в путь. Уверяю вас, это было и в самом деле удивительное, трогательное и грандиозное зрелище: кочующее племя, которое повсюду таскает за собой надгробную плиту своих королей в поисках надежного, недоступного и окончательного убежища, где оно могло бы спрятать своего идола, укрыть его от вражеских вылазок, молиться на него и пользоваться им для поддержания собственного могущества.

Последним этапом их скитаний оказалась Ирландия, и вот там-то, после того как племя прожило в Зеленом Эрине[20] полвека или даже век и нравы его несколько смягчились в результате общения с менее дикими племенами, в один прекрасный день внук, а может быть, правнук великого вождя, сам уже великий вождь, принял одного из своих посланцев, отправленных им

---

[20] Сноски: 20

Зеленый Эрин — так иногда называют Ирландию.

в соседние страны. Этот явился с материка. Он отыскал великолепное убежище. Это был почти неприступный остров, который сторожили тридцать утесов и на котором стояло тридцать гранитных монументов.

Тридцать! Вещее число! Как не увидеть в нем зов и веление таинственных божеств? Тридцать лодок были вновь спущены на воду, и путешествие началось.

Они достигли цели. Они взяли остров штурмом. Они просто-напросто вырезали под корень местных жителей. Племя обосновалось на острове, и надгробный камень богемских королей занял место… там же, где он находится и сейчас, — я показывал его нашему приятелю Ворскому. Здесь я сделаю небольшое отступление и выскажу несколько весьма важных исторических замечаний. Я буду краток.

И дон Луис менторским тоном начал объяснять:

— Остров Сарек, так же как Франция и Западная Европа, в течение тысяч лет был населен теми, кого мы теперь называем лигурами, прямыми потомками пещерных людей, у которых они частично унаследовали нравы и привычки. Нужно отметить, что эти лигуры, будучи талантливыми

строителями, воздвигли — вероятно, под влиянием великих восточных цивилизаций — свои громадные гранитные глыбы и создали огромные погребальные залы.

Именно здесь наше племя, терпеливо трудясь, столь удачно приспособило для своих целей систему естественных пещер и гротов и соорудило эти гигантские памятники, поражавшие воображение склонных к мистике, суеверных кельтов.

Вот так после первого, скитальческого периода для Божьего Камня открылся период отдыха и поклонения, который мы назовем друидическим периодом. Он длился тысячу — полторы тысячи лет. Племя растворилось среди соседних племен и жило, по всей видимости, под покровительством какого-нибудь бретонского короля. Власть мало-помалу переходила от вождей к жрецам, то есть друидам, чье могущество возрастало от поколения к поколению.

Я утверждаю, что источником этого могущества был чудесный камень. Конечно, друиды были жрецами повсеместно признанной религии и воспитателями галльской молодежи (вне всякого сомнения — но это между нами, — камеры под Черными Песками служили монашескими кельями, вернее, помещениями своеобразного

друидского университета); конечно, согласно древним традициям, они руководили человеческими жертвоприношениями, сбором омелы, вербены и прочих волшебных растений. Но на острове Сарек они были прежде всего хранителями и хозяевами камня, что дарует жизнь или смерть. Помещенный под сводами подземного зала для жертвоприношений, он был, конечно же, заметен и снаружи, и у меня есть все основания полагать, что в те времена Дольмен Фей, который мы здесь видим, возвышался в месте, называемом Цветущим Распятием, а как раз под ним и располагался Божий Камень. Именно сюда стекались больные, калеки и немощные дети, чтобы обрести здоровье. Именно здесь, на священной плите, у бесплодных женщин появлялась способность к зачатию, именно здесь старцы восстанавливали угасшие силы.

По моему мнению, камень этот играет главную роль в былых сказках и легендах Бретани. Это центр, откуда расходятся все суеверия и верования, все тревоги и надежды. От него, а может быть, от волшебного жезла, которым владел верховный жрец, заставлявший его по своему желанию сжигать плоть или излечивать раны, стихийно пошли прекрасные истории о рыцарях

Круглого стола и чародее Мерлине. Он — основа всех туманных слухов, средоточие всех символов. Он — тайна и истина, великая загадка и великая разгадка.

Последние слова дон Луис произнес с улыбкой и несколько восторженно.

— А ты, Ворский, не радуйся, — обратился он к врагу. — Оставим наши восторги для рассказа о твоих злодеяниях. Мы подошли к апогею друидической эпохи, которая продолжалась долгие века и после исчезновения друидов, когда чудесным камнем пользовались всяческие чародеи и кудесники. Теперь мы постепенно перейдем к третьему религиозному периоду, то есть к постепенному упадку всего, что составляло достояние Сарека, — паломничеств, памятных празднеств и так далее.

Церковь и впрямь не сумела приспособиться к столь откровенному идолопоклонству. Насколько это было в ее силах, она боролась с этим куском гранита, привлекавшим столько верующих и упрочивавшим омерзительный культ. Борьба была неравной, и прошлое уступило. Дольмен перенесли на его теперешнее место, плиту богемских королей засыпали слоем земли, а там, где происходили кощунственные чудеса,

поднялось распятие.

И над всем этим — великое забвение.

Поймите меня правильно. Забылись обряды. Забылись ритуалы и все, что составляло историю исчезнувшего культа. Но не забылся сам Божий Камень. Никто больше не знал, где он находится. Никто не знал даже, что это такое. Но люди постоянно говорили о нем и верили в существование чего-то, что называется Божьим Камнем. Из уст в уста, от поколения к поколению передавались волшебные и жуткие истории, которые все сильнее удалялись от действительности и превращались в легенду — легенду все более смутную и ужасную, однако при всем том сохранявшую в людской памяти воспоминания о Божьем Камне, и прежде всего — его имя.

Если учесть, как прочно воспоминания о нем укоренились в памяти людей, как бессмертны они в истории этих краев, вполне логично будет предположить, что время от времени кто-нибудь любопытный пытался восстановить чудесную правду. Двое из таких любопытных — брат Томá, монах-бенедиктинец, живший в середине пятнадцатого века, и наш современник господин Магеннок — сыграли во всем этом деле немаловажную роль. Брат Тома — поэт и художник-ми-

ниатюрист, о котором мы мало что знаем, очень скверный поэт, судя по его стихам, но небесталанный, хотя и наивный художник — оставил после себя нечто вроде требника, в котором воспел свое пребывание в Сарекском аббатстве и нарисовал тридцать дольменов, находящихся на острове, снабдив все это стихами, религиозными цитатами и пророчествами в духе Нострадамуса. Этот требник, в котором есть пресловутая страница с распятыми женщинами и пророчеством относительно Сарека, и обнаружил Магеннок, а я нашел его ночью в комнате последнего и там же и прочитал.

Странная личность этот Магеннок! Запоздалый потомок былых чародеев, он, как я подозреваю, неоднократно выступал в роли привидения. Будьте уверены: друид в белом хитоне, которого якобы видели на шестой день полнолуния собирающим омелу, — не кто иной, как Магеннок. Он знал всякие снадобья, лечебные травы, умел обрабатывать землю так, чтобы на ней росли громадные цветы. Вне всякого сомнения, это он обследовал погребальные склепы и подземный зал для жертвоприношений и похитил волшебный камень из ручки жезла. Он проникал в подземелье через лаз, которым воспользова-

лись и мы и который выходит на поверхность у тропинки, ведущей в потерну, причем всякий раз был вынужден заделывать его песчаником и щебнем. И опять-таки именно он передал господину д'Эржемону страницу из требника. Доверил ли он ему также результаты своих последних открытий? Что именно знал господин д'Эржемон? Это не важно. Важно другое: на сцене появилось еще одно действующее лицо, которое сразу взяло дело в свои руки и приковало к нему всеобщее внимание. Я говорю о посланнике рока, взявшемся решить вековую загадку и, исполнив приказ таинственных сил, положить себе в карман Божий Камень. Я говорю о Ворском.

Дон Луис осушил третий стакан воды и кивнул Отто:

— Дай ему напиться, если он хочет. Ты хочешь пить, Ворский?

Ворский, казалось, был уже совсем плох, его силы и выносливость подходили к концу. Стефан и Патрис снова вступились за негодяя, опасаясь самого худшего.

— Да что вы, — возразил дон Луис, — с ним все в порядке, до конца лекции он выдержит — хотя бы из желания все узнать. Правда интересно, а, Ворский?

— Грабитель! Убийца! — прохрипел тот.

— Ну как хочешь. Ты, стало быть, все еще отказываешься сказать, где спрятан Франсуа?

— Убийца… Бандит…

— Тогда виси дальше, друг мой. Дело твое. Нет ничего полезнее для здоровья, чем капелька страданий. И потом, ты ведь столько их принес другим, негодяй!

Дон Луис произнес последнюю фразу жестко и с оттенком гнева, неожиданным у этого человека, повидавшего на своем веку столько преступлений и вступившего в схватку со столькими злодеями. Быть может, этот выходил уже за всякие рамки?!

Дон Луис продолжил:

— Лет тридцать пять назад очень красивая женщина, приехавшая из Богемии, но по происхождению венгерка, стала появляться в городах, выросших вокруг озер Баварии, где быстро приобрела репутацию прорицательницы, гадалки, хиромантки, ворожеи и медиума. Она обратила на себя внимание короля Людвига Второго, друга Вагнера, строителя Байройта[21], коронованного

[21] Сноски: 21

Людвиг II (1845–1886) — король Баварии, финансировал строительство в Байройте Дворца фестивалей. Загадочно погиб в водах Штарнбергского озера.

безумца, прославившегося своими экстравагантными причудами. Связь умалишенного с ясновидящей длилась несколько лет — связь бурная, неистовая, прерывавшаяся из-за капризов короля и закончившаяся трагически: в один таинственный вечер Людвиг Второй Баварский бросился из лодки в воды Штарнбергского озера. Был ли это, как утверждает официальная версия, трагический приступ безумия? Или преступление, как считали некоторые? Каковы причины самоубийства? Чем вызвано преступление? На эти вопросы мы теперь уже никогда не получим ответа. Но факт остается фактом: венгерка сопровождала Людвига Второго в прогулке по озеру, а на следующий день, лишенная своих драгоценностей и многого другого, была выдворена за пределы Баварии.

В этом приключении женщину сопровождало четырехлетнее чудовище по имени Алексис Ворский, с которым она и поселилась неподалеку от городка Иоахимшталь, в Богемии, а через некоторое время принялась учить его грезить наяву, прозревать прошлое и будущее, а также мошенничать. Невероятно горячего нрава, но очень слабый умом, мальчик страдал галлюцинациями и кошмарами, верил в колдовство,

прорицания, сны и оккультные силы и принимал легенды за историю, а ложь за действительность. Особенно его поразила одна местная легенда: в ней говорилось о камне, обладавшем волшебной силой, который во тьме времен был похищен злыми духами и однажды должен быть вновь обретен сыном короля. Крестьяне даже показывали углубление, якобы оставшееся от камня на склоне холма.

«Сын короля — это ты, — твердила молодому человеку мать. — Отыскав похищенный камень, ты избегнешь грозящего тебе кинжала и сам станешь королем».

Это нелепое пророчество, а также еще одно, согласно которому, по словам венгерки, супруга ее сына погибнет на кресте, а сам он умрет от руки друга, оказали на Ворского самое непосредственное влияние, когда пробил роковой час. Теперь я перехожу к этому самому роковому часу, опуская то, что мы выяснили в результате трех бесед вчера и этой ночью, и то, что мы сумели восстановить. И верно, к чему подробно пересказывать то, что вы, Стефан, поведали в своей камере Веронике д'Эржемон? Зачем посвящать вас, Патрис, тебя, Ворский, и тебя, Дело-в-шляпе, в такие известные вам события, как твой брак, Ворский, — точнее,

два брака: сначала с Эльфридой, потом с Вероникой д'Эржемон, — как воспитание Франсуа его дедом, как исчезновение Вероники, как твои попытки ее найти, как твое поведение во время войны и пребывание в концентрационных лагерях? Это все мелочи по сравнению с событиями, происшедшими позже. Итак, мы выяснили историю Божьего Камня. Теперь нам предстоит распутать клубок, накрученный вокруг него тобою, Ворский.

Начало другой, уже современной истории таково. Ворский сидит в концентрационном лагере, расположенном близ Понтиви, в самом центре Бретани. Фамилия его уже не Ворский, а Лаутербах. Пятнадцатью месяцами ранее, после первого побега и решения трибунала приговорить его к смертной казни за шпионаж, он снова сбежал, встретил в лесу Фонтенбло одного из бывших своих слуг по имени Лаутербах, такого же, как и он, беглеца, немца по национальности, убил его, одел в свою одежду и загримировал так, чтобы того можно было принять за него, то есть за Ворского. Военные власти попались на этот крючок и похоронили мнимого Ворского в Фонтенбло. Что же касается подлинного Ворского, то ему не повезло: его снова арестовали, уже под именем

Лаутербаха, и отправили в лагерь в Понтиви.

Так обстояло дело с Ворским. Теперь об Эльфриде — его первой жене, грозной сообщнице во всех преступлениях и тоже немке (о ней и об их совместном прошлом я знаю кое-какие подробности, но они не представляют особого интереса, поэтому я даже не стану о них упоминать). Итак, Эльфрида, сообщница Ворского, скрывалась вместе с их сыном Райнхольдом в сарекских пещерах. Он оставил ее там, приказав шпионить за господином д'Эржемоном, чтобы через него выйти на Веронику д'Эржемон. Я не знаю причин, побудивших несчастную согласиться на это. Слепая привязанность, страх перед Ворским, злоба и ненависть к заменившей ее сопернице — какая разница? Она уже жестоко наказана. Мы будем говорить лишь о ее роли и не станем пытаться понять, откуда она набралась мужества прожить три года под землей, выходя лишь ночью, похищая еду для себя и сына и терпеливо дожидаясь дня, когда она сможет ублажить и спасти своего господина и повелителя.

Неизвестно мне и то, как они учиняли свои действия и как Ворский и Эльфрида сообщались между собой. Но я достоверно знаю, что побег Ворского долго и тщательно готовился его первой

женой. Все было согласовано до мельчайших подробностей. Были приняты все возможные меры предосторожности. Четырнадцатого сентября прошлого года Ворский сбежал, захватив с собою двух приспешников, с которыми познакомился в лагере и которых, если можно так выразиться, завербовал. Это были господа Отто и Конрад.

Путешествие их оказалось несложным. На каждом перекрестке — стрела, порядковый номер, а над ними инициалы «В. д'Э.», выбранные явно Ворским, указывали, какой дорогой следовать дальше. Время от времени где-нибудь в заброшенной хижине, под камнем или в стогу сена они находили еду. Пройдя через Гемене, Фауэт и Роспорден, они оказались на пляже в Бег-Мейле.

Ночью на моторке Онорины туда отправились Эльфрида и Райнхольд, которые забрали троих беглецов и высадили их у друидских пещер на Черных Песках. Беглецы поднялись в пещеры. Жилье для них уже было готово, причем, как вы могли убедиться, вполне сносное. Прошла зима, и смутный план Ворского с каждым днем стал приобретать все более четкие контуры.

Странное дело, но во время первого пребывания на Сареке, еще до войны, Ворский не слышал разговоров о тайне острова. Это Эльфрида в пись-

мах, которые она писала в Понтиви, поведала ему легенду о Божьем Камне. Можете себе представить, какое воздействие она могла произвести на человека с психикой Ворского. Разве Божий Камень не есть тот самый чудесный камень, похищенный с его родины, — камень, который должен быть найден сыном короля, за что тот будет наделен могуществом и королевской властью? То, что Ворский узнал позже, лишь укрепило его в этом убеждении. Но самое главное, что в последние месяцы оказалось в центре всего его подземного существования, — это обнаруженное им пророчество брата Тома. Обрывки его он уже явно слышал, когда, притаившись под окнами какой-нибудь хижины или на крыше гумна, жадным ухом внимал беседам крестьян. А в памяти обитателей Сарека всегда хранились ужасающие события, связанные с обнаружением и исчезновением невидимого камня. Всегда ходили разговоры и о кораблекрушении, и о распятых женщинах. К тому же разве не знал Ворский надпись на Дольмене Фей — про тридцать трупов в тридцати гробах, про казни четырех женщин и про Божий Камень, что дарует жизнь иль смерть? Что за волнующие совпадения для столь слабого рассудка, как у него!

Но все же самое существенное во всем деле — это само пророчество, обнаруженное Магенноком в требнике с картинками. Вспомним, что Магеннок вырвал из него заветную страницу и любивший рисовать господин д'Эржемон неоднократно скопировал ее, невольно придавая лицу женщины на главном кресте сходство с Вероникой. И вот однажды ночью, когда Магеннок при свете лампы рассматривал оригинал страницы и одну из копий, подглядывавший за ним через окно Ворский увидел оба листка. Тут же он вытащил карандаш и сумел в темноте переписать пятнадцать стихов этого неоценимого для него документа. Теперь он знал и понимал все. Перед ним засиял ослепительный свет. Все разрозненные подробности соединились в четкую, краткую истину. Сомнений больше не было: пророчество относится к нему! Это он должен воплотить его в жизнь!

Повторяю: в этом вся суть. Начиная с этого мгновения дорогу Ворского освещал яркий маяк. У него в руках была нить Ариадны. Содержание пророчества было для него неоспоримо. Оно стало его скрижалью, его библией. А между тем эти стихи, написанные кое-как, только чтобы в рифму, — несусветная глупость и вздор! Ни на

одной фразе нет печати вдохновения! Ни единой искорки! Ни следа того священного безумия, что вдохновляло Дельфийского оракула или вызывало горячечные видения Иеремии или Иезекииля! Ничего. Пустые слова, пустые рифмы. Ничего, даже меньше чем ничего. Но вполне достаточно, чтобы озарить своим светом Ворского и зажечь в нем энтузиазм неофита!

Стефан, Патрис, послушайте пророчество брата Тома. Сверхбош переписал его десять раз в свою записную книжку, чтобы иметь возможность десятикратно прижать его к телу, впечатать в самую глубину души. Вот один из этих листков. Стефан, Патрис, слушайте же! Слушай и ты, верный друг Отто. Да и ты, Ворский, выслушай в последний раз стишки брата Тома. Итак, я приступаю:

Сарек увидит в год четырнадцать и третий

Погибшие суда, стенания и страх,

Там будут стрелы, яд и пыточные клети,

Четыре женщины на четырех крестах

И тридцать трупов в тридцати гробах.

И Авель Каина пред матерью убьет,

Когда же их отец, по крови – древний гот,

Жестокосердный принц, перст рока вечно юный,

Предав мученьям медленным, прольет

Своей супруги кровь в вечерний час июня,

Там, где запрятан клад, вдруг забушует пламень

И вздыбится земля, взметнется круговерть.

И человек тогда вновь обретет тот камень,

Что варвары, украв, зарыли в эту твердь,

Тот Божий Камень, что дарует жизнь иль смерть.

Дон Луис Перенна начал чтение выспренне, подчеркивая глупость текста и банальность рифм. Закончил же читать он глухо, почти шепотом, перешедшим в жуткую тишину. Происшедшее встало перед слушателями во всем своем ужасе.

Через несколько секунд он заговорил снова:

— Теперь вам ясно развитие событий, не так ли? Вам, Стефан, — вы ведь сами оказались жертвой и знали остальных — или, по крайней мере, были с ними знакомы? Вам тоже, Патрис? В пятнадцатом веке нищий полусвихнувшийся монах, одолеваемый адскими видениями, изливает свои кошмары в якобы пророческом стихе: мы можем назвать его лишь галиматьей, ибо пророчество не основано ни на каких серьезных данных; каждая его деталь вызвана к жизни лишь требованиями рифмы или метра; с точки зрения реальности оно явно значит для поэта не больше, чем если бы он наугад вытаскивал слова из своей поэтической мошны. История Божьего Камня, предания и легенды — ничто не дает ему ни малейших оснований для пророчества. Этот славный малый извлек пророчество из собственной головы, не имея в виду ничего дурного — просто чтобы поместить какой-нибудь текст на полях мрачного рисунка, выполненного им с такой тщательностью. Но он настолько доволен своим сочинением, что берет на себя труд нацарапать чем-то острым несколько строк на одном из столбов Дольмена Фей.

А четыре века спустя страница с пророчеством

попадает в руки сверхбоша — тщеславного и безумного маньяка-убийцы. Что же увидел сверхбош? Забавную детскую фантазию? Ничего не значащую причуду? Отнюдь. Он посчитал пророчество в высшей степени интересным документом — из тех, что, видимо, изучают другие его соотечественники-сверхбоши, с тою лишь разницей, что у этого документа прекрасное происхождение. Это — Ветхий Завет, Священная Книга, объясняющая и комментирующая закон Сарека! Это евангелие Божьего Камня! И это евангелие указывает на него, Ворского, на сверхбоша, как на мессию, призванного свершить волю Провидения.

Для Ворского тут никакой ошибки нет и быть не может. Разумеется, дело ему по душе, поскольку речь идет о том, чтобы похитить богатство и власть. Но этот вопрос уходит на второй план. Прежде всего он подчиняется мистическому порыву расы, верующей в свое предназначение и кичащейся тем, что она всегда выполняет свою миссию — нести духовное возрождение, равно как грабить, жечь и убивать. А свою миссию Ворский увидел написанной черным по белому в пророчестве брата Тома. Брат Тома недвусмысленно говорит ему, что он должен делать, и ясно

называет его, Ворского, избранником судьбы. Разве он не сын короля, то есть «принц», «по крови древний гот»? Разве родом он не из тех краев, откуда «варвары» похитили Божий Камень? Разве нет у него жены, которая, согласно предсказанию ясновидящих, должна погибнуть на кресте? Разве нет у него двух сыновей — одного мягкого и ласкового, как Авель, и другого — грубого, злого и необузданного, как Каин?

Этих доказательств ему достаточно. Отныне у него в кармане лежит мобилизационное предписание, путевой листок. Боги ясно указали ему пункт назначения, и он отправился в дорогу. На пути ему попадается несколько живых людей. Тем лучше! Это — часть его программы. Вот когда все эти живые люди будут уничтожены, причем тем способом, который указал брат Тома, его план осуществится: Божий Камень будет освобожден, а он, Ворский, орудие рока, коронован на царство. Так засучим же рукава, возьмем добрый мясницкий нож — и за дело! Ворский собирается воплощать в реальность кошмары брата Тома.

Глава семнадцатая «Жестокосердный принц, перст рока...»

Дон Луис снова обратился к Ворскому:

— Ты согласен со мной, приятель? Все, что я говорю, является точным отражением истины, не так ли?

Ворский висел с закрытыми глазами, голова его поникла на грудь, на лбу вздулись жилы. Чтобы пресечь в зародыше любое вмешательство Стефана, дон Луис воскликнул:

— Ты заговоришь, старина! Что, начинает болеть по-настоящему? Ум заходит за разум? Ты не забыл? Только начни насвистывать «Мамочка, мамочка...» — и я сразу прерву лекцию. Не хочешь? Еще не созрел? Тем хуже. А вы, Стефан, за Франсуа не беспокойтесь. Я отвечаю за все. Только не жалейте вы это чудовище, прошу вас. Нет, нет и нет! Не будем забывать, что он хладнокровно, собственноручно все подготовил и осуществил. Не надо об этом забывать. Однако я увлекся, а это ни к чему.

Дон Луис развернул листок из тетради, где

Ворский записал пророчество, и, держа его перед глазами, продолжил:

— То, что мне осталось рассказать, уже менее важно, поскольку главные разъяснения даны. Между тем было бы неплохо остановиться на кое-каких подробностях, разобрать на части механизм аферы, придуманный и построенный Ворским, и осветить роль, сыгранную нашим милым Старым Друидом… Итак, наступил июнь. Месяц, назначенный для уничтожения тридцати человек. Назначенный, естественно, братом Тома, потому что слово «июня» хотя и плохо, но рифмуется с «юный», точно так же как «год четырнадцать и третий» рифмуется со словом «клети», а на тридцати жертвах брат Тома остановился потому, что это число сарекских утесов и дольменов. Однако Ворский обязан четко соблюдать инструкцию. Семнадцатого июня у него должно быть тридцать трупов. Он сможет этого добиться, если двадцать девять обитателей Сарека — скоро мы увидим, что у Ворского есть под рукой и тридцатая жертва, — останутся на острове и будут ждать, пока их уничтожат. Внезапно Ворский узнает об отъезде Онорины и Магеннока. Онорина должна вернуться к сроку. Но Магеннок? Ворский ни секунды не колеблет-

ся: он посылает по его следу Эльфриду и Конрада с приказом убить старика. Не колеблется он еще и потому, что, услышав обрывки одного разговора, узнает, что Магеннок вроде бы увез с собой драгоценный, чудесный камень, к которому нельзя прикасаться, а следует держать в свинцовом футляре (так говорил Магеннок).

Эльфрида и Конрад уезжают. И в одно прекрасное утро Эльфрида бросает Магенноку яд в чашку с кофе, которую тот и выпивает. (Разве в пророчестве не упомянут среди прочего и яд?) Магеннок снова отправляется в путь. Но через несколько часов у него начинаются невыносимые боли, и он умирает почти мгновенно на склоне холма. Следовавшие за ним Эльфрида и Конрад подбегают и выворачивают его карманы. Ничего. Никакого камня. Надежда Ворского не осуществилась. Но труп уже есть. Что делать? Они временно оставляют его в полуразрушенной хижине, где несколькими месяцами раньше уже побывал Ворский с сообщниками. Там-то и обнаружила его Вероника и там же не нашла во второй раз, поскольку Эльфрида и Конрад, наблюдавшие за хижиной, забрали его оттуда и спрятали, опять-таки на время, в погребе небольшого, покинутого обитателями замка.

Лиха беда — начало. Мимоходом заметим, что предсказание Магеннока относительно последовательности, в какой будут уничтожаться жертвы, то есть о том, что все начнется с него, ни на чем не основаны. В пророчестве об этом нет ни слова. Как бы то ни было, Ворский действует наудачу. На Сареке он похищает Франсуа и Стефана Мару, затем, как из осторожности, так и для того, чтобы иметь возможность ходить по острову не привлекая внимания и облегчить доступ в Монастырь, одевается в платье Стефана, а Райнхольда обряжает в одежду Франсуа. Впрочем, задача перед ним стоит нетрудная. В доме находятся лишь престарелый господин д'Эржемон да женщина — Мари Легоф. Разделавшись с ними, он сразу обыщет комнаты, и в первую очередь — спальню Магеннока. Кто знает, думает Ворский, — ведь результаты экспедиции Эльфриды ему еще неизвестны, — а вдруг Магеннок оставил драгоценный камень в Монастыре?

Первой жертвой становится кухарка Мари Легоф, которую Ворский хватает за горло и убивает ударом ножа. Но случайно ее кровь заливает ему все лицо. Охваченный страхом, поддавшись приступу малодушия, которому он подвержен, он убегает, не забыв, однако, напустить Райнхольда

на господина д'Эржемона.

Схватка между мальчиком и стариком длится долго. Она происходит то в одной комнате, то в другой и по трагической случайности заканчивается на глазах у Вероники д'Эржемон. Господин д'Эржемон убит. В этот момент появляется Онорина и тоже попадается под руку Райнхольда. Четвертая жертва.

События развиваются стремительно. Ночью начинается паника. Видя, что предсказание Магеннока сбылось и час катастрофы, так долго угрожавшей их острову, вот-вот пробьет, обитатели Сарека решают бежать. А Ворский с сыном только этого и ждут: они на украденной моторке набрасываются на беглецов и устраивают кошмарную бойню, о которой говорил брат Тома:

Погибшие суда, стенания и страх.

Онорина, чей рассудок уже пошатнулся, при виде этого зрелища сходит с ума и бросается со скалы.

Далее следуют несколько дней затишья, во время которых Вероника д'Эржемон без помех обследует Монастырь и сам остров. Тем временем отец с сыном после столь удачной охоты оставляют Отто одного в подземелье проводить время

в компании бутылки, а сами отправляются на моторке отыскать Эльфриду и Конрада, забрать труп Магеннока и бросить его в воду где-нибудь вблизи Сарека, поскольку тому предопределено занять один из тридцати гробов.

Теперь, то есть по возвращении на Сарек, у Ворского есть уже двадцать четыре трупа. Стефан и Франсуа, которых стережет Отто, взяты в плен. Остаются четыре женщины, которым уготована казнь, и три из них — сестры Аршинья — заперты в прачечной. Настает их черед. Вероника д'Эржемон пытается их спасти, но уже поздно. Их выслеживают бандиты. Райнхольд, умеющий прилично стрелять из лука, поражает их стрелами (так велит пророчество), и они попадают в руки врага. В тот же вечер их привязывают к трем дубам, причем Ворский предварительно изымает у них припрятанные пятьдесят тысяч франков. В результате — двадцать девять жертв. Кто же будет тридцатой? Кто будет четвертой распятой женщиной?

Дон Луис помолчал и продолжил рассказ:

— На эти вопросы пророчество дает ясный ответ, к тому же в двух, так сказать, направлениях:

И Авель Каина пред матерью убьет…

И чуть дальше:

> *…прольет*
> *Своей супруги кровь в вечерний час июня.*

Ознакомившись с документом, Ворский истолковал эти строки на свой лад. Не имея в тот момент под рукой Вероники, которую он тщетно искал по всей Франции, он решает несколько словчить с велением судьбы. Четвертой женщиной на кресте действительно будет его жена, но первая: Эльфрида. И это никоим образом не противоречит пророчеству: ведь в крайнем случае речь может идти о матери Каина, а не о матери Авеля. Заметим также, что в другом пророчестве, сделанном когда-то лично ему, не говорилось конкретно, какая из них должна умереть. «Жена Ворского погибнет на кресте». Которая из жен? Да Эльфрида!

Итак, любимая и преданная сообщница должна погибнуть. Какое горе для Ворского! Но разве не должен он повиноваться господу своему Молоху? К тому же раз для достижения своей цели он решился пожертвовать собственным сыном Райнхольдом, то не принести в жертву Эльфриду будет просто непростительно. Так что все

в порядке.

Но тут новая неожиданность! Преследуя сестер Аршиньа, он встречает Веронику д'Эржемон и узнает ее!

Неужели такой человек, как Ворский, мог не узреть в этом еще один подарок высших сил? Женщина, которую он никак не может забыть, ниспослана ему судьбой как раз в тот миг, когда она должна занять свое место в его грандиозной мистерии. Какую прекрасную добычу он сможет принести в жертву… или подчинить своей воле! Чудесная перспектива! Как — совершенно неожиданно — засияло небо над ним! И Ворский теряет голову. Он все больше и больше верит в то, что он — мессия, избранник, «перст судьбы». Он уже видит себя в одном ряду с великими жрецами, хранителями Божьего Камня. Он — друид, архидруид, и именно в этом качестве в ночь, когда Вероника д'Эржемон сожгла мост — в шестую ночь полнолуния, — срезает священную омелу золотым ножом.

Затем начинается осада Монастыря. Тут я буду краток. Вероника д'Эржемон обо всем рассказала вам, Стефан, мы знаем о ее страданиях, о роли, которую сыграл восхитительный Дело-в-шляпе, о борьбе за Франсуа, борьбе за вас, Стефан, когда

вы сидели по воле Ворского в одной из камер, названных в пророчестве «пыточными клетями». Вас застали там с Вероникой. Юное чудовище Райнхольд сбрасывает вас в море. Франсуа с матерью убегают.

К несчастью, Ворскому и его бандитам удалось добраться до Монастыря. Франсуа схвачен, вскоре к нему присоединяется и мать. А дальше — дальше идут самые трагические сцены, на которых я не хочу останавливаться: разговор Ворского с Вероникой д'Эржемон и дуэль между братьями, между Авелем и Каином, происшедшая на глазах у Вероники. Разве не этого требует пророчество?

И Авель Каина пред матерью убьет.

Пророчество требует также, чтобы на ее долю выпали невыразимые страдания и чтобы Ворский был воплощением зла. Сей «жестокосердный принц» надевает на сражающихся маски и, когда Авель уже на грани поражения, сам ранит Каина, чтобы убитым оказался именно он.

Чудовище обезумело. Обезумело и охмелело. Развязка близка. Ворский пьет, потому что на этот вечер назначена казнь Вероники д'Эржемон.

Предав мученьям медленным, прольет
Своей супруги кровь…

Мученья будут медленны. Пора. Ужин, траурный кортеж, подготовка, лестница, веревки и потом… потом явление Старого Друида!

Проговорив последние слова, дон Луис расхохотался:

— Да, это было смешно. Начиная с этого момента драма идет бок о бок с комедией, забавное смешивается с жутким. Ах, что за чудак этот Старый Друид! Поскольку вы, Стефан, и вы, Патрис, находились за кулисами, дальнейшие события интереса не представляют. Но вот для Ворского… Сколько волнующих разгадок! Послушай-ка, Отто, прислони лестницу к стволу дерева — так, чтобы твой патрон смог поставить ноги на верхнюю ступеньку… Отлично. Ну что, Ворский, полегчало? Не думай только, что моя заботливость вызвана нелепой жалостью. Ничего подобного. Просто я немного боюсь, как бы ты не окочурился, а мне хочется, чтобы ты оставался в хорошей форме и выслушал признания Старого Друида.

Новый взрыв смеха. Старый Друид явно веселил дона Луиса.

— Появление Старого Друида, — заметил он, — внесло во все это дело порядок и разумное начало. Все отрывочное и разрозненное собралось вместе. Непоследовательность в преступлениях

обрела логику в возмездии. Вместо стишков брата Тома действием стали управлять здравый смысл и строгая методичность человека, который знает, чего хочет, и не теряет времени даром. Нет, в самом деле Старый Друид заслуживает нашего восхищения.

Старый Друид, которого мы можем теперь называть — ты уже догадался, Ворский? — доном Луисом Перенной или Арсеном Люпеном, мало что знал обо всей этой истории, когда перископ его субмарины «Хрустальная Пробка» показался вчера днем из воды вблизи Сарека.

— Вы мало что знали? — вырвалось у Стефана Мару.

— Практически ничего, — подтвердил дон Луис.

— Как! А все подробности касательно прошлого Ворского, его действий на Сареке, его планов, роли Эльфриды, отравления Магеннока?

— Все это, — заявил дон Луис, — я узнал здесь, в течение последних суток.

— Но каким образом? Вы же все время были с нами!

— Поверьте, Старый Друид, ступив вчера на землю Сарека, действительно ничего не знал. Но Старый Друид утверждает, что к нему благово-

лят боги, причем не менее, чем к тебе, Ворский! И действительно, едва ступив на маленькую, укрытую от посторонних взоров отмель, он увидел своего друга Стефана, которому посчастливилось упасть в достаточно глубокое место и избежать таким образом участи, уготованной ему тобой и твоим сыном. Оказание помощи, потом разговор. Через полчаса Старый Друид уже в курсе событий и сразу пускается на поиски. В конце концов он оказывается в подземелье и в твоей комнате, Ворский, обнаруживает весьма нужный ему белый хитон, а вслед за ним — клочок бумаги с переписанным твоею рукой пророчеством! Чудно! Старый Друид знает намерения врага.

Он идет по туннелю, которым убежали Франсуа с матерью, но не может выйти наружу из-за завала. Тогда он возвращается и выходит наверх в Черных Песках. Начинает исследовать остров. Встречает Отто и Конрада. Враг сжигает временный мост. На часах — шесть вечера. Как попасть в Монастырь? «Через спуск в потерну», — советует Стефан. Старый Друид возвращается на «Хрустальную Пробку». Под руководством Стефана, знающего все проходы, субмарина огибает остров, — должен заметить, друг мой Ворский,

что «Хрустальная Пробка» весьма послушное судно, построенное по проекту Старого Друида, и может пройти буквально везде; в конце концов Старый Друид высаживается в месте, где хранится лодка Франсуа. Там он встречает Дело-в-шляпе, спящего под этой самой лодкой. Старый Друид представляется. Между ними мгновенно возникает симпатия, и они пускаются в путь. Но на полпути Дело-в-шляпе сворачивает в сторону. Стена утеса в этом месте кажется залатанной кусками известняка. А среди этих кусков зияет дыра, проделанная, как потом убедился Старый Друид, Магенноком, — он проникал через нее в подземный зал жертвоприношений и склепы. Теперь Старый Друид оказался в самом центре интриги, причем в качестве хозяина положения. Уже восемь вечера, однако за Франсуа пока можно не беспокоиться. Ведь в пророчестве сказано: «Авель Каина убьет». Но неужели Вероника д'Эржемон, которая должна погибнуть «в вечерний час июня», уже подвергается страшной пытке? Неужели ее не успеть спасти?

Дон Луис повернулся к Стефану:

— Помните, Стефан, какой ужас вы пережили вместе со Старым Друидом и вашу радость, когда вы увидели подготовленное для казни

дерево с надписью «В. д'Э.»? Жертвы на дереве еще не было. Веронику еще можно спасти. В это время со стороны Монастыря донеслись голоса. Это — траурная процессия. В густеющих сумерках она медленно движется вверх по склону. Раскачивается фонарь. Ворский разглагольствует. Близится развязка. Скоро все будет кончено, и тогда к Веронике придет избавление.

Но тут случается происшествие, которое тебя позабавит, Ворский. Да, мы с друзьями сделали странное открытие: обнаружили женщину, кружившую около дольмена, которая при нашем приближении спряталась. Она схвачена. При свете электрического фонаря Стефан ее узнал. Знаешь, Ворский, кто это был? Держу пари, не угадаешь. Эльфрида! Да, Эльфрида, твоя сообщница, которую еще недавно ты собирался распять. Забавно, не правда ли? Донельзя возбужденная, полубезумная, она рассказывает нам, что согласилась на дуэль между мальчиками, когда ты пообещал ей, что ее сын выйдет победителем и убьет сына Вероники. Но утром ты ее запер, а вечером, когда ей удалось выбраться, она обнаружила труп своего сына Райнхольда. А теперь она пришла посмотреть на казнь ненавистной соперницы, а затем отомстить тебе, убить тебя,

бедняга ты мой.

Прекрасно! Старый Друид одобряет ее намерения и, пока ты приближаешься под присмотром Стефана к дольмену, продолжает выпытывать у Эльфриды необходимые сведения. Но вдруг, услышав твой голос, Ворский, негодяйка начинает артачиться, представляешь? Непредвиденный поворот! От голоса хозяина в ней взыграло ретивое. Она хочет тебя видеть, предупредить об опасности, спасти — и внезапно бросается на Старого Друида с кинжалом в руке. Старый Друид в целях самозащиты вынужден ее оглушить, и тут, когда он глядит на умирающую, ему приходит в голову, что из этого происшествия он может извлечь выгоду. В мгновение ока мерзкое создание связано. Ты покараешь ее собственноручно, Ворский, ее ждет удел, который ты готовил для нее раньше. Старый Друид отдает хитон Стефану, объясняет, что от него требуется, при твоем появлении пускает в тебя стрелу и, пока ты гоняешься за белым хитоном, ловко подменяет Веронику Эльфридой, вторую жену — первой. Каким образом? Это тебя не касается. Главное, дело сделано, причем, как тебе известно, вполне успешно…

Дон Луис перевел дух. Судя по его доверитель-

ному, дружескому тону, можно было подумать, что он рассказывает Ворскому какую-то забавную историю, добрый фарс, над которым Ворский первым же и посмеется.

— Но это еще не все, — продолжил он. — Патрис Бельваль и несколько моих марокканцев — к твоему сведению, на борту их восемнадцать — неплохо поработали в подземных залах. Разве в пророчестве не сказано вполне определенно:

Когда жена испустит последний вздох,

Там, где запрятан клад, вдруг забушует пламень

И вздыбится земля, взметнется круговерть.

Ясное дело, ни брат Тома, ни кто другой понятия не имели, где сокрыт клад. А Старый Друид догадался и пожелал, чтобы Ворский увидел и услышал сигнал и, горяченький, упал прямо ему в рот, словно жаворонок с неба. Для этого следовало отыскать выход из подземелья где-то вблизи от Дольмена Фей. Капитан Бельваль принимается за поиски и находит его, тем более что Магеннок уже начинал искать именно там. Древняя лестница расчищена. Внутренность сухого дерева тоже. С субмарины принесены

динамитные шашки и сигнальные ракеты. И когда со своего насеста ты, словно герольд, возгласил: «Она умерла! Четвертая женщина погибла на кресте!» — бах, бах! — раздается гром, бушует пламень, земля дыбится, круговерть взметается! Дело сделано, ты — любимчик богов, баловень судьбы, и тебя обуревает благородное желание броситься вниз головой в каменную трубу и проглотить Божий Камень. Итак, завтра, проспавшись после возлияний, ты слопаешь его за милую душу. По указанию брата Тома ты обратил в трупы тридцать человек. Преодолел все препятствия. Пророчество сбылось.

И человек тогда вновь обретет тот камень,

Что варвары, украв, зарыли в эту твердь,

Тот Божий Камень, что дарует жизнь иль смерть.

Старому Друиду осталось лишь подчиниться и вручить тебе ключи от рая. Но прежде, понятное дело, маленькая интермедия, несколько антраша и магических пассов, просто чтобы чуть-чуть позабавиться. И — вперед к Божьему Камню, который стережет Спящая красавица!..

Дон Луис с живостью изобразил несколько прыжков, к которым питал такое пристрастие, а затем обратился к Ворскому:

— Старина, у меня создалось смутное впечатление, что тебе уже наскучила моя лекция и ты предпочел бы сейчас открыть место, где спрятан Франсуа, вместо того чтобы слушать дальше. О горе! Тебе все же придется узнать, в чем там было дело со Спящей красавицей и откуда столь неожиданно появилась Вероника д'Эржемон. Впрочем, минуты за две я управлюсь. Извини.

И дон Луис, оставив в покое Старого Друида и говоря снова от своего имени, продолжил:

— Итак, зачем я отнес туда Веронику д'Эржемон после того, как вырвал ее из твоих когтей? Ответ прост: а куда бы ты хотел, чтобы я ее доставил? На субмарину? Это твое предположение — просто нелепость. Ночью море разыгралось, а Вероника нуждалась в отдыхе. В Монастырь? Ни за что на свете. Он расположен слишком далеко от театра военных действий, и я не был бы спокоен. В сущности, укрыться от грозы и твоих ударов можно было лишь в зале жертвоприношений, поэтому-то я ее туда и отнес, поэтому-то она и спала там у тебя на глазах сладким сном, находясь под действием хорошего снотворного. Должен

признаться, что я к тому же не мог отказать себе в удовольствии устроить тебе этот маленький спектакль. Но разве ты меня отблагодарил за него? Нет, вспомни, что за рожу ты скроил! Жуткое зрелище! Вероника воскресла! Ожившая покойница! По-видимому, зрелище оказалось столь жутким, что ты удрал со всех ног. Впрочем, к делу. Ты обнаруживаешь, что выход завален. Это заставляет тебя одуматься. Конрад решает идти на приступ и нападает на меня исподтишка, как раз когда я нес Веронику д'Эржемон в субмарину. Но мой верный марокканец наносит ему роковой удар. Еще одна комическая интермедия. Выряженный в хитон Старого Друида Конрад лежит в одном из склепов, и ты, естественно, тут же подскакиваешь и набрасываешься на него. А когда ты видишь на жертвеннике труп Эльфриды, занявший место Вероники д'Эржемон, ты набрасываешься и на него и превращаешь в кровавое месиво ту, которую уже распял. Опять промашка! И наконец развязка, тоже не лишенная комической нотки. Ты висишь на пыточном столбе, а я тем временем читаю тебе лекцию, которая вот-вот тебя доконает и из которой следует, что если ты хотел заполучить Божий Камень с помощью тридцати злодейств, то я его добыл только

с помощью собственной смекалки. Вот и все, мой милый Ворский. Если не считать нескольких второстепенных происшествий да еще кое-чего более важного, чего тебе знать не следует, теперь ты знаешь столько же, сколько и я. Устроился ты удобно, время поразмыслить у тебя было. Я жду, что ты смело ответишь на вопрос насчет Франсуа. Ну, начинай: «Мамочка, мамочка, лодочки…» Ну как? Будешь говорить?

Дон Луис поднялся на несколько ступенек. Взволнованные Стефан и Патрис, подойдя поближе, навострили уши. Ворский явно собирался что-то сказать.

Он открыл глаза и посмотрел на дона Луиса со смесью ненависти и страха. Должно быть, тот казался Ворскому одним из тех необыкновенных людей, с кем совершенно бессмысленно бороться и у кого не менее бессмысленно просить пощады. Дон Луис был победителем, а тем, кто сильнее, принято уступать или сдаваться. К тому же Ворский был уже на пределе сил. Мучения становились нестерпимыми.

Он неразборчиво произнес несколько слов.

— Погромче! — велел дон Луис. — Я не слышу. Где Франсуа д'Эржемон?

С этими словами он поднялся еще на ступень-

ку. Ворский проговорил еле слышно:

— Вы меня отпустите?

— Клянусь честью. Мы все покинем остров, а Отто останется и освободит тебя.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас.

— Тогда…

— Ну-ну?

— Ну… Франсуа жив…

— Черт побери, я в этом не сомневаюсь! Но где он?

— Лежит связанный в лодке.

— Которая висит у подножия скалы?

— Да.

Дон Луис хлопнул себя по лбу:

— Трижды болван! Не обращай внимания, это я про себя. Конечно, я должен был догадаться! Ведь Дело-в-шляпе мирно спал под этой лодкой, словно хороший пес у ног хозяина. Ведь Дело-в-шляпе, когда его послали по следу Франсуа, привел Стефана к этой лодке. Даже самые умные люди ведут себя порой как ослы, это уж точно! А ты, Ворский, знал, что там есть спуск и лодка?

— Со вчерашнего дня.

— И ты, пройдоха, хотел на ней удрать?

— Да.

— Вот и удерешь, Ворский, вместе с Отто. Я оставлю ее тебе. Стефан!

Но Стефан Мару в сопровождении Дела-в-шляпе уже бежал к скале.

— Приведите Франсуа, Стефан! — крикнул ему дон Луис.

И, обращаясь к марокканцам, добавил:

— Пойдите помогите ему. И приготовьте субмарину. Через десять минут уходим.

Затем он повернулся к Ворскому:

— Прощай, милый друг. Да, вот еще что. В каждом хорошо задуманном приключении есть любовная интрига. Мне казалось, что в нашем она отсутствует, поскольку я не осмелюсь подразумевать под этим чувства, толкавшие тебя к святому созданию, которое носит твое имя. Между тем я должен раскрыть тебе глаза на очень чистую и благородную любовь. Видел, с какою поспешностью бросился Стефан на выручку к Франсуа? Разумеется, он любит своего юного воспитанника, но еще сильнее — его мать. А поскольку все, что приятно Веронике д'Эржемон, не может не доставить радости и тебе, я готов признаться, что он ей тоже небезразличен, что его возвышенное чувство тронуло ее женское сердце, что сегодня утром она встретила Стефана

с неподдельной радостью и что все это должно закончиться браком… когда она станет вдовой, понятное дело. Ты меня понял, не так ли? Ты — единственное препятствие, которое мешает их счастью. Поэтому, как безупречный джентльмен, не соблаговолишь ли ты… Все, дальше я умолкаю. Ты такой знаток правил хорошего тона, что я вправе рассчитывать на твою скорейшую смерть. Прощай, старина. Я не подаю тебе руки, но мое сердце с тобой! Отто, если ты ничего не имеешь против, то через десять минут отвяжи своего патрона. Лодку вы найдете у подножия скалы. Удачи вам, друзья мои.

Все было кончено. Схватка между доном Луисом и Ворским завершилась, причем в ее исходе никто и не сомневался. С первой же минуты один из противников оказался настолько сильнее другого, что этот другой, несмотря на свою наглость и преступный опыт, был лишь безгласной марионеткой, гротескной и нелепой. Преуспев в осуществлении своего замысла, выполнив и даже перевыполнив свой план, этот триумфатор и хозяин положения оказался вдруг привязан к дереву, да так там и остался, трепещущий и бессильный, словно насекомое, приколотое булавкой к куску пробки.

Не обращая больше внимания на своего пленника, дон Луис увлек за собою Патриса Бельваля, который не удержался и сказал:

— Нет, все-таки вы слишком мягко поступили с этими мерзавцами!

— Вовсе нет: они очень скоро попадутся где-нибудь в другом месте, — со смехом ответил дон Луис. — Что, по-вашему, они станут делать?

— Прежде всего заберут Божий Камень.

— Исключено. Для этого нужны двадцать человек, леса, оборудование. Я тоже сейчас за это не возьмусь. Вернусь после войны.

— Однако, дон Луис, скажите: что же все-таки такое этот чудесный камень?

— Пойдемте, любопытный вы человек! — проговорил вместо ответа дон Луис.

Они тронулись в путь, и дон Луис, потирая руки, сообщил:

— Действовал я правильно. Прошло чуть больше двадцати четырех часов с тех пор, как мы высадились на Сареке. А ведь загадку не могли разрешить в течение двадцати четырех веков. Век за час. Поздравляю, Люпен.

— Я тоже охотно бы вас поздравил, дон Луис, — заметил Патрис Бельваль, — но разве могут мои поздравления сравниться с вашими собствен-

ными!

Когда они добрались до небольшой песчаной отмели, лодка Франсуа, уже спущенная на воду, была пуста. «Хрустальная Пробка» покачивалась чуть дальше и правее на спокойных водах.

Франсуа бросился им навстречу, но в нескольких шагах от дона Луиса остановился как вкопанный, глядя на него широко раскрытыми глазами.

— Значит, это вы? — пробормотал он. — Это вас я ждал?

— Ей-богу, — смеясь, отозвался дон Луис, — понятия не имею, ждал ты меня или нет, но одно несомненно: я — это я.

— Вы… вы… дон Луис Перенна… то есть…

— Тсс, больше никаких имен. Меня вполне устраивает Перенна. И потом, довольно обо мне, ладно? Я здесь человек случайный, просто шел мимо и очень кстати оказался рядом. Но вот ты… Слушай, малыш, ты здорово осунулся. Значит, ты провел ночь в этой лодке?

— Да, под брезентом, связанный и с приличным кляпом во рту.

— Ты беспокоился?

— Ни капельки. Я не пролежал здесь и четверти часа, как появился Дело-в-шляпе. Поэтому…

— Но этот бандит… Чем он тебе угрожал?

— А ничем. После дуэли, пока другие занимались моим противником, он привел меня сюда якобы для того, чтобы отдать маме и отправить нас в лодке с острова. Когда же мы пришли, он, ни слова не говоря, связал меня.

— Ты знаешь этого человека? Знаешь, как его зовут?

— Совсем не знаю. Мне лишь известно, что он преследовал нас с мамой.

— По причинам, о которых я тебе еще расскажу, мой маленький Франсуа. Как бы то ни было, теперь тебе его бояться нечего.

— Но вы его не убили?

— Нет, просто обезвредил. Я потом все объясню. Но мне кажется, сейчас самое спешное для нас — вернуться к твоей матушке.

— Стефан мне уже сказал, что она отдыхает там, в субмарине, и что это вы ее спасли. Она меня ждет, да?

— Еще бы! Этой ночью у нас с нею был разговор, и я обещал тебя отыскать. Мне показалось, она мне поверила. Но все же, Стефан, вам следовало бы отправиться вперед и подготовить ее.

Справа, у самого конца цепи скал, образовывавших как бы естественную пристань, на мягкой волне чуть покачивалась «Хрустальная Пробка».

Вокруг нее суетилась дюжина марокканцев. Двое из них придерживали сходни, по которым несколько секунд спустя прошли дон Луис и Франсуа.

В одной из кают, обставленной как гостиная, Вероника полулежала в шезлонге. На ее бледном лице еще оставался отпечаток перенесенных ею невыразимых мучений. Она выглядела очень усталой и ослабевшей. Но в ее полных слез глазах сияла радость.

Франсуа бросился ей в объятия. Вероника лишь молча сдерживала рыдания.

Перед ними сидел Дело-в-шляпе, который бил по воздуху лапами и смотрел на них, чуть склонив голову набок.

— Мама, — проговорил Франсуа, — дон Луис здесь.

Она пожала руку дону Луису и долго ее не отпускала, а Франсуа тем временем твердил:

— Вы спасли маму… Вы нас спасли…

Дон Луис перебил его:

— Хочешь сделать мне приятное, мой маленький Франсуа? Тогда не благодари меня. Если же тебе обязательно нужно выразить кому-то благодарность, вырази ее своему псу. По его виду не скажешь, что он сыграл в этой драме важную

роль. Но в отличие от преследовавшего вас негодяя, он был вашим добрым гением — скромным, умным, простым и молчаливым.

— К вам это тоже относится.

— О нет, я не отличаюсь ни скромностью, ни молчаливостью и именно за эти качества люблю Дело-в-шляпе. Пошли, Дело-в-шляпе, хватит тебе служить. Иначе ты рискуешь провести здесь ночь, ведь мать с сыном проплачут вместе не один час.

Глава восемнадцатая
Божий камень

«Хрустальная Пробка» двигалась в надводном положении. Дон Луис вел беседу в окружении Стефана, Патриса и Дела-в-шляпе.

— Ну и негодяй этот Ворский! — бросил он. — Я много повидал всяких чудовищ, но такого, как он, не приходилось.

— Но в таком случае… — вмешался Патрис Бельваль.

— Что «в таком случае»? — переспросил дон Луис.

— Я возвращаюсь к тому, что уже говорил. Вы держали в руках чудовище и отпустили его! Не говоря о том, что это безнравственно, подумайте, сколько зла он еще может натворить, и обязательно натворит. Вы берете на себя тяжелую ответственность — я имею в виду те преступления, которые он совершит.

— Вы придерживаетесь того же мнения, Стефан? — спросил дон Луис.

— У меня еще не сложилось мнение на этот счет, — отозвался Стефан. — Ведь чтобы спасти

Франсуа, я был готов на любые уступки. Но все-таки…

— Все-таки вы предпочли бы, чтобы мое решение оказалось иным?

— Признаюсь, да. Пока этот человек жив и на свободе, госпожа д'Эржемон и ее сын будут постоянно под угрозой.

— Но какое решение? За немедленное освобождение Франсуа я обещал ему свободу. По-вашему, я должен был пообещать ему только жизнь и отдать его в руки правосудия?

— Возможно, — согласился капитан Бельваль.

— Допустим. Но в этом случае правосудие произвело бы расследование и в конце концов установило бы, кто этот тип на самом деле, и тем самым воскресило бы мужа Вероники д'Эржемон и отца Франсуа. Вы этого хотите?

— Нет! Нет! — живо возразил Стефан.

— И вправду нет, — признал несколько смущенно Патрис Бельваль. — Нет. Это не лучшее решение. Но меня удивляет, почему вы, дон Луис, не нашли самого верного решения, которое удовлетворило бы всех нас.

— Было еще только одно решение, — отрезал дон Луис Перенна, — только одно.

— Какое?

— Смерть.

Воцарилось молчание.

Наконец дон Луис заговорил снова:

— Друзья мои, я объединил вас в трибунал вовсе не ради забавы. Вы считаете, что обсуждение завершено и с ним закончилась ваша роль судей. Это не так: трибунал еще не закрыл свое заседание. Поэтому я прошу вас ответить с предельной откровенностью: считаете ли вы, что Ворский заслужил смерть?

— Да, — твердо сказал Патрис.

Стефан подтвердил:

— Да, несомненно.

— Друзья мои, — продолжил дон Луис, — ваш ответ прозвучал недостаточно серьезно. Прошу вас дать его как положено и по всей совести, *как будто перед вами находится обвиняемый.* Повторяю: какого наказания заслуживает Ворский?

Стефан и Патрис подняли руку и по очереди произнесли:

— Смерти.

Дон Луис свистнул. Появился один из марокканцев.

— Принеси два бинокля, Хаджи.

Когда бинокли были принесены, дон Луис предложил их Стефану и Патрису.

— Мы отошли от Сарека не больше чем на милю. Посмотрите в сторону мыса, лодка уже должна быть в море.

— Верно, — через несколько секунд подтвердил Патрис.

— Вы тоже ее видите, Стефан?

— Да, но только…

— В чем дело?

— В ней только один пассажир.

— И в самом деле один, — согласился Патрис.

Друзья отложили бинокли, и один из них произнес:

— Убежал только один. Скорее всего, Ворский. Должно быть, убил своего сообщника Отто.

Дон Луис насмешливо возразил:

— Если только Отто не убил его.

— Почему вы так думаете?

— Как — почему? Вспомните, что предсказали Ворскому в молодости: «Твоя жена погибнет на кресте, а ты умрешь от руки друга».

— Не думаю, что одного предсказания достаточно.

— У меня есть и другие доказательства.

— Какие же?

— Друзья мои, это одна из последних задач, которые нам предстоит решить вместе. А вот

еще одна: каким образом, по-вашему, я подменил Веронику д'Эржемон Эльфридой Ворской?

Стефан покачал головой:

— Признаюсь, я этого не понял.

— А ведь все так просто! Когда в гостиной какой-нибудь господин показывает вам фокусы или угадывает ваши мысли, вы говорите себе, что, мол, за этим кроется какая-то хитрость, у фокусника есть помощник, верно? Скажите то же самое про меня, и вы будете недалеки от истины.

— Как! У вас был помощник?

— Ну разумеется.

— Но кто же он?

— Отто.

— Отто? Но вы не отходили от нас! Когда же вы умудрились с ним договориться?

— А как я мог добиться удачи без его помощи? В сущности, в этом деле у меня было два сообщника — Эльфрида и Отто, и оба они предали Ворского: одна — из чувства мести, другой — из страха и алчности. Когда вы, Стефан, заманили Ворского подальше от Дольмена Фей, я вплотную взялся за Отто. С помощью нескольких банкнот и обещания, что он выйдет сухим из воды, соглашение было достигнуто очень быстро. К тому же я сообщил ему, что Ворский забрал себе принад-

лежавшие сестрам Аршиньа пятьдесят тысяч франков.

— А это вы откуда знали?

— От моего помощника номер один — Эльфриды. Пока вы занимались Ворским, я продолжал потихоньку ее расспрашивать, и она в нескольких словах рассказала мне все, что знала о его прошлом.

— Так вы видели Отто всего один раз?

— Нет. Два часа спустя после смерти Эльфриды и фейерверка в дубе с дуплом у нас с ним состоялся второй разговор, под Дольменом Фей. Ворский спал, одурманенный спиртным, а Отто стоял на часах. Вы же понимаете, я не мог упустить такую возможность поближе познакомиться с делом и пополнить свои знания о Ворском теми сведениями, которые Отто в течение двух лет собирал о своем патроне, коего он ненавидел. После этого он разряжает револьверы Ворского и Конрада, вернее, вынимает из патронов пули, а гильзы оставляет на месте. Затем отдает мне часы и записную книжку Ворского, а также пустой медальон и фотоснимок матери Ворского, который стянул несколько месяцев назад. Все это пригодилось мне на следующий день, когда я разыгрывал перед Ворским чародея в склепе,

где он на меня наткнулся. Вот так мы с Отто и сотрудничали.

— Ладно, — отозвался Патрис, — но вы ведь все же не просили его убивать Ворского?

— Конечно нет.

— Тогда откуда мы будем знать?..

— Неужели вы думаете, что Ворский не догадался под конец о нашем сговоре, который столь явно способствовал его поражению? И не думаете ли вы, что господин Отто не предусмотрел такой возможности? Уж будьте уверены, сомнений тут быть не может: получив свободу, Ворский тут же уничтожил бы своего соратника — как для того, чтобы отомстить, так и с целью забрать у того пятьдесят тысяч франков сестер Аршиньа. Но Отто должен был его опередить. Привязанный к дереву, Ворский бессилен что-либо сделать и представляет собою легкую добычу. Должно быть, Отто его ударил. Но я пойду даже дальше. Отто, по натуре трус, наверное, обошелся и без применения силы. Он просто оставил Ворского привязанным к дереву. И таким образом, кара настигла злодея. Ну что, друзья мои, теперь вы удовлетворены? Ваше чувство справедливости утолено?

Патрис и Стефан молчали, пораженные страш-

ной картиной, которую нарисовал перед ними дон Луис.

— Да полно вам, — проговорил он, смеясь. — Выходит, я был прав, что не заставил вас вынести приговор там, когда мы сидели под дубом, прямо в лицо живому человеку! Я вижу, что, сделай я это, оба моих судьи несколько оробели бы.

Да и третий судья тоже, не правда ли, Делов-шляпе? Ты ведь у нас такой чувствительный и ранимый! Да и я такой же, друзья мои. Мы не из тех, кто выносит приговоры и карает. Но все же поразмыслите о том, что собою представлял Ворский, с изощренной жестокостью убивший тридцать человек, и поздравьте меня с тем, что в конечном итоге в качестве судьи я выбрал слепой рок, а в качестве исполнителя приговора — негодяя Отто. Да свершится воля Господня!

Скалы Сарека на горизонте становились все меньше и меньше. Наконец они совсем исчезли в туманной мгле — там, где море сливается с небом.

Трое мужчин хранили молчание. Все они думали о мертвом острове, разоренном одним безумцем, о мертвом острове, где скоро какой-нибудь путешественник обнаружит следы таинственной и необъяснимой драмы: выходы из подземелья,

сами подземелья с «пыточными клетями», зал Божьего Камня, склепы, труп Конрада, труп Эльфриды, скелеты сестер Аршиньа, а наверху, подле Дольмена Фей, где высечено пророчество о тридцати гробах и четырех крестах, — массивное тело Ворского, одинокое, жалкое, раздираемое на куски воронами и ночными птицами…

Небольшой домик в окрестностях Аркашона, в прелестной деревушке Мулло, где сосны спускаются прямо к берегу залива.

Вероника сидит в саду. Неделя отдыха и счастья вернула свежесть ее прекрасному лицу и усыпила дурные воспоминания. Она с улыбкой смотрит на сына, который, стоя неподалеку, слушает и расспрашивает дона Луиса Перенну. Иногда она бросает взгляд на Стефана, и в их глазах вспыхивает нежность.

Видно, что между ними, благодаря привязанности, которую оба они испытывают к мальчику, образовались тесные узы, делающиеся еще крепче от тайных мыслей и еще неявных чувств молодых людей. Ни разу не напомнил ей Стефан о признаниях, сделанных им в подземелье под Черными Песками. Но Вероника о них не забыла, и глубокая признательность, питаемая ею к воспитателю сына, смешивается у нее в душе

с особым волнением и трепетом, в которых она безотчетно находит некое очарование.

Дон Луис, уехавший поездом в Париж вечером того же дня, когда «Хрустальная Пробка» доставила всех в домик в Мулло, сегодня утром неожиданно появился к завтраку вместе с Патрисом Бельвалем; они уже час сидят в саду в качалках, а мальчик, весь раскрасневшийся от волнения, без устали засыпает вопросами своего спасителя:

— И что вы тогда сделали?.. Но как вы узнали?.. А что навело вас на этот след?..

— Милый, — замечает Вероника, — ты не боишься надоесть дону Луису?

— Ничуть, сударыня, — отвечает дон Луис, который встал, подошел к Веронике и говорит так, чтобы ребенок не услышал. — Франсуа мне вовсе не надоел, я даже хочу ответить на все его вопросы. Но признаюсь, порой он ставит меня в тупик, и я боюсь совершить какую-нибудь оплошность. Скажите, что из всей этой драмы ему доподлинно известно?

— Все, что известно мне, кроме, разумеется, имени Ворского.

— Но о роли Ворского он знает?

— Знает, но в несколько смягченном виде. Для него Ворский — это беглый военнопленный,

который наслушался легенд о Сареке и, чтобы завладеть Божьим Камнем, принялся претворять в жизнь пророчество, касающееся этого камня. Несколько строк из него я скрыла от Франсуа.

— А насчет роли Эльфриды? О ее ненависти к вам? О ее угрозах в ваш адрес?

— Зайди у нас с Франсуа разговор об этом, я сказала бы, что это — слова безумной женщины, смысла которых я сама не понимаю.

Дон Луис улыбнулся.

— Объяснение несколько неполное, — заметил он. — Мне кажется, что Франсуа прекрасно понимает: некоторые фрагменты драмы должны остаться и останутся для него тайной. Главное, чтобы он не узнал, что Ворский — его отец, не так ли?

— Он этого не знает и никогда не узнает.

— Но тогда — именно к этому я и клоню — чье имя он будет носить?

— Что вы хотите этим сказать?

— Чьим сыном будет он себя считать? Вы ведь не хуже меня знаете, что с точки зрения закона дела обстоят следующим образом: четырнадцать лет назад Франсуа Ворский вместе с дедом утонул во время кораблекрушения. Сам Ворский тоже мертв, год назад он якобы погиб от руки друга.

С точки зрения закона ни тот ни другой вообще не существуют, ведь так?

Вероника улыбнулась и покачала головой:

— Так, и что делать — я не знаю. Положение кажется мне безвыходным. Однако все обойдется.

— Почему вы так думаете?

— Потому что вы здесь.

Теперь пришла очередь дона Луиса улыбнуться.

— Тогда что за резон мне что-то делать, принимать какие-то меры? Все устроится само собой. Так чего ради волноваться?

— Но разве я не права?

— Правы, — уже серьезно ответил он. — Вы так настрадались, что не должны испытывать никаких огорчений. И отныне их у вас не будет, клянусь вам. Итак, вот что я вам предлагаю. Вы когда-то против воли отца вышли замуж за очень дальнего родственника, который впоследствии умер, оставив вам сына Франсуа. Ваш отец, чтобы вам отомстить, похитил этого сына и увез его на Сарек. Поскольку ваш отец мертв, род д'Эржемонов угас, и ничто больше не напоминает вам об обстоятельствах вашего замужества.

— Но имя-то мое остается. Ведь в книге записи актов гражданского состояния я записана как Ве-

роника д’Эржемон.

— Ваша девичья фамилия будет скрыта под той, что вы приняли после замужества.

— Под фамилией Ворская?

— Нет, поскольку вы были замужем не за господином Ворским, а за родственником, которого звали…

— Которого звали?..

— Жан Мару. Вот заверенная выписка из вашего свидетельства о браке с Жаном Мару, что внесена в книгу записи актов гражданского состояния, а вот другая выписка.

Вероника ошеломленно глядела на дона Луиса.

— Но почему?.. Почему именно это имя?

— Почему? Потому что ваш сын не должен зваться ни д’Эржемоном, чтобы не вспоминать о прошлом, ни Ворским, чтобы не вспоминать имя предателя. Вот его метрика — Франсуа Мару.

Смутившись и покраснев, Вероника повторила:

— Но почему вы выбрали именно это имя?

— Мне показалось, что так будет удобнее Франсуа. Это фамилия Стефана, рядом с которым Франсуа еще долго жить. Можно говорить, что Стефан — родственник вашего покойного мужа, это объяснит вашу с ним близость. Таков мой

план. Будьте уверены, он не таит в себе никаких опасностей. Когда человек оказывается перед лицом такой неразрешимой и тягостной ситуации, как ваша, приходится прибегать к не совсем обычным средствам и радикальным мерам — признаюсь, не очень-то законным. Я сделал это без зазрения совести, поскольку в моем распоряжении оказались средства, недоступные другим. Вы меня одобряете?

Вероника кивнула:

— Да, конечно.

Дон Луис привстал.

— Впрочем, — добавил он, — если какие-нибудь неудобства и возникнут, то будущее все уладит. Достаточно, к примеру, — с моей стороны не будет, надеюсь, нескромным намекнуть на чувства, питаемые Стефаном к матери Франсуа? — достаточно, если в один прекрасный день из здравого смысла, из признательности мать Франсуа решит отдать должное этим чувствам. Как в таком случае все упростится для Франсуа, если он уже будет носить фамилию Мару! Как легко тогда прошлое канет в вечность — и для окружающих, и для Франсуа: никто не сможет проникнуть в стертую из памяти тайну, ничто не будет напоминать о ней. Мне казалось, эта причина тоже довольно

важна. Я счастлив видеть, что вы разделяете мое мнение.

Дон Луис поклонился Веронике и, исчерпав свои доводы и не подавая вида, что заметил смущение молодой женщины, вернулся к Франсуа и воскликнул:

— Вот теперь, малыш, я весь в твоем распоряжении! И раз ты хочешь, чтобы все было разъяснено, вернемся к Божьему Камню и бандиту, так страстно к нему стремившемуся. Да-да, к бандиту, — повторил дон Луис, решив, что теперь нет причин не говорить о Ворском со всей откровенностью. — Он — самый страшный из всех бандитов, встречавшихся мне до сих пор, поскольку верил в свою миссию. Короче, он был больной, безумный…

— Прежде всего, — отозвался Франсуа, — вот чего я не понимаю: вы прождали целую ночь, чтобы его схватить, а он вместе с сообщниками спал тем временем под Дольменом Фей.

— Прекрасно, малыш! — засмеявшись, воскликнул дон Луис. — Ты попал в самое слабое место! Ведь поступи я так, как ты предлагаешь, драма закончилась бы часов на двенадцать раньше. Да только вот удалось бы нам тебя освободить? Сказал бы бандит, где ты спрятан, или нет? Я

не думаю. Чтобы у него развязался язык, нам нужно было «довести его до кипения». Нужно было его ошеломить, измучить беспокойством и страхом и с помощью тысячи доказательств внушить ему, что он проиграл окончательно и бесповоротно. Иначе он бы молчал, и нам, быть может, не удалось бы тебя отыскать. И потом, тогда у меня еще не было четкого плана, я не очень-то знал, как повести дело дальше, и лишь гораздо позже мне пришло в голову не подвергнуть его жестокой пытке — нет, на это я не способен, — а привязать к дереву, на котором он собирался умертвить твою мать. Я был в смущении, я колебался и в конце концов просто поддался желанию, к стыду своему, признаюсь, несколько детскому, дойти до конца пророчества, посмотреть, как наш миссионер поведет себя перед Старым Друидом; короче, мне захотелось поразвлечься. Что ж ты хочешь, все это было так мрачно, что, на мой взгляд, капелька веселья не повредила бы. И я посмеялся от души. В этом моя вина — признаю и прощу прощения.

Мальчик тоже рассмеялся. Дон Луис, у которого Франсуа стоял между колен, поцеловал его и повторил:

— Ты меня прощаешь?

— Да, но при условии, что вы ответите мне еще на два вопроса. Первый — не очень важный.

— Спрашивай.

— Я имею в виду перстень. Откуда взялся тот перстень, что вы надели на палец сперва маме, а потом Эльфриде?

— Я соорудил его той же ночью из старого кольца и нескольких цветных камешков.

— Но ведь бандит узнал в нем перстень своей матери?

— Ему только показалось, будто он узнал, потому что получилось похоже.

— Но откуда вы знали, как он выглядит? И откуда знали его историю?

— От самого бандита.

— Как это?

— А вот так! Я узнал все это из слов, что он бормотал, когда спал под Дольменом Фей, из его пьяного кошмара. Он хоть и бессвязно, но рассказал всю историю своей матери, которая, впрочем, была частично известна Эльфриде. Видишь, как все просто! И сколько раз случай был на моей стороне.

— Но тайна Божьего Камня вовсе не проста, а вы ее разгадали! — вскричал Франсуа. — Его искали целые века, а вам на это понадобилось

несколько часов.

— Ошибаешься, Франсуа, — несколько минут. Мне было достаточно прочесть письмо, которое твой дед написал по этому поводу капитану Бельвалю. Я написал ответ, в котором объяснил твоему деду, где находится Божий Камень и в чем заключаются его волшебные свойства.

— Знаете, дон Луис, — воскликнул мальчик, — я хочу, чтобы вы объяснили это и мне! Это мой последний вопрос, обещаю. Почему так получилось, что люди верили в могущество Божьего Камня? И в чем оно — это так называемое могущество?

Стефан и Патрис пододвинули свои кресла поближе. Вероника выпрямилась и насторожилась. Они поняли: дон Луис хотел, чтобы они все были рядом, когда он будет срывать покров с этой тайны.

Дон Луис рассмеялся.

— Не ждите ничего сенсационного, — охладил он их пыл. — Главное в тайне — это тьма, которая ее окружает, а стоит развеять тьму, как от тайны остается лишь факт во всей своей наготе. Впрочем, этот факт довольно необычен и действительность не лишена известного величия.

— Еще бы, — заметил Патрис Бельваль, — ведь из этой действительности на Сареке, да и во всей

Бретани сложилась такая удивительная легенда.

— Верно, — согласился дон Луис, — и такая стойкая легенда, что воздействует на умы до сих пор, и даже ни один из вас не избежал навязчивой идеи о чуде.

— Вот еще! — возмутился капитан. — Я лично в чудеса не верю.

— Я тоже, — поддакнул мальчик.

— Да нет же, верите, вы признаете чудо как нечто возможное. В противном случае вы уже давно поняли бы, в чем заключена истина.

— Что вы хотите этим сказать?

Дон Луис сорвал прекрасную розу с куста, склонившего над ним свои ветки, и спросил у Франсуа:

— Могу ли я превратить эту розу, и так редкую по величине, в два раза более крупный цветок, а этот куст сделать раза в два выше?

— Нет, конечно, — заявил Франсуа.

— Тогда почему же ты признавал, да и все вы признавали, что Магеннок может достичь подобного результата только благодаря тому, что обрабатывает почву на определенном участке острова и в определенное время? Это ведь чудо, и все вы без колебаний, неосознанно приняли его.

Стефан возразил:

— Мы приняли то, что видели своими глазами.

— Но вы приняли это как чудо, то есть как явление, которое Магеннок вызвал с помощью необычных, точнее, сверхъестественных средств. А вот я, прочитав об этом в письме господина д'Эржемона, я… как бы это точнее сказать… я насторожился. Я сразу же сопоставил эти громадные цветы с названием Цветущее Распятие. И тут же пришел к выводу: нет, Магеннок не чародей. Он просто расчистил вокруг распятия участок невозделанной земли, положил сверху слой перегноя, и у него зацвели необыкновенные цветы. Значит, внизу находится Божий Камень — тот самый, благодаря которому в Средние века там цвели такие же необыкновенные цветы, тот самый, который во времена друидов излечивал больных и придавал силы детям.

— А следовательно, — заключил Патрис, — это чудо.

— Чудо, если удовлетвориться сверхъестественными объяснениями. И вполне естественное явление, если поискать и найти физические феномены, способные породить это кажущееся чудо.

— Но таких физических явлений не существу-

ет!

— Существуют, раз вы видели громадные цветы.

— Значит, — не без иронии осведомился Патрис, — существует камень, который может естественным образом лечить и придавать силы? И это — Божий Камень?

— Такого особого, единственного в своем роде камня нет. Но есть камни, глыбы, скалы, каменные холмы и горы, содержащие залежи различных металлов — окись урана, серебро, свинец, медь, никель, кобальт и так далее. А среди этих металлов встречаются такие, которые выделяют особого рода излучение, обладающее определенными свойствами, называемыми радиоактивностью. Месторождения урановой руды находятся в Европе лишь на севере Богемии и разрабатываются неподалеку от городка Иоахимшталь. Радиоактивные вещества — это уран, торий, гелий[22] и, в нашем случае, главное…

— Радий, — вставил Франсуа.

— Верно, малыш, радий. Явление радиоактивности понемногу проявляется везде, можно сказать, обнаруживается во всей природе, на-

[22] Сноски: 22

Ошибка автора: гелий — инертный газ и радиоактивными свойствами не обладает.

пример посредством благотворного действия термальных источников. Но чисто радиоактивные элементы, такие как радий, обладают более определенными свойствами. Например, не подлежит сомнению, что излучение радия влияет на жизнь растений, и влияние это аналогично влиянию электрического тока. В обоих случаях возбуждение питательной среды повышает усваиваемость растением необходимых элементов и таким образом стимулирует их рост.

Не подлежит также сомнению, что излучение радия способно оказывать физиологическое воздействие на живые ткани, производя в них более или менее глубокие изменения, разрушая одни клетки или влияя на развитие других и даже управляя эволюцией. Есть сведения, что с помощью радия вылечиваются полностью или частично многие заболевания, такие как суставной ревматизм, нервные расстройства, язвы, экземы, опухоли, плотные рубцы. Короче, радий — это весьма эффективное лечебное средство.

— То есть вы полагаете, — проговорил Стефан, — что Божий Камень — это…

— Я полагаю, что Божий Камень — это глыба урановой руды из Иоахимштальского месторождения. Мне давно известна богемская легенда

о чудесном камне, унесенном когда-то со склона холма, и во время одного из своих путешествий я видел оставленную им вмятину. Она довольно точно соответствует размерам Божьего Камня.

— Но ведь радий, — возразил Стефан, — содержится в горных породах в очень незначительных количествах. Посудите сами: после соответствующей переработки из тысячи четырехсот тонн породы получают всего один грамм радия. А вы приписываете чудесные свойства Божьему Камню, который весит от силы две тонны.

— Но радия в нем содержится вполне достаточно. Природа ведь не брала на себя обязательство быть рациональной и распределять радий равномерно. Она могла — просто ей так захотелось — сосредоточить в Божьем Камне столько радия, чтобы камень этот был способен порождать необычайные на первый взгляд явления, о которых мы знаем. Не говоря уж о скидке, которую мы должны сделать на то, что люди часто преувеличивают.

Стефан, похоже, уже почти согласился с доводами собеседника, но все же заметил:

— Остается последнее. Кроме Божьего Камня, есть еще небольшой камешек, который Магеннок обнаружил в свинцовом жезле, подержал в руке,

и та оказалась обожженной. По-вашему, это был кусочек радия?

— Бесспорно. И возможно, именно благодаря этому мы можем с уверенностью заключить, что в нашем деле «замешан» радий. Великий физик Анри Беккерель[23] положил в жилетный карман пробирку с солью радия, и через несколько дней на коже у него образовались гнойные язвы. Кюри[24] повторил его опыт — результат тот же. У Магеннока же случай более тяжелый, потому что он держал кусочек радия прямо в ладони. У него образовалась язва, похожая на раковую. Напуганный всем, что он знал и что внушил себе относительно чудесного камня, который жжет, словно адское пламя, и «дарует жизнь иль смерть», старик отрубил себе кисть.

— Пусть будет так, — согласился Стефан, — но откуда взялся этот кусочек чистого радия? Он не мог быть осколком Божьего Камня, поскольку — повторяю еще раз! — как бы ни богат был минерал, радий содержится в нем не в виде от-

---

[23] Сноски: 23

Антуан Анри Беккерель (1852–1908) — французский физик, открывший в 1896 г. радиоактивность солей урана.

[24] Сноски: 24

Пьер Кюри (1859–1906) — французский физик, один из создателей учения о радиоактивности.

дельных частиц, а как бы распределен по нему равномерно, и его нужно сперва растворить, затем с помощью ряда операций обогатить этот раствор, чтобы его можно было подвергнуть дробной кристаллизации. Все это, равно как и последующие операции, требует наличия заводов, лабораторий, ученых, в них работающих, короче, несколько иного уровня развития цивилизации — согласитесь сами, — чем то варварство, в котором жили наши кельтские предки.

Дон Луис улыбнулся и похлопал молодого человека по плечу:

— Прекрасно, Стефан, я счастлив, что у наставника и друга Франсуа столь ясный логический ум. Возражение вполне справедливое, оно недавно пришло в голову и мне. Я мог бы ответить на него с помощью какой-нибудь приемлемой гипотезы, сделать предположение о существовании некоего естественного способа выделить чистый радий. Мог бы вообразить, к примеру, что в каком-нибудь сдвиге гранитных пород, в полости, содержащей радиоактивную руду, открылась трещина, через которую медленно течет вода, унося с собою мельчайшие частицы радия, что этот поток с растворенным в ней радием медленно циркулировал в замкнутом пространстве, ста-

новился все более насыщенным, на протяжении веков испарялся по капле и на каком-нибудь выступе образовался крошечный сталактит, очень богатый радием, от которого в один прекрасный день некий кельтский воин отломил верхушку… Но стоит ли забираться так далеко и строить всяческие гипотезы? Не лучше ли положиться на единственного гения с неисчерпаемыми возможностями — природу? Неужели для нее труднее выделить из руды кусочек радия, чем заставить расцвести вишню, или распуститься эту розу, или дать жизнь нашему замечательному Делу-в-шляпе? Что скажешь, мой маленький Франсуа? Ты со мной согласен?

— Я с вами всегда согласен, — отозвался мальчик.

— Значит, ты не слишком сожалеешь, что чудо Божьего Камня развенчано?

— Но ведь это чудо все равно есть!

— Ты прав, Франсуа, оно есть, и в сто раз более прекрасное и удивительное. Наука не уничтожает чудеса, она их очищает и облагораживает. Что такое эта маленькая тайная сила — капризная, опасная и непостижимая, таившаяся в кончике волшебного жезла и действовавшая кстати и некстати, по прихоти невежественного вождя

варваров или друида, — что она такое рядом с благодетельной, ясной, послушной и не менее чудесной силой, которая ныне дана нам в виде порошка радия? Что такое… — Дон Луис внезапно осекся и рассмеялся: — Ну довольно! Меня уже понесло, я уже пою оду науке. Простите меня, сударыня, — добавил он, вставая и подходя к Веронике, — и скажите, что вам не очень наскучили мои объяснения. Не очень, ведь правда? Впрочем, с ними покончено… почти покончено. Осталось лишь уточнить одну деталь и принять одно решение.

Он сел рядом с молодой женщиной:

— Дело вот в чем. Теперь, когда мы добыли Огненный Камень, то есть подлинное сокровище, нужно решить, что с ним делать.

Вероника порывисто проговорила:

— О, тут и двух мнений быть не может! Мне не нужно ничего из того, что находится на Сареке, ничего из Монастыря. Мы будем работать.

— Но ведь Монастырь принадлежит вам…

— Нет, Вероники д'Эржемон более не существует, и Монастырь теперь никому не принадлежит. Пусть он пойдет с молотка. Я не хочу ничего из этого проклятого прошлого!

— А на что вы будете жить?

— На то же, что и раньше, — буду работать. И я уверена, что Франсуа меня поддержит, верно, милый?

В безотчетном порыве она повернулась к Стефану и, словно тот был вправе давать советы, спросила:

— Вы тоже меня поддерживаете, не так ли, друг мой?

— Всею душой, — ответил он.

Вероника продолжила:

— К тому же, хоть я и не сомневаюсь, что отец был ко мне привязан, его завещание мне неизвестно.

— Зато оно известно мне, — проронил дон Луис.

— Каким образом?

— Мы с Патрисом побывали на Сареке. В спальне Магеннока, в секретере, в потайном ящике, мы обнаружили запечатанный конверт без адреса и вскрыли его. В нем лежала облигация на двадцать тысяч франков ренты и вот эта записка:

После моей смерти Магеннок передаст эту облигацию Стефану Мару, заботам которого я поручаю своего внука Франсуа. Когда Франсуа исполнится восемнадцать лет, рента перейдет

в его полное владение. Впрочем, я надеюсь, что он разыщет свою мать и та помолится за меня. Благословляю их обоих.

— Вот облигация, — проговорил дон Луис, — и вот записка. Она датирована апрелем этого года.

Вероника была ошеломлена. Она взглянула на дона Луиса, и ей в голову пришла мысль, что всю эту историю придумал этот удивительный человек, чтобы избавить ее и сына от нужды. Мысль, конечно, мимолетная. Господин д'Эржемон поступил вполне естественно: предвидя, какие трудности возникнут после его смерти, он вполне обоснованно позаботился о собственном внуке. Вероника прошептала:

— Отказываться я не имею права.

— Тем более, — воскликнул дон Луис, — что все это происходит помимо вас и завещание вашего отца имеет в виду непосредственно Франсуа и Стефана! Так что тут мы пришли к соглашению. Остается Божий Камень, и я повторяю свой вопрос: что мы с ним будем делать? Кому он принадлежит?

— Вам, — отрезала Вероника.

— Мне?

— Да, ведь это вы его обнаружили и объяснили,

что он представляет собою на самом деле.

Дон Луис заметил:

— Должен вам напомнить, что эта каменная глыба поистине бесценна. Как ни удивительны чудеса природы, но лишь благодаря редчайшему стечению обстоятельств ей удалось сотворить это чудо: накопить так много ценного вещества в столь малом объеме. Сокровища тоже бывают разные.

— И прекрасно, — ответила Вероника, — вы сумеете воспользоваться им лучше, чем кто бы то ни было.

Дон Луис на несколько секунд задумался, а потом заключил с улыбкой:

— Вы совершенно правы, и, признаюсь, я ждал именно такого решения. Во-первых, потому, что я имею право на Божий Камень как его законный владелец. Во-вторых, потому, что мне этот камень нужен. Ей-богу, надгробная плита богемских королей еще не утратила своей волшебной силы, и есть еще множество племен, на которые он может оказать не меньшее воздействие, чем на наших предков-галлов, а я как раз задумал одно дело, в котором он окажет мне неоценимую помощь. Через несколько лет, когда все будет закончено, я отправлю Божий Камень во Францию

и передам его в дар национальной лаборатории, которую собираюсь основать. И таким образом, наука очистит Божий Камень от сотворенного им зла, а совершенные на Сареке преступления будут искуплены. Вы одобряете мои планы, сударыня?

Вероника протянула ему руку:

— Всем сердцем!

Воцарилось довольно долгое молчание. Наконец его нарушил дон Луис Перенна:

— О да, мы были свидетелями преступления, притом столь ужасного, что и выразить нельзя. Знавал я страшные преступления, сам был вовлечен не в одно и до сих пор храню о них жуткие воспоминания. Но это превзошло все, что я знаю. Оно выходит за рамки возможного, за рамки самых тяжких человеческих страданий. Оно не подчинено логике, потому что совершено безумцем. А еще потому, что совершено в момент всеобщей растерянности и помутнения разума. Это война позволила чудовищу тихо и спокойно задумать, подготовить и совершить подобное злодеяние. В мирное время чудовища не успевают до конца воплотить в жизнь свои жуткие мечтания. Но нынче, на этом уединенном острове, преступник нашел особенные, необычные

условия…

— Не будем больше об этом, ладно? — дрожащим голосом тихо попросила Вероника.

Дон Луис поцеловал ей руку, после чего поднял с земли Дело-в-шляпе.

— Вы правы. Не будем. Иначе появятся слезы, и Дело-в-шляпе загрустит. Дело-в-шляпе, милый Дело-в-шляпе, не будем больше говорить об этом страшном деле. Напротив, давай вспомним приятные и красочные его эпизоды. Не правда ли, Дело-в-шляпе, ты, как и я, запомнишь сад Магеннока с гигантскими цветами? А легенда о Божьем Камне, эпопея кельтских племен, скитавшихся вместе с надгробной плитой своих королей, плитой, начиненной радием, которая неустанно испускает целый рой живительных и чудесных частиц, — в этом тоже что-то есть, верно, Дело-в-шляпе? Только видишь ли, наш замечательный Дело-в-шляпе, будь я романистом и реши я рассказать историю острова Тридцати Гробов, меня бы меньше всего заботила жуткая правда и я отвел бы тебе гораздо более значительную роль. Я выгнал бы прочь этого зануду и краснобая дона Луиса, а тебя сделал бы молчаливым и неустрашимым спасителем. Ты боролся бы с этим страшным чудовищем, рас-

строил бы все его планы и в конце, благодаря твоим замечательным инстинктам, сделал бы так, чтобы порок был наказан, а добро восторжествовало. И это было бы весьма убедительно, потому что никто лучше тебя, милый Дело-в-шляпе, не уверит нас — с помощью тысячи доводов, один нагляднее другого, — в том, что все в жизни в конце концов образуется и — дело в шляпе…